

Очаги тревоги в Восточной Европе

Москва 1994

Российская Академия наук
Институт славяноведения и балканистики
Научный центр общеславянских исследований
(ЦЕСЛАВ)

Международный фонд югославянских исследований
и сотрудничества "Славянская летопись"

**Очаги тревоги
в Восточной Европе**
(Драма национальных противоречий)

Москва 1994

**Светлой памяти
Бориса Николаевича Билунова
посвящается**

Тревожно в Восточной Европе. Многонациональные государства рухнули здесь под ликующие крики сторонников их падения. Но не наступило ни мира, ни процветания, ни простого спокойствия и элементарного порядка. Межгосударственные и межэтнические конфликты сотрясают регион. Периодическая печать трактует их зачастую поверхностно и некомпетентно.

Между тем, причины многих уходят далеко в глубь истории. Настоящий сборник имеет целью пролить свет на эти причины. Он содержит статьи, анализирующие историю "болевых точек" прошлого, настоящего и, увы! – возможно, будущего, – *вопросов*: бессарабского, трансильванского, чешско-словацкого, югославского, македонского.

Редакционная коллегия:

В.Н. Виноградов, Т.М. Исламов, Ю.С. Новопашин

Рецензенты:

доктор исторических наук Б.И. Желицки,
доктор исторических наук Ар.А. Улуян

ISBN 5-900698-22-X

© Институт славяноведения
и балканистики РАН, 1994

НАЦИОНАЛИЗМ КАК РЕАЛЬНОСТЬ И НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

XX ВЕКА

(Вместо введения)

В противоположность Западной Европе и Северной Америке, где доминирующей тенденцией развития стали интеграционные процессы, в Средней, Юго-Восточной и Восточной Европе конец XX века проходит под знаком крушения прежних социальных структур, малоэффективных экономических моделей, полиэтничных государственных образований. Распад последних сопровождается вспышкой вооруженных столкновений в форме яростных межэтнических, межнациональных, порой и межрасовых, конфликтов с применением всех видов доступного для участвующих в них враждующих сторон оружия, с этнической "чисткой" захваченных территорий, с типичными для средневекового Востока расправами и пытками. Поражающее воображение современного человека проявления жестокости в Боснии и Герцеговине, в четырехлетней войне за обладание Нагорным Карабахом и в других районах Закавказья, имевшие место взрывы ее в различных точках Средней Азии, общим своим знаменателем имеют явление, именуемое национализмом.

Мы имеем в виду не англосаксонскую интерпретацию термина, содержащую и позитивный смысл этого явления, а говорим о прямо противоположном понимании - негативном, деструктивном, пренебрегающем чужими интересами, а интересы собственного этноса, зачастую ложные и мнимые, ставящем превыше всего, когда ради достижения своих целей есть готовность жертвовать всем вплоть до жизни и благополучия целых стран и народов. Слепая ярость и необъяснимая жестокость межэтнических вооруженных столкновений, которые нередко почему-то квалифицируются как "гражданские войны",

стимулируют международную научную мысль на поиски глубинных истоков национальных противоречий, приводящих во многих случаях к кровавым развязкам. Интенсивны, да и продуктивны, усилия в этом направлении западной науки, в особенности аглосаксонской и германской, характеризующиеся новизной постановки проблемы, оригинальными концепциями, неожиданными поворотами, раскрытием новых, порой весьма неожиданных, аспектов и взаимосвязей проблемы. В этом нетрудно убедиться даже при беглом ознакомлении с заголовками новейших западных публикаций¹. Не в последнюю очередь под их влиянием в разработку проблемы все более активно включаются российские ученые. И не только философы (патентованные от марксизма-ленинизма знатоки по национальному вопросу), но и этнологи, социологи, правоведы, специалисты по криминалистике, психологии, кремленологии. Существенного прогресса, прорыва и качественного скачка от гипотез к достоверному научному знанию, однако, пока не наблюдается. Прав, вероятно, Бенедикт Андерсон, профессор Корнельского университета в США, специалист по Юго-Восточной Азии (родившийся в Китае!), когда утверждает: "В противоположность громадному влиянию, которое оказывает на современный мир национализм, из рук вон плохо обстоит дело с теоретическим его осмыслением"². А наш старый знакомый англичанин, историк и социолог Хью Ситон-Уотсон, автор широко известной монографии "Нации и государства. Исследование происхождения наций и политики национализма", и вовсе пришел к мрачно-меланхолическому выводу: научной дефиниции национализма быть не может вообще!³ Бессилие общественных наук перед загадкой национализма, естественно, побуждает ученых рассматривать его как объект медико-биологического изучения. Уже есть в литературе весьма привлекательная гипотеза, объявляющая национализм "патологией новейшего развития, такой же неизбежной, как и невроты у отдельных людей", с точно такими же отклонениями в сторону безумия...⁴ Но и этот подход, как и попытки использовать для диагностики болезни двадцатого века методику Фрейдовского психоанализа-

за, не намного приближают нас к желанной цели. Важнейший как с практической, так и научно-познавательной точки зрения вопрос, как, каким образом, при каких условиях совершается качественный переход хронической болезни в новое состояние, скачок из стадии пассивности в агрессивную активность, какие предпосылки и условия — экономические, социальные, политические, социально-психологические и т.д. — делают подобный взрыв наиболее вероятным, и следовательно также и предсказуемым в какой-то мере. Историческая наука в силу исторически сложившейся иерархии в системе, и в соответствии с занимаемым в этой иерархии местом, далеко не первым, не претендует на ведущие роли в решении сложнейших проблем современного национализма, каковы должны, вероятно, принадлежать социологам, этносоциологам, этнологам и, конечно же, по традиции имеющему семидесятилетний опыт советскому обществоведению — прежде всего философам (особенно специалистам по диалекту, бывшим, разумеется, ибо сегодня они, вероятно, называют себя как-то иначе). Но и уклониться от участия в этом она не может, да и не имеет права, ибо нет в природе национализма (как бы ни пытались объявить его лишь "социальным феноменом", "явлением культурного наследия", или еще чем-то), который бы существовал вне истории, нет конфликта на этнической почве, который не имел бы своих исторических корней. Лишь исторической науке под силу дать достоверные сведения о происхождении тех или иных межнациональных противоречий, объяснить возникновение тех или иных этнических стереотипов и автостереотипов (т.е. самооценки и сомнений), показать то, как создавался в прошлом "образ врага". Лишь она одна способна воссоздать точную картину взаимоотношений (дружественных или враждебных) между различными народами, сосуществовавшими в одном и том же регионе, в рамках одного и того же государственного образования на протяжении тысячелетия. Надо, однако, признать честно и откровенно, что с этой своей задачей наша историческая наука справлялась, прямо скажем, плохо. Особенно тогда, когда освещала национальные проблемы в Советском Союзе и в так

называемом социалистическом содружестве. Она либо замалчивала межнациональные противоречия и конфликты на этнической почве народов СССР и ареала Центральной и Юго-Восточной Европы, которых воля судьбы связала с СССР "нерушимыми узами" братства, дружбы пролетарско-социалистического интернационализма; либо, напротив, преувеличивала противостояние по расово-этническому признаку - славяно-германское, венгеро-германское, славяно-венгерское, исламско-христианско-православное, католическо-православное и т.д. - в том случае, когда того требовали "высшие государственные интересы". Конъюнктурно-упрощенный подход к национальному вопросу, снижая познавательную ценность наших работ, делал их практически непригодными для серьезного анализа проблем современности.

К сожалению и сегодня, когда отпала необходимость безоглядно следовать официальным догмам ложно толкуемого марксизма, а также и указаниям всезнающих инструкторов-опекунов от центрального партийного аппарата, наука с трудом избавляется от унаследованного от недавнего прошлого стереотипного образа мышления. Грешим этим мы, занимающиеся национальными проблемами Центральной и Юго-Восточной Европы, не меньше, а возможно и больше, чем эксперты по национальному вопросу в России и странах бывшего единого Союза, которые когда-то "навек сплотила Великая Русь"...

Рецидивы стереотипного мышления в нашей среде встречаются чаще всего при попытке применить к региону такие понятия, как национальная идея и идеология, национальное государство, национально-освободительное движение, право наций на самоопределение. Мы все с привычной легкостью - по существу легкомысленно - оперируем названными категориями, далеко не всегда задумываясь над их истинным смыслом и значением, не постигая противоречивой их сущности, а главное абсолютно забываем опоставить результаты осуществления на практике этих принципов с "чистой" идеей, установить причинно-следственную связь между благородно звучащими национальными лозунгами и не совсем "благородными" последствиями,

к которым приводила и приводит реализация этих лозунгов на деле.

Короче говоря, налицо абсолютизация чрезмерно гипертрофированной национальной идеи применительно к истории народов — преимущественно славянских — Центральной и Юго-Восточной Европы. Бедствия, которые навлекло на народы СССР победное шествие по одной шестой части света национальной идеи и ее разновидностей — национальный суверенитет, национальная государственность, национальное самоопределение, побудили часть наших ученых по-иному взглянуть на все эти явления, приступить к их критическому, т.е. подлинно научному, пересмотру. Окончательное же отрезвление наступило, однако, лишь в тот момент, когда прилив волны национализма коснулся самой России, грозя исторически сложившейся целостности этого единого в своей полиэтничности государственного образования. Мы же, посвящая целые трактаты нациям и национальным движениям славянских и балканских народов, умудряемся ни разу не упомянуть сам термин "национализм". Хотя он уже в конце XIX в. широко употреблялся праворадикальными идеологами и политиками в Италии и Франции, "которые особенно усердно размахивали национальным знаменем", и оказался, по мнению известного ученого — британского марксиста Эрика Хобсбаума, "более целесообразным", чем "принцип национальностей", вошедший в словарь европейской политики с 30-х годов XIX в. Наши ученые (к сожалению и мои коллеги по Институту), редко когда отваживались говорить, а тем более писать о национализме, а если и хватало на это смелости, то он у нас всегда оказывался "буржуазным", и неизменно — привилегией господствующих классов. Не возбранялось, естественно, ругать, клеймить, пригвоздить к позорному столбу немецкий национализм или мадьярский шовинизм.

Мы по-прежнему воспеваем право наций на самоопределение, несколько не считаясь с правдой истории и логикой исторического процесса, особенно выразительно заявившего о себе в ходе обвального распада государств в восточной час-

ти Средней Европы и примыкающей к ней Балканской зоне. Мы как бы не замечаем его разрушительного воздействия на взаимоотношения соседних народов, подрывающим основы права, морали, заповеди религии, наконец, его пагубного влияния на массы людей, охваченных жадой "самоопределиться" и непременно вплоть "до выхода", т.е. стремящихся к монопольному обладанию территорией, очищенной от инонационального элемента. Заметим попутно, что сам В.И. Ленин, на которого сегодня столь охотно валят все грехи реального социализма, весьма осмотрительно обходился с этим принципом, рассматривая его скорее как теоретическое положение, как лозунг, и никогда в качестве "руководства к действию" во всех случаях, постоянно подчеркивал необходимость конкретного его рассмотрения в каждом отдельном случае.

Мы по-прежнему твердим, как ни в чем ни бывало, о торжестве принципа самоопределения в Центральной Европе после первой мировой войны, когда на развалинах многонациональной Австро-Венгерской монархии были образованы новые многонациональные государства, которые, по меткому выражению мюнхенского историка Хорста Глассла, были "в этническом отношении зеркально точным отражением потерпевшей крушение дуалистической Монархии"⁵. Новые малые, внутренние рыхлые, полиэтничные государства, разобщенные между собой, не обладая достаточной экономической мощью и военным потенциалом, чтобы отстоять свою независимость, неизбежно должны были стать легкой добычей более сильных хищников. Уже в конце 1930 - начале 1940-х годов от их государственного суверенитета и следа не осталось, их в той или иной форме поглотил гитлеровский Третий рейх. А после окончания второй мировой войны все эти страны оказались в орбите Советского Союза, сохранив лишь формальные атрибуты государственной самостоятельности. Пора, наконец, признать, что в 1919 г. в Версале, где карта Средней Европы произвольно кроилась и перекраивалась, не идеалистическая идея национального самоопределения праздновала победу, а стратегические и военно-политические, экономические интересы вели-

ких и малых держав. Принцип самоопределения применялся избирательно, односторонне, с полнейшим пренебрежением к правам и интересам побежденных наций. Результат известен: молодые "самоопределившиеся" нации не сумели создать сильные, жизнеспособные государства, и среднеевропейский регион вследствие уничтожения Австро-Венгерской монархии, десятилетиями гарантировавшей худо-бедно мирное национальное развитие многих народов, превратился в такой же очаг беспокойства, напряженности и нестабильности, каким был и остается сегодня соседний - балканский - регион. Пора признать совершенно определенно и однозначно, что национальная государственность вовсе не всегда благо, ибо во многих случаях несет бедствие и зло создающим этносам.

У нас нет никаких оснований идеализировать столь модные нынче понятия как суверенитет, национальное государство, самоопределение, особенно в тех случаях, когда это направлено на бездумное разрушение устоявшихся образований. Опыт истории (если ее "читать" правильно, без пристрастий), в том числе нашего ареала, дает множество примеров того, что нация может самоутверждаться, обеспечивать условия своего свободного развития во всех сферах жизни, не обязательно в рамках моноэтнического государства, а национальный вопрос вполне поддается решению и без отделения и выделения. Ограничусь одним только примером. Южный Тироль, являвшийся долгое время яблоком раздора между Италией и Австрией, где еще в 1950 г. орудовали неонацисты, взрывались бомбы, совершались теракты, ныне представляет собой один из спокойнейших районов беспокойной Европы. И среди предпосылок мирного разрешения спора был отказ немецкоязычного населения от идеи самоопределения.

Редколлегия считает нужным отметить, что в статьях представлены индивидуальные точки зрения авторов, не обязательно совпадающие с мнением других членов авторского коллектива, состоящего из сотрудников Института славяноведения и балканистики РАН.

Т.М.И с л а м о в

ПРИМЕЧАНИЯ

1. G e l l n e r E. Nations and Nationalism. Oxford, 1983; I d e m. Nationalismus und Moderne. Berlin, 1991; Nationalismus (Hg. H.A.Winkler). Königstein, 1985; K o h n H. The Idea of Nationalism. A Study of its Origins and Background. New York, 1961; L e m b e r g E. Nationalismus. Hamburg, 1964. 2 Bde; R e i t e r N. Gruppe-Sprache-Nation. Berlin, 1984; G l a z e r N., M o y n i h a n D.P. Ethnicity. Theory and Experience. Cambridge (Mass.), 1975; Group for the Advancement of Psychiatry. Us and Them: The Psychology of Ethnonationalism. New York, 1987; Ethnic Conflict in the Western World (Ed. M.J.Estman). Itaka & London, 1977. Более подробный перечень новейших работ: Daedalus. 1993. Summer.

2. A n d e r s o n B. Die Erfindung der Nation. Frankfurt/Main, 1988. S. 13.

3. S e t o n - W a t s o n H. Nations and States. An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism. Boulder (Colorado), 1977. P. 5.

4. H o b s b a w m E.J. Das imperiale Zeitalter 1875-1914. Frankfurt - New York, 1989. S. 181.

5. G l a s s I H. Nationale Minderheiten // Ungarn-Jahrbuch. Bd. 20. S. 281.

БЕССАРАБИЯ - КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ
В РОССИЙСКО-РУМЫНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Весна 1812 года. Над Россией нависает мрачная туча нашествия "двунадесяти языков" - "великой армии" Наполеона Бонапарта. Европа пришла в движение - от Вислы и Немана до Гвадалквивира, повсюду с мест расквартирования снимаются полки. Французы, немцы, итальянцы, испанцы, поляки...несть им числа. Австрия и Пруссия, союзники Наполеона, перемещают к границе свои дивизии. Великое герцогство Варшавское снаряжает корпус под командованием Юзефа Понятовского...

А навстречу, из глубин России, шагают батальоны Первой и Второй армий. Солдат в них втрое меньше, чем у Наполеона. Существует и третья армия, именуемая, по месту операций, Дунайской. Но она давно и прочно занята тянущейся с 1806 г. и кажущейся бесконечной войной с Турцией, которую никак не удается завершить.

Переговоры о мире ведутся с перерывами с 1809 г. Тогда командующему фельдмаршалу А.А.Прозоровскому предлагалось добиваться следующей формулировки относительно Дунайских княжеств: "Княжества Молдавия и Валахия вместе с Бессарабией присоединяются на вечные времена к империи Всероссийской, так, что отныне впредь река Дунай пребудет границей между империею Всероссийскою и Портою Оттоманскою"¹.

Далеко в средневековье уходили связи Руси с Дунайскими княжествами, в первую очередь с Молдавией. Еще при дворе великого князя Иоанна III Васильевича появилась красивая и властная княжна Елена, дочь молдавского господаря Штефана III Великого. Елена, прозванная Волшанкой, стала женой наследника престола Ивана Ивановича Молодого. Шел к завершению XV век и недобро, и мрачно для Дунайских княжеств наступал ему на смену век XVI. Молдавия и Валахия утратили

самостоятельность, превратились в вассалов Османской империи; существовавшая первоначально широкая автономия постепенно урезалась, контроль Высокой Порты, как тогда именовалось турецкое правительство, над всеми сторонами жизни становился всеобъемлющим. Улучшение участи господари, духовенство и боярство связывали с переходом под российский скипетр. В 1656 г. с прошением ко двору царя Алексея Михайловича прибыло молдавское посольство, но последствий не было. В 1711 г., откликаясь на подобную же просьбу, Петр I издал в Луцке "Диплом и пункты", изъявив свое согласие на вхождение Молдавии в состав государства Российского: "Имеет помннутый яснейший принц волоский со всеми вельможи, шляхтою и всякого чина людьми славного народа волоского и со всеми городами и местами земли тоя быти под защищением нашего царского величества яко верным подданным надлежит"².

Но последовал несчастный Прутский поход; войско во главе с Петром и молдавские полки господаря Димитрия Кантемиры были окружены под Станилештами на Дунае; с трудом, подписав тяжелые условия, удалось вырваться из кольца войск турок и крымских татар.

Русско-турецкая война 1768-1774 гг. дала возможность молдаванам и валахам вновь возбудить свои ходатайства. Двор Екатерины II стал местом их паломничеств. Приведем выдержки из молдавской грамоты от 10(22) декабря 1769 г.: "О, богом дарованная и богом венчанная всемилостивая государыня императрица и премилосердная обладательница наша! Не остави нас, единоверных и верноподданных вашего императорского величества, не остави нас в жесточайшее и лютое поругание злочестивых и христианоненавидцев и иноплемеников, но осени нас всеильною десницею вашего императорского величества, покрой нас всеильным и непобедимым покровом и защищением вашего императорского величества, огради нас вѣткратическим и непобедим/ым/ оружием вашего императорского величества, да всегда проживем в тишине и покое под высокую вашего величества самодержавству, в чем и все благонадежны есмь"³.

Это — современный перевод с молдавского грамоты, написанной кириллицей; слог послания торжествен, даже высокопарен, по нашим понятиям, но в то же время он ярок и выразителен, как бы пропитан страданиями народными.

Обращения продолжались и в начале XIX столетия, поэто му вхождение Дунайских княжеств в состав России можно было бы рассматривать как воплощение чаяний, выраженных в прошениях, как акт их добровольного присоединения к России. Но...

Год шел за годом, война затягивалась, с Запада надвигалась гроза, и надежда на то, что туркам удастся навязать выработанные условия, таяла. В марте 1811 г. Александр I, преодолев личную антипатию к Михаилу Илларионовичу Кутузову, назначил опытного полководца главнокомандующим Дунайской армией. Успешными маневрами Кутузов сумел окружить неприятельские силы под Слободзеей, а затем и нанести им поражение. Из бивуака под селением он сообщил в Петербург о прибытии уполномоченных великого визиря. 9(21) октября канцлер Н.П.Румянцев прислал ему инструкцию: "Приобретения наши ограничить одною Молдавиею и Бессарабиею. Ежели турецкие министры будут крайне затруднены уступкою всего княжества, то довольствоваться определением границы по реке Серет, продолжа оную по Дунаю до владения его в Черное море"⁴. Переговоры шли туго, в Петербурге нервничали и торопили генерала: главное — "не помешать настоящей неготиации достигнуть мира, что должно быть единственною целию нашею" (Инструкция от 4(16) декабря 1811 г.)⁵

Российским уполномоченным во главе с А.Я.Италиным, казалось, удалось достичь с турками согласия по смягченному варианту российских требований... Но на двенадцатом заседании Галиб-эффенди объявил, что прибыли указания султана, пред коими надо склониться: "...У России нет причин желать расширения территории, она и так обладает самой обширною, и пусть граница останется прежней"⁶.

"Неготиация" зашла в тупик. Кутузову было предписано приготовиться "к начатию военных действий"⁷. "Начатия" не

произошло, ибо зимой тогда не воевали. 22 марта (3 апреля) 1812 г. из Петербурга в Бухарест, место расположения штаба Кутузова, поскакал фальдъегерь. Он вез инструкцию Н.П.Румянцева - держаться твердо: "Государь император поручил мне объявить последнюю и решительную волю: 1) чтобы р.Сетрет, на том основании как сие прежде соглашено было, служила границею между двумя империями"⁸. Сам же Александр давал Кутузову совсем иные указания. В его рескрипте от того же 22 марта (3 апреля) говорилось: "Величайшую услугу Вы окажете России поспешным заключением мира. Убедительнейше Вас взываю любовью к своему отечеству обратить все внимание и усилия Ваши к достижению сей цели. Слава Вам будет вечная".

"Для единственно Вашего сведения сообщаю Вам, что если бы невозможно было склонить турецких полномочных подписать трактат по нашим требованиям, то, убедясь наперед верным образом, что податливость с Вашей стороны доставит заключение мира, можете Вы сделать необходимую уступку в статье о границе в Азии. В самой же крайности дозволяю Вам заключить мир, положа Прут, по впадении оного в Дунай, границей"⁹.

Казавшийся неразрешимым узел русско-турецких противоречий был разрушен царским указом. Ст.4-я подписанного в Бухаресте 16(28) мая 1812 г. мирного договора гласила: "...Постановлено, что река Прут со входа ее в Молдавию до соединения ее с Дунаем и левый берег Дуная с сего соединения до устья Килийского и до моря будут составлять границу обеих империй, для коих устье сие будет общее"¹⁰. Император Александр I ратифицировал договор 12(24) июня в Вильно, а вскоре началось вторжение наполеоновских войск в Россию.

Так произошло отчленение части не признававшегося тогда субъектом международного права, вассального по отношению к турецкой империи Молдавского княжества, - Бессарабии, и вхождение ее в состав России. Уточним, что южная часть края с городами Бендеры, Измаил, Аккерман, Каушаны с татарским и

гагаузским^ж по преимуществу населением в Молдавское княжество не входила и являлась провинцией Османской державы.

Неудачная для России Крымская война 1853–1856 гг. закончилась тяжелым для нее Парижским миром. В числе понесенных ею потерь значились три южных уезда Бессарабии. Согласно ст. 21-й трактата, "пространство земли, уступаемое Россией, будет присоединено к княжеству Молдавскому под верховною властью Блистательной Порты"¹¹. Молдавия, оставаясь турецким вассалом, субъектом международного права по-прежнему не являлась, и договор ее представители не подписывали. Никакого влияния на решение держав-победительниц, навязавших России данное условие, национальный вопрос не оказывал. Они стремились лишить Россию выхода к Дунаю, в чем она была кровно заинтересована в интересах развития своих обширных юго-западных земель.

Парижский мир воспринимался в России как тяжелый и унижительный, — страна не привыкла к потерям. Удачными маневрами дипломатии, руководимой многоопытным князем Александром Михайловичем Горчаковым, удалось снять запрет на содержание военного флота на Черном море (1870–1871 гг.). На очереди стоял вопрос о возвращении Южной Бессарабии.

В 1875 г. на Балканах случилась цепная реакция восстаний — в Боснии, Герцеговине, затем — Болгарии; вмешались княжества Сербия и Черногория, вступившие в войну с Высокой Портой, но — неудачно. Взволновалась российская общественность, возмущенная жестоким подавлением Апрельского (1876 г.) восстания в Болгарии, встревоженная военными неудачами южных славян, изверившаяся в успехе попыток добиться улучшения их участи дипломатическим путем. Перспектива новой русской-турецкой войны стала реальностью, а путь на Балканы проходил через Румынию — государство, образовавшееся в результате объединения Молдавского и Валашского княжеств в 1859–1861 гг. Румыния не могла остаться в стороне от конфликта — ее общественность мечтала о разрыве вассаль-

---

^ж Гагаузы — турецкий народ православного вероисповедания.

ных связей с Османской империей, о достижении полной государственной независимости. Но разведка при европейских дворах принесла в Бухарест обескураживающие результаты: никто не шел навстречу пожеланиям, и не давал ни малейшей надежды. И румынская делегация во главе с министром-президентом Ионом К.Бретиану отправилась в Крым — якобы для того, чтобы приветствовать прибывшего туда российского монарха, а на самом деле — на рекогносцировку крупного плана.

29-30 сентября (11-12 октября) 1876 г. состоялись встречи с Александром II и канцлером А.М.Горчаковым в любимой царской резиденции Ливадии. Беседы касались прежде всего условий прохода русской армии через Румынию. Для русской стороны они осложнялись тем обстоятельством, что она собиралась по ходу войны осуществить возвращение Южной Бессарабии, а возникновение этого вопроса на беседах грозило осложнить и без того нелегкую обстановку. В конце концов согласие на прохождение русских войск было дано, но румыны обусловили его подписанием не просто "деловой" военной конвенции, а документа политического характера.

Официально Южная Бессарабия в беседах не упоминалась. Но, судя по свидетельствам с румынской стороны, намеки делались. Так, по рассказу самого Бретиану, в саду за чашкой кофе царь предложил ему сигару, а императрица Мария Александровна поднесла зажженную спичку. Александр размышлял вслух: важна не территория, Россия имеет ее достаточно, важен принцип — с тех пор как существует Россия, она впервые вынуждена была уступить часть своих земель, пусть малую толику, ранее завоеванную оружием. Он, Александр, считает своим священным долгом добиться отмены всех условий Парижского мира 1856 г.

Бретиану отмолчался. Прямой вопрос он задал Горчакову, и тот заявил, что ответ можно предугадать¹².

Вопрос о Южной Бессарабии широко обсуждался не только в румынской, но и в мировой печати. В марте 1877 г. генеральный консул Д.Стюарт решил воспользоваться прошедшей в сводках французского агентства Гавас информацией об этом,

чтобы объясниться с премьер-министром. В депеше от 2 (14) марта он передавал в Петербург: Бретиану "признает, что поездка в Ливадию совершенно убедила его в том, что Бессарабия впредь потеряна для Румынии и что Россия не упустит случая при первой же возможности вернуть себе этот маленький участок земли, столь ей необходимый. Затем он заверил меня, что все хоть немного здравомыслящие румыны хорошо понимают неумолимую необходимость ликвидации аномалий, созданных Парижским миром, но им трудно примириться с безвозмездной утратой территории, которую они считают принадлежащей им по праву..."¹³

Из других свидетельств приведем дневниковую запись военного министра Д.А.Милютина от 4 (16) ноября 1877 г. о его разговоре с тем же Бретиану уже во время войны в русско-румынском лагере под крепостью Плевна (Плевен): "Разговор коснулся возвращения под власть России отторгнутой у нее в 1856 г. части Бессарабии, с вознаграждением Румынии участком на правой стороне Дуная. Разумеется, я не раз упоминал, что мы ведем эту беседу как частные лица, "академически", что я высказываю личные свои мысли, причем заметил, что отторжение от России означенного клочка Бессарабии составляет для всякого русского человека чувствительную рану, которую настоящая война должна залечить. Бретиано (так в тексте. - В.В.) отвечал на это очень уклончиво, что лично он несколько бы не сожалел о возвращении нам этого клочка земли с населением, не сочувствующим Румынии; но что иначе судит большинство нации, что подобное со стороны России требование может произвести в крае весьма тяжелое впечатление, тогда как для самой России всего важнее привязать к себе население Румынии"¹⁴.

Как свидетельствуют документы, русская сторона полагала, что дала понять румынам о своих намерениях (так, А.М. Горчаков в своей телеграмме министру иностранных дел М.Когэлничану от 30 декабря 1877 г. (11 января 1878 г.) употребил формулу: "Я уже имел случай в общей форме касаться" этого вопроса"¹⁵); сам Когэлничану признавал в узком кругу,

что в июле 1877 г. он точно знал о русском намерении. Однако, как справедливо пишет американская исследовательница Б.Елавич, "желание русских вернуть Бессарабию было известно повсеместно и внушало страх румынским лидерам всех фракций", но "с сентября 1876 г. до января 1878 г., когда румынам, наконец, резко заявили, что им надо расстаться с территорией, русские ходили вокруг проблемы, прибегая к намекам, уклонениям, "академическим" разговорам и косвенным путем предлагая большую компенсацию"¹⁶.

Поведение русской стороны объяснить можно: ставить с самого начала переговоров "в лоб" бессарабский вопрос — значило рисковать их срывом. Объяснима и позиция румын: отказаться от сотрудничества они не желали — это значило ставить под сомнение возможность достижения независимости, рисковать тем, что Румыния во время войны будет занята русскими войсками или станет театром военных действий. Давать согласие на уступку Южной Бессарабии румынское правительство не собиралось. Не реагируя пока что на известные ему планы русского кабинета, оно сохраняло возможность для протеста; в то же время оно стремилось включить в готовившееся политическое соглашение условия, которые затруднили бы русской стороне предъявление формального требования о передаче Южной Бессарабии. Ливадийское свидание было представлено иностранным консулам в Бухаресте как чисто протокольное, были даже намеки на "сопротивление" румын настояниям о пропуске русских войск¹⁷.

Понятно стремление российского кабинета ограничиться строго военной конвенцией. Великий князь Николай Николаевич, назначенный главнокомандующим, запросил румынского князя о достижении договоренности, "исключающей какой-либо политический характер". Не тут-то было! Ответ Карла помечен 24 января (5 февраля) 1877 г.: "Если Турция будет продолжать сопротивляться воле христианского мира и русскую армию еще раз призвут пролить свою кровь за угнетенных собратьев по религии, она может быть уверена в сочувственном и братском приеме при своем прохождении через Румынию, которая не забн-

ла и никогда не забудет, что своим первоначальным освобождением она обязана этой армии и попечению о ней царей"¹⁸. Далее Карл выдвигал требование, чтобы договоренность о переходе русских войск была оформлена политическим актом и выражал готовность заключить его хоть накануне войны.

Заключение политической конвенции на предложенных условиях означало де-факто признание государственной независимости Румынии и принятие на себя обязательства поддержать это перед "европейским концертом" в то время как все прочие его участники стояли на страже турецкого сюзеренитета. И, наконец, с признанием независимости Румынии о территориальных вопросах следовало договариваться с нею самой, зная об отрицательном отношении ее правящих кругов к уступке Южной Бессарабии.

Переговоры шли трудно, особенно сложным представлялось согласование формулы относительно территориальной целостности. Лишь 4 (15 апреля) 1877 г., за восемь дней до войны, российский консул Д. Стюарт, получив полномочия, подписал военную и политическую конвенции. Первая была важна для войны, вторая - для мира: Россия обязывалась уважать "политические права Румынского государства, соответственно его законам и обычаям, поддерживать и защищать нынешнюю целостность Румынии"¹⁹. Выработав эту формулу и настояв на ее принятии, румынская сторона явно имела в виду бессарабскую проблему. Действительно, соглашение в таком варианте затрудняло возвращение Южной Бессарабии; данные впоследствии царем и Горчаковым объяснения - указанная земля была уступлена Молдавии, а не Румынии (на самом деле - Турции), что Парижский мир был навязан России, от него ничего не осталось, и было бы несправедливо, чтобы единственно Россия соблюдала последнюю из не отмененных его статей, - звучали неубедительно и даже неуклюже²⁰.

12(24) апреля началась война. 9(21) мая, воспользовавшись нахождением в стране русских войск, Национальное собрание Румынии провозгласило ее независимость.

Успешно начавшаяся кампания 1877 г. была прервана неудачей русских войск под крепостью Плевна (Плевен). Откликаясь на призыв великого князя Николая Николаевича, Румыния приняла участие в военных действиях. Ее полки со славою сражались под Плевной вплоть до капитуляции крепости.

Осложнения в русско-румынских отношениях наступили с началом переговоров о перемирии. Румынский кабинет выделил в качестве своего уполномоченного на них полковника Е.Ариона. В случае, если бы его к переговорам не допустили, полковнику было предписано заявить, что Румыния не признает условий мира, ее касающихся, но выработанных без ее участия²¹. Его не допустили. 14(26) января румынский дипломатический агент в Петербурге ген. Янку Гика сообщил в Бухарест о своей беседе с Александром II и Горчаковым: "Из их уст я получил формальное заверение, что румынские интересы получают мощную поддержку, что признание независимости нашей обеспечено и страна будет вознаграждена щедрой компенсацией за понесенные ею жертвы, приобретя Добруджу. Затем император и канцлер заявили мне откровенно о невозможности участия Румынии в переговорах по той причине, что ее независимость не подтверждена Европой; лишь после того, как международный конгресс признает новое положение Румынии, она сможет принять участие в международных акциях..."²².

Аргументация царя и канцлера соответствовала положению международного права той эпохи; несомненно, однако, что за ней скрывалось нежелание видеть румын за столом переговоров, ибо они могли их затруднить, тем более, что как раз в это время было официально предъявлено требование о возврате Южной Бессарабии. 30 декабря 1877 г. (11 января 1878 г.) Горчаков направил в Бухарест депешу следующего содержания: "Е.в. император счел, что настало время прояснить некоторые вопросы, кои я уже имел случай затрагивать в общей форме с вашим превосходительством, имея в виду будущий мир. Важно, чтобы в отношениях их не существовало ни малейшего недопонимания". В Бухарест направляется граф Н.П.Игнатъев ... "Мы желаем сделать для Румынии все возможное по

дипломатической линии. Но известно, что существуют интересы и права, в связи с защитой которых мы не можем входить в сделку. Мы ожидаем от правительства Румынии, что оно справедливо и рационально взвесит свою ситуацию и те традиции, которые объединяют Румынию с Россией"²³. Еще до того, как Н.П.Игнатъев изложил эти предложения в Бухаресте (что произошло 19(31) января), это сделали Александр II и Горчаков в беседе с Гикой (телеграмма последнего от 14(26) января): "Император и канцлер формально известили меня о своем намерении вернуть часть Бессарабии до Килии. В качестве компенсации Румыния получит Дельту Дуная и Добруджу до Кюстендже" (Констанца)²⁴. На возражения Гики ответ был дан "самым куртуазным языком, но выражавшим непреклонную решимость".

Немедленного и официального протеста с румынской стороны не последовало. Более того, у Игнатъева создалось впечатление, что вопрос можно будет уладить бесконфликтно. "Князь Карл, - который первоначально встретил его формальные предложения с видимым неудовольствием и даже высказал мысль, что скорее отречется, нежели согласится на меру, которая возбудит против него негодование всей страны, - кончил тем, что поручил министерству подготовить общественность и представителей народа к жертве, суровую необходимость которой он хорошо понимает"²⁵. Так, со слов самого Игнатъева и по его поручению, передавал в Петербург консул Д.Стюарт. По сложившемуся у Игнатъева впечатлению, ему удалось убедить и министров.

Дипломат предавался самообману. На самом деле "мягкая" первоначальная реакция на его требования объяснялась не готовностью к компромиссу, а стремлением выиграть время, чтобы заручиться помощью держав, и надеждой на то, что в создавшейся к концу войны исключительно неблагоприятной для России обстановке, в условиях ее полнейшей внешнеполитической изоляции удастся сыграть на противоречиях в "европейском концерте". Румынская дипломатия развила лихорадочную активность, чтобы, используя откровенную враждеб-

ность к России со стороны Великобритании и Австро-Венгрии, пассивную позицию Франции и Италии и лавирование немецкого канцлера О.Бисмарка, настоять на своем.

Русско-турецкое перемирие в Адрианополе 23 января (4 февраля) и прелиминарный мирный договор в Сан-Стефано 19 февраля (3 марта) 1878 г. предусматривали территориальную компенсацию и признание независимости Сербии, Черногории Румынии. По ст.19-б прелиминариев Высокая Порта уступала Северную Добруджу, Дельту Дуная и Змеинный остров России, которая резервировала за собой право обменять их на Южную Бессарабию.

Следует заметить, что бессарабский вопрос оставался в тени англо-русско-австрийских разногласий, не вокруг него, а вокруг образования Болгарского государства разгорелись основные споры. Но Румыния, по земле которой проходили русские военные коммуникации, могла стать полезным участником возможной антирусской коалиции. Поэтому ее эмиссаров выслушивали в Лондоне и особенно в Вене, выражая сочувствие, но воздерживаясь от обещаний конкретной помощи. Что же касается румынской дипломатии, то она, обладая богатым опытом игры на вечных противоречиях между державами, надеялась и государственную независимость обеспечить, и Южную Бессарабию сохранить, и присоединения Северной Добруджи добиться.

Министр иностранных дел М.Когэлничану бомбардировал столицы нотами, специальные посланцы И.Гика, Д.Брэтиану, Д.Стурдза посетили Стамбул, Вену, Лондон, Берлин. Они встретили определенное понимание лишь в Вене, но "твердых заверений не дали и здесь"²⁶. В последней декаде марта Вену и Берлин посетил глава правительства И.Брэтиану. Прием он встретил разный. Австрийский канцлер Д.Андраши толкал его на сопротивление русским требованиям (не связывая себя обещанием поддержки); Бисмарк советовал отнестись к ним положительно и, воспользовавшись моментом, выторговать как можно больше в смысле приобретаемой территории²⁷. Собственные настроения влекли Брэтиану к продолжению конфликта, тем более, что обе палаты парламента приняли резолюции о незыб-

лемости целостности страны и ее независимости²⁸.

О степени напряженности в русско-румынских отношениях свидетельствовала передислокация румынской армии в Олтению, западную часть страны. Были предприняты даже зондажи на предмет участия Румынии в эвентуальной войне против России. Так, 6 июня 1878 г. (н.ст.) британский посол в Константинополе Г. Лейрд сообщал в Лондон: во время своего пребывания в Турции Д. Бретиану, брат премьера, информировал его о желании румынского правительства "вступить в тесные дружеские отношения с Портой; если разразится война между Англией и Россией, оно готово заключить наступательный и оборонительный союз с Турцией против России; в этом случае Румыния, сказал он, может сразу же выставить в поле 50 тысяч отборных, превосходно обученных людей и удвоить это число в течение шести недель. Необходимо теперь же договориться с Австрией о поставках оружия и снаряжения для этих дополнительных сил"²⁹. 17 июня Лейрд сообщил, что турки отклонили румынское предложение, которое явно запоздало, ибо контуры мирной договоренности обозначились уже отчетливо: 18-19 (30-31) мая был подписан секретный англо-русский меморандум, в какой-то степени урегулировавший, к ущербу для России и балканских народов, отношения между двумя странами-антагонистами. Бессарабский вопрос был отнесен к числу тех, которые Великобритания обязалась сама не поднимать и согласилась с решением по нему предстоявшего конгресса. Формулировка отличалась редкостным фарисейством: "Правительство ее британского величества считало бы своим долгом выразить свое глубокое сожаление, если бы Россия решительно настаивала на возвращении Бессарабии. Поскольку, однако, достаточно выяснено, что прочие державы... не намерены защищать при помощи оружия границы Румынии... Англия не считает себя столь непосредственно заинтересованной в этом вопросе, чтобы взять на себя одну ответственность воспротивиться предложенному изменению"³⁰. Других охотников выступать в поддержку румын на Берлинском конгрессе 1(13) июня - 1(13) июля 1878 г. не нашлось, - после урегулирования острейших разногласий и лик-

видации угрозы англо-австро-русского столкновения в их услугах перестали нуждаться.

И.Брэтриану и М.Когэлничану, прибыв в Берлин, бились, можно сказать, до конца. Они настаивали на том, чтобы вопрос о независимости Румынии обсуждался на первом же заседании, и тогда Румыния на другой день могла претендовать на равноправное участие в совещаниях, — безрезультатно. Их просто выслушали. Британский премьер лорд Биконсфилд (Бенджамин Дизраэли) записал в своем дневнике, что румыны совершили очень выгодную сделку, что и лежало в основе их, как он выразился, домогательств (т.е. обменяли Южную Бессарабию на гораздо более обширную и экономически более перспективную Северную Добруджу).

В акте Берлинского конгресса международное признание независимости Румынии обуславливалось согласием на санкционированные Конгрессом территориальные изменения и на предоставление всем гражданам Румынии, независимо от веры, равных прав (подразумевалась в первую очередь существовавшая в стране дискриминация евреев). Но Румыния впервые фигурировала в международном договоре такого значения как субъект международного права, ее государственная независимость стала общепризнанной, и это было важно.

Возвращение Южной Бессарабии в состав России было использовано для раздувания в определенных слоях румынской общественности русофобских настроений. В отношениях двух стран наступила длительная пора отчуждения. Но постепенно напряженность спадала. На первый план в румынской внешней политике выступила задача объединения с соотечественниками, проживавшими в Трансильвании и Банате, двух областей в составе Венгерского королевства, входившего в двуединую Австро-Венгерскую монархию. А Бессарабия срасталась с новой родиной. С вхождением в Россию край на сто лет избавился от войн и нашествий (а за рекой Прут они бушевали — 1821, 1848-1849, 1828-1829, 1853-1856, 1878-1879 гг.), от разорений, связанных с боевыми действиями, солдатскими постоями и всевозможными поборам. Бессарабия приобщилась к обширному об-

пероссийскому рынку, что создавало благоприятные предпосылки для ее экономического роста, по темпам которого реформенная Россия шагала вслед за США, Германией и Японией. В 1812 г. население Бессарабии едва насчитывало 300 тыс. человек, за сто лет это число удесятирилось. Прибытие многочисленных переселенцев с Украины, России и даже Германии меняло демографическую картину области, снижало долю коренных жителей; на рубеже XX столетия она составляла половину от общего числа. Но и численность самих молдаван (1812-1896 гг.) возросла в четыре с половиной раза, и стремительный рост народонаселения свидетельствовал о наступившей в крае общественной безопасности, обеспеченности жизни и имущества его обитателей.

И в культуре процессы были сложными. Несомненно отрицательное влияние политики русификации, проводившейся "сверху". А знакомство молдаван с русским языком и жизнью способствовало их приобщению к мировой культуре. В Бессарабии жили и творили Пушкин, Короленко, Коцюбинский, Гаршин. Взаимообогащение двух культур - факт несомненный и положительный.

Первоначально, при сравнительно мягком и либеральном Александре I, по Уставу образования Бессарабской области (1818 г.) в ней сохранялась традиционная система управления. Николай I отменил Устав и распространил на Бессарабию любезное ему единообразие управления. Делопроизводство было переведено на русский язык; позднее молдавский язык был изгнан из школ и сохранился лишь в церкви, хотя запрету он никогда не подвергался и продолжал жить и развиваться в повседневном общении и литературе. Бессарабия познала все "прелести" общероссийских порядков: цензуру, ограничивавшую гласность, произвол многоступенчатой бюрократии, разгул полицейщины.

Но и за Прутом было не сладко: малоземелье душило деревню, крестьянство, самый многочисленный класс румынского общества, знало лишь один закон - жандармский кулак, его уделом была нищета и неграмотность. Великое крестьян-

ское восстание, прокатившееся по всей стране в 1907 г., показало всю остроту накопившихся в ней социальных противоречий. Сепаратистских настроений, стремления отделиться от России в Бессарабии хоть в сколько-нибудь заметной степени не проявлялось; ее население включилось в общероссийское общественное движение, от революционного его крыла до черносотенцев, где бессарабцев "представлял" Пуришкевич

Годы первой мировой войны вошли важной вехой в летопись российско-румынских отношений. В Румынии война была воспринята как возможность достичь объединения с соотечественниками, жившими в Австро-Венгерской монархии. Но осторожный министр-президент Ион К.Бретиану-младший, сын того, что уже фигурировал на наших страницах, не торопился вступить "в дело". Российская Ставка в лице генерала М.В.Алексеева питала сильные сомнения относительно ценности румынской поддержки на фронтах. Иной точки зрения придерживались кабинеты Парижа и Лондона, осуществляя соответствующее давление и в Бухаресте, и в Петрограде. Лишь в августе 1916 г. Румыния выступила на стороне Антанты, и мрачные предчувствия, питаемые Ставкой, обернулись явью: румынская армия быстро потерпела поражение. В начале декабря был сдан Бухарест, остатки румынских войск откатывались на север и восток, а навстречу им, без должной подготовки, перебрасывались русские полки. Две страны связывала лишь одна, да и то однокорейная железнодорожная ветка ограниченной пропускной способности. Единого фронта уже не существовало, он был разорван на клочки, румынской армии как организованного целого - тоже. Прибывший в Яссы, временную румынскую столицу, новый русский посланник А.А.Мосолов так передавал свои впечатления: "И увидел толпы беглецов, представлявших остатки румынской армии. Это были не регулярные части, а насильственно собранные сборища избегнувших гибели людей, в большинстве босых, оборванных, с драньем, накинутым на плечи поверх грязного белья"³¹.

Русским частям приходилось покидать эшелоны за сотни верст от места боев, совершать длительные марши по зимне-

му бездорожью, без отдыха и горячей пищи, и с ходу вступать в сражение. Начальник Кавказской туземной кавалерийской дивизии докладывал в Ставку: довольствие не налажено, по 4 дня не подвозили даже хлеба; половина людей – без сапог; на железной дороге есть подвижной состав, но нет обслуживающего персонала; шоссе разбиты, санитарное дело развалено; отношения с румынским командованием "до такой степени ненормальны, что могут привести к катастрофическим последствиям"³².

Мы приводим эти свидетельства для того, чтобы дать представление о той психологической атмосфере, которая создалась в оставшейся незанятой неприятелем Румынии. Русских солдат привели в неизвестную им страну для защиты неизвестного дела; ничего похожего на привет и ласку они не встретили; зато на российское командование нагромождалось одно обвинение за другим: оно-де опоздало, помощь недостаточно эффективна. Приведем здесь отрывок из информации корреспондента Петроградского телеграфного агентства В.Личевецкого (широко известного под своим будущим писательским псевдонимом В.Лн) о его беседах с солдатами: "Здесь же впервые мы стали испытывать недостаток и голод. Придя на позиции, мы три дня оказались без теплой пищи; питались сухарями, а на четвертый день нас повели в атаку.

Настроение наших стрелков становится мрачным: зачем нас привели сюда, – говорят они, – защищать румын? А почему они сами не защищаются?"³³ "Нынешний русский солдат – не прежний безграмотный, невежественный мужик... Тот сплошной беспорядок, который он увидел в Румынии, заставляет его думать, критиковать и наводит на мрачное, угнетенное настроение... Отношение румынских солдат к русским, а также и офицеров, недружелюбное. Они не могут понять наших солдат, которые, негодяя на румын за то, что, отдавая за них жизнь, стрелки не встречают со стороны румын помощи, преданности и благодарности"³⁴.

Но и неприятель был измотан до крайней степени. На рубеже 1917 г. он был остановлен, фронт стабилизировался.

По словам "Таймсовой истории мировой войны", "к концу декабря 1916 г. остатки румынской армии были полностью отведены за Серет за завесу, образованную 500 тысячами русских. Из 24 румынских дивизий известную боеспособность сохранили 6. Из них образовали 2-ю армию, которая тремя дивизиями должна была удерживать небольшой участок у Ойтуза, в то время как оставшиеся три реорганизовывались в ближайшем тылу"³⁵.

До лета 1917 г. фронт, названный Румынским, и растянувшийся более чем на четыреста верст по холмам и долинам Молдавии, удерживался в основном русскими войсками, численность которых перевалила за миллион. Но Февральская революция положила начало развалу армии, к лету он зашел уже далеко. Солдаты отказывались воевать, митинговали, создавали комитеты, множились случаи неподчинения приказам, отказа выходить на позиции. Летнее "наступление Керенского" провалилось (хотя на южном участке успешно действовала воссозданная румынская армия, одержавшая победу в сражении при Мэрэшешти). Тогда же приступили к отводу с фронта русских частей. После Октябрьской революции армия превратилась в кипящий котел противоречий: эсеров, большевиков, меньшевиков, представителей национальных течений объединяло одно — желание вернуться домой. В ноябре-декабре одна дивизия за другой снималась с места и устремлялась на восток. Румынская печать того времени полна сообщений о происходивших при этом беспорядках и эксцессах.

Можно понять тревогу, охватившую румынские власти, их страх перед разгулявшейся революционной стихией. Но надо подчеркнуть со всей определенностью, что все происходившее носило характер произвола со стороны не скованных прежней дисциплиной, измотанных многомесячным сидением в окопах солдат, а не организованных военных действий, и что солдатские комитеты корпусов и армий принимали меры для прекращения происходивших беспорядков. Так, ревком 9-й армии просил обеспечить свободный проход ее частей на родину, гарантируя в этом случае "спокойное поведение русских войск

не имеющих никаких враждебных намерений"³⁶.

Что же происходило на самом деле? После некоторых колебаний румынское правительство решилось на беспрецедентный шаг — разоружение отступавшей русской армии. II декабря (по ст. ст.) Молдова была разбита на восемь зон операций; поскольку при русских штабах имелись агенты сигуранцы (охранки), румынское командование знало о каждом шаге отступавших. Продовольствие и фураж, предназначенные для пехоты и кавалерии, стали задерживаться³⁷, что крайне обостряло и без того напряженную обстановку. Пути отхода ничего не подозревавших солдат были перекрыты румынскими частями, приступившими к их разоружению и арестам.

Петроград пытался внести элемент организованности в беспорядочное откатывание. В войсках (где это удалось) был распространен приказ Верховного главнокомандующего Н.В.Крыленко: "Командование переходит в руки комитетов, минуя штабы армии и фронта". Следовало указание: "Продовольствие брать по реквизиционным квитанциям Военно-революционных комитетов, приравненным к правительственным обязательствам. В случае столкновения с румынскими войсками прокладывать себе дорогу с оружием в руках"³⁸.

Конечно, превратить бегство массы войск в планомерную эвакуацию было невозможно с помощью каких бы то ни было распоряжений. Изгнание или, хуже, расправа с офицерами лишила полки командования, боевой силы они не представляли и позволили румынам разоружить себя. Столкновения и, тем более бои, представлялись исключением. Производились многочисленные аресты, причем по политическому признаку. Так, 16-я румынская дивизия сообщала об аресте 51 "большевика"³⁹. Расправа с русской армией явно являлась прелюдией к занятию Бессарабии: в Петрограде была получена одновременно информация об аресте фронтового солдатского комитета и о занятии румынами местечка Леово на левом берегу р.Прут. 16 декабря (по ст.ст.) Народный комиссариат иностранных дел обратился к посланнику К.Диаманди с нотой протеста, требуя "покарать преступные элементы румынского офицерства

и румынской бюрократии"⁴⁰. Тот "опроверг" поступившую информацию, однако приходили все новые вести о расправах над русскими войсками. 31 декабря 1917 г. (13 января 1918 г.) последовал демарш Совнаркома за подписями В.И.Ленина, Н.И.Подвойского и Н.В.Крыленко с требованием освободить арестованных, прекратить беззакония, наказать виновников, дать гарантию того, что подобные действия не повторятся⁴¹.

В тот же день, в 9 часов вечера, наряд солдат пришел в помещение румынской миссии в Петрограде, арестовал К.Диаманди и еще пять его сотрудников и офицеров и доставил их в Петропавловскую крепость, где их поместили в 59-й каземат Трубецкого бастиона.

Арест Диаманди произвел на дипломатический корпус, не признававший до тех пор Советского правительства, эффект разорвавшейся бомбы. 1(14) января он в полном составе, во главе с дуайеном, американским послом Д.Фрэнсисом, в 4 часа утра посетил В.И.Ленина и заявил протест против ареста, не вдаваясь в его причины. Ленин в ответ сказал, что арест произведен в силу обстоятельств, "никакими дипломатическими трактатами и никакими дипломатическими обрядностями не предусмотренными"⁴². В переданном для прессы сообщении говорилось: "Для социалистического правительства России важнее всего было избежать войны с румынскими крестьянами и в то же время показать румынскому народу, что мы, русские революционеры, ни перед чем не остановимся в борьбе против румынского правительства и румынской монархии. Обычные дипломатические формальности должно было принести в жертву интересам трудящихся классов обеих наций"⁴³.

Демарш дипломатического корпуса все же возымел действие. Вечером того же 1 января Совнарком, подтвердив обоснованность ареста, согласился освободить Диаманди с тем, чтобы "с пользой для дела предоставить румынского посла воздействию других послов"⁴⁴.

В 10 часов утра 2 января усталые и голодные дипломаты (к еде они не прикоснулись) были приглашены в канцелярию Трубецкого бастиона. Им вручили предписание Совнаркома за

подписью В.И.Ленина: "Арестованных румынского посланника и всех членов румынского посольства освободить, заявив им, что они должны принять все меры для освобождения окруженных и арестованных русских войск на фронте". К.Диаманди отказался связать свое освобождение с какими-либо условиями "ввиду того, что в силу инфракции международного права я отказываюсь осуждать государственные дела, пока я нахожусь в заключении"⁴⁵.

Результатов не выжавшийся с международными обычаями эпизод с заключением на полтора суток в крепость дипломатов не принес.

4(18) января, с опозданием, на имя посланника К.Диаманди поступила радиограмма от министра-президента И.К.Брэтиану. Он просил подтвердить аутентичность советского ультиматума от 31 декабря 1917 г., столь необычным показалось ему содержание и форма документа. Далее заявлялось, что "полицейские меры охраны, предпринятые властями в отношении русской армии, имеют целью избежать вооруженных конфликтов на Румынском фронте и воспрепятствовать беспорядочным передвижениям, которые приводят к грабежам и разрушениям... Румынские власти не принимали никакого участия в аресте войсковых комитетов"⁴⁶. А между тем разоружение русских частей, аресты и переправа все большего числа румынских войск через Прут продолжались, и 13(27) января Совнарком принял постановление о разрыве дипломатических отношений с Румынией: "Покрывая преступления румынская олигархия, — говорится в документе, — открыла военные действия против Российской республики"⁴⁷. Подчеркиваем: были разорваны официальные отношения, но не объявлена война. Диаманди и его сотрудников направили к границе с Финляндией. Сопровождал их матрос Н.Маркин, тот самый, что опубликовал сборники тайных договоров царского правительства.

Оккупация, а затем и присоединение Бессарабии к Румынии получили совершенно разную оценку в румынской (к ней сейчас присоединились многие молдавские историки) и советской литературе. По румынской версии, это был акт воссоеди-

нения с матерью-родиной, осуществленный решением Сфатул цэрий (Совета страны), рассматриваемого как парламент. Иногда пишется о "стихийном плебисците": Советская историография трактовала события как насильственное отторжение от России части ее территории.

Очевидно, необоснованным являлся тезис о том, что к началу 1918 г. в Бессарабии была установлена советская власть, хотя эта власть и победила в Кишиневе и ряде других населенных пунктов. Но не соответствует истине и утверждение, будто Сфатул цэрий являлся представительным органом всего населения области, ибо его состав в основном подбирался руководителями Молдавской национальной партии, а не избирался, и в происходившей в Бессарабии гражданской войне он постепенно утрачивал позиции, что и побудило его лидеров призвать на помощь румынские войска.

Нельзя не обратить внимания на лицемерие его руководителей: гласно они клялись в верности Российской республике, а тайно обращались в Яссы. Особенно "отличался" по этой части председатель Сфатула - Ион Инкулец.

2(15) декабря 1917 г. Сфатул провозгласил создание Молдавской народной республики, превысив тем самым свои полномочия: при его образовании было оговорено, что правом решать "исторические судьбы края"⁴⁸ наделяется Учредительное собрание, избранное на основе всеобщего голосования, - которое никогда не созывалось. Следующий акт разыгрался 24 января (6 февраля) 1918 г. Сфатул цэрий, вопреки декларациям его лидеров о неразрывных связях Бессарабии с Россией, закрепленных столетним совместным существованием, провозгласил Молдавскую республику "независимым государством, обладающим абсолютным национальным суверенитетом"⁴⁹. Ни одна держава этой декларации не признала. Иными словами, Молдавская республика субъектом международного права не стала.

Еще 3(16) января на заседании совета министров Румынии было принято решение о занятии Бессарабии. На это дали согласие посланники Антанты и США в Яссах, как на иск-

лчительно военную акцию: "Это — чисто военная мера, с единственной целью обеспечить нормальное функционирование служб русско-румынского фронта в соответствии с правилами, установленными в воюющих государствах. Это ни в коей мере не может повлиять на нынешнюю или будущую политику Бессарабии"⁵⁰. То же самое было объявлено местному населению и оповещено миру. В соответствующей ноте посланника в Вашингтоне К. Ангелеску говорилось: "Мера была принята как следствие прогресса анархии в Бессарабии, что серьезно угрожает снабжению продовольствием и линиям коммуникаций армий на Румынском фронте"⁵¹.

Несмотря на этот камуфляж, поход в Бессарабию ничуть не напоминал триумфальное шествие. Попытка занять ее малыми силами провалилась, пришлось перебрасывать через Прут четыре дивизии, укомплектованные по штатам военного времени, — 50 тысяч штыков и сабель. Два месяца шли бои, в которых участвовали остатки русской армии, добровольцы из местного населения, красногвардейцы, переброшенный на Дунай отряд балтийских матросов под командованием Анатолия Железнякова, сформированный в Одессе батальон румынских интернационалистов. Когда же обнаружился подход к местам — близлежащим только что родившейся Красной Армии, тревога воцарилась в Яссах. Сменивший И. К. Брэтиану на посту министра-президента ген. А. Авереску решил на заключение соглашения с представителями советской власти. 5-9 марта 1918 г. оно было подписано, и Румыния обязалась в двухмесячный срок вывести свои войска из Бессарабии⁵².

21 марта румынский консул в Москве П. Г. Герен информировал Наркомат иностранных дел о ликвидации "возникшего между румынским правительством и советской властью конфликта"⁵³. 31 марта "Известия" оповестили об этом общественность. 27 марта НКВД предложил приступить к осуществлению соглашения во всем его объеме⁵⁴. Однако события развивались совсем в ином направлении. Австро-немецкие войска вторглись на Украину, опасность непредсказуемого по своим последствиям контакта с Красной армией отпала, Иссы интен-

сивно готовились к заключению сепаратного мира с группировкой Центральных держав. Новый премьер-министр А. Маргилومان решил форсировать присоединение Бессарабии к Румынии. 2 апреля он пригласил в Яссы руководителей Сфатул цэрий - Инкульца, Халиппу, Чугуряну и объяснил им: "Бессарабия слишком слаба, чтобы существовать в одиночестве..." 5 апреля разговор, - а по сути дела инструктаж, что делать, - произошел в совете министров. Колебания испытал лишь Инкулец, заикнувшийся было о сохранении Сфатула, об избирательных правах. Маргилومان не стал его обнадеживать, а дал понять, что немцы предоставили ему в Бессарабии полную волю, а в дневниковой записи обозвал Инкульца "изворотливым славянином"⁵⁵. Прочие ничего членораздельного не сказали.

В Кишиневе велась подготовка иного рода. Пять членов Сфатул цэрий, заведомых противников объединения, были расстреляны. Та же участь постигла руководителей III Бессарабского губернского крестьянского съезда, высказавшегося против отторжения Бессарабии от России.

8 апреля Маргилومان приехал в Кишинев на торжества по случаю присоединения края - исход голосования был предрешен. 9 апреля (27 марта) в окруженном "почетной стражей" здании произошло открытое голосование: из 162 членов собрания 86 подняли руки "за", трое высказались "против", остальные воздержались или под разными предлогами уклонились от участия в процедуре. Объединение обуславливалось сохранением за Бессарабией известной автономии.

Этот акт поставил бессарабский вопрос в совершенно иную плоскость: одно дело - временное, вынужденное военными обстоятельствами занятие области, как то утверждалось во множестве документов, совсем другое - ее отторжение от государства, с которым Румыния в войне не находилась.

В какой степени это соответствовало воле населения, - ответить трудно. Единственный способ выяснить или, по крайней мере, прояснить картину, - провести референдум, - а такие предложения вносились в разное время и советской

властью, и российской эмиграцией, и даже Соединенными Штатами, — с порога отвергались румынскими правительствами. Очевидно, что какая-то часть населения, прежде всего молдавского, — а оно составляло половину жителей, — по причине этнического, языкового и культурного родства с румынами за Прутом, поддерживала объединение. Вполне определенно можно утверждать, что и противников было много. Об этом говорят военное сопротивление румынским войскам и многочисленные протесты против оккупации. Пришельцы распустили III Бессарабский крестьянский съезд, упразднили городскую думу Кишинева, земскую управу, — а, как она подчеркивала в своем протесте, в самодержавной России за 50 лет не было распущено ни одного земства, — и все за неповиновение. Так что нельзя сказать, что в движении протеста участвовали одни просоветски настроенные слои населения.

Здесь и в дальнейшем мы вполне сознательно, дабы избежать соблазна дать пристрастные оценки, будем приводить свидетельства из заведомо прорумынских и откровенно антисоветских и антибольшевистских источников.

Итак, слово документам.

Миссия США в Бухаресте (25 октября 1925 г.) о голосовании в Сфатул цэрий: что эта "ассамблея была прорумынской — верно; но отнюдь не очевидно, что ее голосование представляло волю всего бессарабского населения. Вероятно, было бы невозможно, даже при самых благоприятных условиях, определить волю бессарабского народа, и совершенно очевидно, что это было невозможно в смутное время 1918 года"⁵⁷.

Немедленно после занятия Бессарабии оттуда начался вывоз продовольствия. Александру Маргиломан еще до голосования, и не смущаясь такой деталью, разрешил поставку в Болгарию II тыс. т зерна; затем — 10 тысяч вагонов (100 тыс. т) — в Австрию⁵⁸. А в голодную Румынию из сытой Бессарабии эшелон шел за эшелонам.

Из секретной записки П.Халиппы, И.Кодряну и других лидеров Сфатул цэрий "уважаемому совету министров" (декабрь 1918 г.): "Интервенция румынской армии создала в Бессара-

би режим военной оккупации... Командование совершенно не считается с гражданскими властями". Осуществление реквизиций "в большинстве случаев проводилось в условиях полного произвола... Во всех областях администрации господствуют террор, издевательства и коррупция". В Румынии "поспешно собрали без всякого отбора" чиновников, поставили их во главе администрации, и они "с яростью набросились на несчастную провинцию как на добычу, лишенную всякой защиты. Страсть к быстрому обогащению - вот чем руководствуется большинство из них..." И, как вывод: "...Все классы населения объаты негодованием"⁵⁹.

Через несколько месяцев автономию сочли для Бессарабии излишней роскошью. 23 ноября 1918 г. депутаты-молдаване были приглашены к ген. Артуру Вайтояну. Он был краток: "Весь разговор должен остаться между нами. Мы, румыны, можем ругаться, но никто не должен об этом знать. В Сфатул цэрий мы должны прийти с готовым решением". И дальше: "Да и зачем вам автономия? Разве румынские законы плохие? Что такое автономия - я не понимаю". Он пригрозил Н.Н.Александрю, который "все лето балансировал", "особыми мерами": "Я старый солдат, мне двоедушничать не приходится"⁶⁰.

10 декабря (27 ноября по ст.ст.), в конце утомительного заседания, в полтретьего ночи, когда многие разошлись по домам и в зале присутствовало 46 депутатов (из общего состава 162), председательствовавший П.Халиппа огласил и провел резолюцию о "безусловном присоединении" Бессарабии к Румынии, а в пять утра ген. Вайтояну зачитал притомившимся членам Сфатул цэрия королевский указ о его роспуске. Так описывали происшедшую процедуру 10 депутатов, сбежавших из Кишинева и укрывшихся в Одессе, в акте, принятом "в интересах разоблачения невиданного и недопустимого политического шантажа, насилия и фальсификации"⁶¹.

Позже в Бессарабии был введен режим чрезвычайного положения. Американский посланник П.Джэй сообщал в государственный департамент 27 сентября 1927 г. о положении в крае: "Общая ситуация в Бессарабии - исключительно тяже-

лая... Гражданское население, особенно землевладельцы и состоятельная прослойка русского происхождения горько жалуются на скверную администрацию и взяточничество румынских гражданских чинов, привезенных в Бессарабию, чтобы ею управлять после аннексии"⁶².

Из доклада посланника США В.С.Калбертсона от 14 октября 1925 г.: "Всеобщее недовольство румынской администрацией не уменьшилось по сравнению с прошлым годом, и причина - отсутствие правосудия и продажность чиновников, не говоря уже о грубости и рукоприкладстве некоторых младших чинов... Что касается настроений населения, то их ни в коем случае нельзя назвать прорумынскими. Но, если бы состоялся плебисцит, большинство, вероятно, высказалось бы в пользу того, чтобы остаться под румынским управлением, нежели перейти к большевистскому правительству. Но, если условия в России улучшатся и будет достигнута определенная степень стабильности и процветания - тогда итог плебисцита мог бы стать другим даже среди молдаван ввиду нынешнего скверного управления Бессарабией"⁶³.

Бессарабия стала ареной трех крупных восстаний - Хотинского (1919 г.), Бендерского (1921 г.) и Татарбунарского (1925 г.). Тогда же, в 1925 г., Г.Тэттереску приписал самое значительное из них, Татарбунарское, большевистским подстрекательством⁶⁴. Эта версия стала в Румынии официальной и в тех или иных вариантах повторяется до сих пор.

Нельзя, конечно, отрицать, что Российская компартия, особенно в годы ориентации на мировую пролетарскую революцию, направляла в Румынию агитаторов и не останавливалась перед организацией диверсий. Упомянутые нами американские материалы содержат сведения об инцидентах, связанных с проникновением "банд большевистских разбойников, а изредка - рейдами регулярных советских войск". Отметим обозначенное здесь различие между "бандами" и регулярными частями и выскажем предположение, что под первыми могли фигурировать и еще существовавшие в 1921 г. на Украине и переправлявшиеся через Днестр отряды петлюровцев, Махно и прочих атаманов.

По советской версии, укрывшиеся под крылышком румынских властей остатки этих формирований (атаманов Гуляй-Гуленко, Лугового, "самого" Нестора Махно) совершали рейды на Украину⁶⁵; преследуя их, части Красной Армии переправлялись на правый берег Днестра, не считая Бессарабию румынской территорией. В протесте от 13 августа 1921 г., подписанном Г.В.Чичериним и Х.Г.Раковским, тогда главой украинского совнаркома, говорилось: "...Союзные советские правительства, исходя из требований военной необходимости и безопасности советских республик, считают необходимым преследование этих банд в случае, если они будут переходить на территорию, занятую румынскими властями (обращаем внимание на формулировку! - В.В.), преследовать и на этой последней территории, уведомляя об этом своевременно румынские власти..."⁶⁶

Подстрекательства, в коих обвинялись РКП и Коминтерн, кроме пропагандистского эффекта, могли вылиться в диверсию или что-то в этом роде. Так, Х.Г.Раковский в письме Ленину от 13 января 1921 г. констатировал: "После больших усилий и некоторых провалов нам удалось поставить подпольную работу в Румынии и, в частности, Бессарабии". Итог - взорвано два моста и удалось осуществить диверсию в сенате⁶⁷. Но "спровоцировать" широкое народное восстание, вроде Татарбунарского, в ходе которого, по официальным данным, погибло более трех тысяч человек, просто невозможно.

Переход к ориентации на мирное сосуществование сказался и на обстановке в районе демаркационной линии по Днестру. Американский посланник В.С.Калбертсон передавал из Бухареста 14 октября 1925 г.: "Случаи организованных нападений на румынские посты и переправ небольших банд через Днестр стали значительно реже, чем в прошлом году, но появились признаки изменения большевистских методов и перехода к интенсивной внутренней пропаганде..."⁶⁸

Но вернемся к 1918 г. Советские правительства России и Украины резко протестовали против присоединения Бесса-

рабии к Румынии. 18 апреля по радио в адрес правительства Румынии была направлена нота, в которой говорилось, что попытка выдать голосование в Сфатул цэрий "за проявление воли бессарабских рабочих и крестьян... лишена какой бы то ни было международной правовой силы. Насильственное присоединение к Румынии не уничтожает единства и солидарности трудовых масс Бессарабии и России"⁶⁹. С тех пор протесты передавались регулярно⁷⁰.

Дипломатия держав Согласия оказалась в затруднительном положении, — не потому что негодовали Советы, их не признавали и с ними не считались, — а потому что против аннексии выступали самые разные группы российской общественности. В Париж на мирную конференцию прибыла делегация бессарабской оппозиции "справа" во главе с председателем распущенного земства А.Н.Крупенским, выступившая с протестом⁷¹. В столицу Франции приехали видные представители российской эмиграции — С.Д.Сазонов, Н.В.Чайковский, В.А.Маклаков, М.Н.Гирс, заявившие о незаконности аннексии⁷². П.Н.Милоков выпустил в Лондоне под своей редакцией сборник документов с разоблачением произвола румынских властей. Патриарх Московский и всея Руси Тихон выступил против перехода Кишиневской епархии в румынскую церковь⁷³.

Стоял 1919 год и, строя планы разгрома Советов, заседавшие в Париже миротворцы должны были считаться с тем, что и А.В.Колчак, и А.И.Деникин, на войска которых они делали ставку, выступали за единую и неделимую Россию. Поэтому решение бессарабского вопроса затягивалось.

Неудача интервенции, обозначившийся в 1920 г. крах белого движения внесли коррективы в планы борьбы с большевизмом. Теперь его рубежи пролегали по границам России, Украины и Белоруссии, а важнейшими участниками сооружаемого Парижем "санитарного кордона" становились Польша и Румыния. Заслуги той и другой ставились высоко: в 1919 г. главным образом силами румынской армии была подавлена Венгерская Советская республика, Польша же в 1920 г. бросила открытый вызов российским советам. С протестами белой эмиграции, по-

терявшей свою внутреннюю базу, можно было не считаться, мнение Советов игнорировалось и раньше. А тут румыны, вступив в Будапешт еще в августе 1919 г., не проявляли признаков желания удалиться из венгерской столицы. Начали вырисовываться контуры договоренности: румынские войска отходят на линию предначертанной Парижской конференцией границы с Венгрией; Антанта признает присоединение Бессарабии к Румынии – это ясно видно из письма британского премьера Д. Ллойд Джорджа своему румынскому коллеге А. Вайда-Воеводу от 3 марта 1920 г.: "Пользуюсь возможностью, чтобы напомнить вашему превосходительству, что решение данного вопроса мирная конференция отложила до того, как румынское правительство осуществит эвакуацию Венгрии"⁷⁴. Ознакомившись с посланием, государственный секретарь США Е. Бейнбридж Колби сделал запись на полях: "Это относится к некоей сделке, по которой Румыния эвакуирует Венгрию в обмен на обещание, что она получит Бессарабию"⁷⁵. 12 июня 1920 г. он инструктировал посла в Париже: "Соединенные Штаты всегда отказывались быть вовлеченными в обсуждение румынских притязаний на Бессарабию. Эта позиция была ясно продемонстрирована прошлой осенью на заседаниях Верховного совета. Вам следует, если представится возможность, подтвердить эту позицию и заявить, что это правительство не желает быть участником расчленения России"⁷⁶.

Тем не менее усилия втянуть США в оформление признания захвата Бессарабии не прекратились. Имея в виду, что в ходе переписки затрагивались вопросы международно-правового значения, приведем некоторые документы.

29 сентября 1920 г. посол в Париже Хью Уоллес телеграфировал в Государственный департамент, что на заседании конференции послов была выражена надежда на то, что США подпишут протокол о Бессарабии. 2 октября Бейнбридж Колби обратился к президенту Вудро Вильсону с письмом следующего содержания (приводим полностью): "Имея в виду наш постоянный отказ одобрить политику, направленную на расчленение России, – как это было подчеркнуто в ноте итальян-

янскому послу, — я склонен инструктировать посла Уоллеса в том смысле, что мы не подпишем договора относительно Бессарабии и далее, что, по нашему мнению, поспешные действия в этом деле могут лишь способствовать предоставлению большевиками нового предлога для раздувания национальных настроений на том основании, что союзники распоряжаются российской территорией.

В ожидании Вашей точки зрения насчет уместности подобного курса я буду рад узнать, — как Вы считаете, достаточно ли изложить нашу позицию на конференции послов или желательно заявить определенный протест в связи с предполагаемой акцией союзников".

Собственноручная резолюция В. Вильсона гласила: "Я полностью разделяю Ваш взгляд и надеюсь, что Вы отправите предложенные Вами инструкции. В. В."⁷⁷ Относительно официального протеста президент указаний не дал, и поэтому Уоллес ограничился в Париже изложением американской позиции, не преминув заявить, что союзники льют воду на мельницу большевиков: "Подписание договора в столь неподходящее время будет способствовать большевистскому делу с далеко идущими и зловещими итогами"⁷⁸.

28 октября 1920 г. представители Англии, Франции, Италии, Японии и Румынии подписали "Договор относительно объединения Бессарабии с Румынией", именуемый также Парижским или Бессарабским протоколом. Правительства РСФСР и УССР в ноте, направленной 1 ноября, заявили, что этот документ никакой силы не имеет и что они "никоим образом не считают себя связанными договором, заключенным по этому предмету другими правительствами"⁷⁹. Японское правительство, подписав протокол, его не ратифицировало, поскольку он "касается вопроса, по существу своему чисто европейского"⁸⁰.

Стоя на позициях международного права, Соединенные Штаты и в дальнейшем отвергали румынские настояния о присоединении к протоколу. Так, запись беседы румынского посланника в государственном департаменте 21 июня 1923 г. включает следующий пассаж: "...Сама Россия никогда не при-

навала отделения Бессарабии, а наша позиция заключалась в том, чтобы не признавать частей бывшей Российской империи, если только сама Россия этого не делала. В этом смысле положение Бессарабии отличается от ситуации Прибалтийских стран, Польши и Финляндии"⁸¹.

В американских материалах подчеркивалось, что "все классы русских, от большевиков до царистов" энергично выступили против "признания включения Бессарабии в Румынию"⁸². В материалах Государственного департамента имеются протесты Г.В.Чичерина, экспозе посла Временного правительства в США В.Бахметьева от 16 ноября 1920 г., запись беседы американского посланника в Бухаресте П.Джэя с оставшимся в городе российским посланником С.А.Поклевским (в депеше от 23 июля 1923 г.), в которых отвергалась румынская версия на счет добровольного вхождения Бессарабии в состав Румынии. Американцам эта версия доверия не внушала. Тот же Джэй так комментировал очередной румынский меморандум: "По моему мнению, наиболее значительным из всех фактов, касающихся Бессарабии и совершенно обойденных в меморандуме, является то, что провинция остается в условиях чрезвычайного положения со времени ее аннексии, а военное управление, осуществляемое с явно шокирующими злоупотреблениями, вызывало повторные и безрезультатные протесты в румынском парламенте со стороны более прогрессивных депутатов оппозиционных партий... Продление военного режима объясняют опасением нападений русских, но это объяснение, которое можно принять отчасти, касается зоны вдоль границы, но оно представляется притянутым, когда его распространяют на всю провинцию и, думается, призвано скрыть реальное недовольство со стороны очень значительной части общественности"⁸³.

Из приведенных материалов явствует, что правительство США рассматривало протокол от 28 октября 1920 г. как акт, направленный на расчленение России, с которой ни один из его участников в состоянии войны не находился, и противоречивший международному праву.

Жизнь властно требовала урегулирования отношений между

двумя соседними странами. Советская сторона после неудачи "красногвардейской атаки на капитал" и перехода к курсу на мирное сосуществование, искала точек сближения, румынская заверяла в своем строго лояльном отношении, однако стремилась в ходе переговоров провести формулировки, означавшие хотя бы косвенное признание перехода Бессарабии к Румынии. Так, на венской встрече (март-апрель 1924 г.) ее делегация выступила с заявлением, в котором говорилось: "Присутствие в настоящий момент делегации СССР в г.Вене доказывает, что ее правительство готово в результате взаимных переговоров признать Днестр границей между Россией и Румынией, и что вопрос о Бессарабии не служит предметом спора"⁸⁴. На это немедленно последовала реакция: "Правительства РСФСР и УССР никогда не давали своего согласия на присоединение Бессарабии к Румынии и рассматривают оккупацию Бессарабии в 1918 г. румынскими войсками как насильственный захват этой области"⁸⁵.

Заявление советских представителей от 28 марта 1924 г. содержало важное принципиальное положение: правительство "не стремится во что бы то ни стало удержать Бессарабию в составе СССР"; оно стоит на позиции не так называемого исторического права, а права народа на самоопределение: "Население Бессарабии само должно решить, желает ли оно остаться в составе СССР, желает ли выйти из состава Союза и присоединиться к Румынии или, наконец, предпочитает существовать в качестве самостоятельного и суверенного государства". СССР поэтому - за решение проблемы "путем правильно организованного опроса самого бессарабского населения с соблюдением условий, обеспечивающих свободу и правильность волеизъявления"⁸⁶.

Румынская сторона пыталась истолковать это деловое и, казалось бы, открывавшее путь к выходу из тупика заявление, как отказ СССР от прав на Бессарабию. На это последовал протест: "Советская делегация не позволит навязывать ей подобного неправильного толкования" и подтверждение своей позиции: "...Советское правительство продолжает считать Бес-

сарабии частью своей территории". В очередной раз подчеркивалась незаконность решений Съездов царя, приводились примеры румынского террора в области и отвергалась попытка провести параллель между событиями в Прибалтике и Бессарабии: в случае с Литвой, Латвией и Эстонией советское правительство "добровольно и в ряде мирных договоров санкционировало создание этих новых государств и уступило им часть своей территории"⁸⁷; конфликт же вокруг Бессарабии начался с занятия ее иностранными войсками.

В ответ румынская делегация заявила о "явно румынском характере Бессарабии" и отказалась от проведения референдума, сочтя его "ненужным и унижительным"⁸⁸.

Конференция была сорвана. Ситуация осложнялась еще более вопросом о так называемом румынском золоте. Поскольку он и сейчас поднимается румынской стороной, о нем много толкует печать, в том числе и предназначенная для русскоязычного читателя, в Бухаресте вышел сборник документов, в котором полностью отсутствует точка зрения и аргументация российской стороны, мы коснемся здесь и его⁸⁹. В тяжелое время отступления зимой 1916/17 гг., когда возникла угроза занятия неприятелем всей Румынии, было решено переправить в Россию золотой запас, драгоценности короны и ряд ценных бумаг. В телеграмме посланника А.А. Мосолова от 16 (29) декабря 1916 г. говорилось: "Всего отправлено 1738 ящиков золота около 4-х пудов каждый и 2 ящика драгоценностей"⁹⁰. Весной 1917 г. были отправлены картины, скульптуры и др. имущество королевского двора, а летом - ценные бумаги ряда банков. Временное правительство гарантировало "сохранность присланных Румынским правительством в Московскую ссудную казну ценностей"⁹¹. По тогдашнему курсу золотой запас оценивался в 64 млн. долларов⁹².

А затем в России разразилась буря гражданской войны и иностранной интервенции. Занятие Бессарабии сопровождалось захватом громадного общероссийского имущества (подчеркиваем это! - В.В.). Остались неоплаченными военные поставки в Румынию (частично - за русский счет), складовавшие до ап-

реля 1917 г. регулярно, а затем - с перебоями. Эксперты НКВД определяли сумму этой задолженности приблизительно в 300 млн. рублей⁹¹. Сданы были на хранение румынам ген. Д.Г.Щербачевым, бывшим командующим русскими войсками Румфронта, громадные склады российского военного имущества, содержавшие солидные запасы оружия, снаряжения, боеприпасов, обмундирования и продовольствия для неплохо снабжавшихся русских войск.

Ген. Н.Монкевич, возглавлявший демобилизационную комиссию русских армий Румфронта, свидетельствовал в вышедшей в 1919 г. в Париже по горячим следам книге: по согласованию и в сотрудничестве с румынским командованием была проведена инвентаризация всего имевшегося снаряжения, и мы, пишет генерал, "были преисполнены благодарности за подобную любезность... К сожалению, доброе согласие продолжалось недолго". Русских офицеров вообще перестали пускать на склады и, наконец, ген.Щербачев и его сотрудники, оставшиеся без армии, получили извещение, в котором, "не отрицая права собственности России, министерство объявило, что берет эти материалы как залог, гарантирующий возмещение убытков, понесенных Румынией, ибо большевики захватили в Москве румынский золотой запас и румынские склады на юге России"⁹⁴.

Но "залогом" румыны распоряжались по своему усмотрению. Так, в протесте офицеров-членов демобилизационной комиссии 4-й армии, направленном иностранным миссиям в Яссах, говорилось: "В средствах "союзники" не стесняются, отбирают насильственно, под угрозами, ключи от складов, местные агенты, ответственные за целостность имущества, разоружаются, отстраняется организованная с большим трудом русская охрана, арестовываются без причин целые команды..."⁹⁵

Стоимость конфискованного армейского имущества достигла 3-4 млрд. франков. Последнюю цифру ген. Н.Монкевич сопровождает замечанием: "По самым скромным подсчетам"⁹⁶.

Были захвачены и опустошены прифронтовые склады Всероссийского союза городов, Российского Красного Креста в Измаиле, продано с молотка 200 пароходов, буксиров, барж

на Дунае, в румынские руки попало 500 паровозов и более 7 тыс. вагонов⁹⁷, исчезли без следа личные сбережения солдат и офицеров, хранившиеся в полевых сберегательных кассах.

Советская власть реагировала со свойственной ей решительностью. В радиোগрамме Совнаркомов РСФСР и УССР от 25 мая 1919 г. "румынскому правительству, всем, всем, всем" указывалось: "С момента упразднения русского фронта в Румынии румынское правительство наложило руку на громадное военное, железнодорожное и краснокрестское имущество, которое находилось там для обслуживания русской армии. После разбойничьего захвата Бессарабии румынское правительство также поступило с военными продовольственными базисными складами Бессарабии"⁹⁸. И далее: "Рабоче-крестьянские правительства России и Украины снимают с себя всякую ответственность за дальнейшую судьбу различных ценностей, перевезенных во время царского правительства в России и принадлежащих румынскому правительству, Румынскому национальному банку, другим румынским банкам, а также румынским помещикам и капиталистам"^{*}.

Если имеют основание претензии одной стороны на возврат ценностей, сданных на хранение в России, то столь же естественным представляется право другой на возмещение убытков, связанных с захватом имущества, оцениваемого в любом измерении (рубли, леи, франки) — миллиардами и в условиях, когда, по заверению министра-президента А.Авереску (нота от 8 октября 1920 г.), "настоящего состояния войны с Россией никогда не существовало ни фактически, ни юридически"⁹⁹. По мнению советских экспертов, при сравнении взаимных потерь сальдо складывалось в пользу России и Украины, которым надлежало получить I млрд. лей золотом¹⁰⁰, на чем, впрочем, две страны не настаивали.

---

^{*} В 1935 г. СССР передал Румынии более 1400 ящиков с материалами архивов и Румынской академии. В 1956 г. Румынии было возвращено около 40 тыс. предметов, включая монеты, медали, ювелирные изделия, иконы, церковную утварь, картины и рисунки.

Оговариваемся, что цифры мы приводим исключительно для информации о производившихся подсчетах. К сожалению, в материалах о "румынском золоте", публикуемых в печати Румынии, в том числе и в русскоязычных изданиях, насчет контр-претензий российско-украинской стороны хранится мертвое молчание¹⁰¹.

Две советско-румынские конференции - в Варшаве (1921 г.) и в Вене (1924 г.) споткнулись о бессарабский вопрос; взаимное недоверие, казалось, навечно поселилось между соседями. Лишь в 1934 г., когда Москва и Бухарест были встревожены приходом Гитлера к власти в Германии, между ними были установлены дипломатические отношения. Бессарабия на издаваемых в СССР картах по-прежнему изображалась как область, оккупированная Румынией.

Обстановка круто изменилась в условиях начавшейся в сентябре 1939 г. второй мировой войны. И.В.Сталин и В.М.Молотов считали советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. подходящей базой для решения ряда вопросов, в том числе бессарабского. Немцы не возражали; в секретном протоколе, сопровождавшем договор, под пунктом 3-м значилось: "касательно Юго-Восточной Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о полной незаинтересованности в этих областях"¹⁰².

Ничего по существу нового этот пункт не вносил: Советский Союз никогда не скрывал своего "интереса" к Бессарабии. Но Германия представляла "карт-бланш" в специфической обстановке: серия побед германского оружия поставила румынские правящие круги в крайне тяжелое положение. Прежняя ориентация во внешней политике на Францию и Великобританию рушилась; набирали силу пронацистски- и пронемецки настроенные группировки в их среде, а в Москве на место "европеиста" и убежденного защитника коллективной безопасности М.М.Литвина к руководству НКВД пришел сторонник силового давления, послушный исполнитель сталинских предначертаний В.М.Молотов. Он заявил 29 марта 1940 г. на сессии Верховного Совета СССР: "У нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется

наличием нерешенного вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя и никогда не ставил вопроса о возвращении Бессарабии военным путем"¹⁰³.

Летом того же года, в обстановке феерических успехов немецкого оружия, крайне встревоживших Кремль, было решено форсировать события, тем более, что Германия предоставляла "свободу рук". 26 июня в 10 часов вечера посланник Давидеску был приглашен к Молотову, который предложил немедленно приступить к решению вопроса о возвращении Бессарабии. Врученная Молотовым посланнику нота была сформулирована в жестких тонах и с полным пренебрежением к богатому запасу аргументов, накопленных советской дипломатией в былые годы. В ней о Бессарабии говорилось как о территории, "населенной главным образом украинцами". Нота содержала открытую угрозу: "Военная слабость СССР отошла в область прошлого, а создавшаяся международная обстановка требует быстрейшего разрешения полученных от прошлого нерешенных вопросов". Нота являлась поэтому документом конъюнктурного и ультимативного характера. Она содержала требование передать СССР "ту часть Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава"¹⁰⁴.

На размышление румынскому правительству предоставлялись сутки. В пять часов утра 27 июня премьер-министр Г. Татареску был вызван во дворец. Здесь король Кароль II без слов передал ему телеграмму Давидеску. Было решено запросить посредничество Германии и Италии. В 9 утра король принял немецкого посланника Фабрициуса; во время аудиенции дипломату доставили телеграмму от главы немецкого внешнеполитического ведомства И. фон Риббентропа с рекомендацией "посоветовать румынскому правительству уступить требованиям советского правительства". Такой же ответ пришел из Рима.

27-го же июня состоялось заседание Коронного совета. Генералы заявили на нем, что в случае войны "исход ее не оставляет никаких сомнений". Удержаться на рубеже реки Серет

удастся лишь, опираясь "на поддержку большой армии какого-то союзника". Такого не существовало. "Гостинший" в это время в Румынии немецкий эмиссар Киллингер объяснял своим собеседникам: "Военная акция на востоке в настоящее время невозможна, т.к. немецкая армия должна закончить войну против Англии". Коронный совет 16 голосами против II высказался за принятие советских требований¹⁰⁵.

В тот же драматический день 27 июня, в II часов вечера Давидеску передал Молотову ответ своего кабинета с выражением согласия рассмотреть выдвинутые предложения и задал вопрос о возможном месте и времени встречи представителей двух стран. Из реплик Молотова явствовало, что никакой встречи и никакого обсуждения Кремль допускать не желал. На прямой вопрос наркома, принимает ли Румыния сделанные предложения, Давидеску ответил утвердительно.

В полвторого ночи уже 28 июня Молотов вручил посланнику конкретные, очень жесткие предложения по поводу эвакуации румынских войск и властей, на что отводилось 4 дня - срок явно нереальный, причем Черновцы, Аккерман и Кишинев подлежали эвакуации немедленно.

Утром, в II часов Давидеску передал Молотову просьбу увеличить срок вывода и изменить намеченную в районе гор. Герца границу - там, где она включала часть территории, входившей в состав "Старого королевства" (т.е. Румынии до первой мировой войны). После некоторых колебаний Молотов согласился продлить время эвакуации до 3 августа.

Совершенно справедливым представляется вывод комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. в докладе, представленном Второму съезду народных депутатов СССР: Сталин "в великодержавной манере осуществил возвращение в состав Союза Бессарабии", что, между прочими акциями того времени "деформировало советскую политику и государственную мораль"¹⁰⁶. Подчеркиваем, что речь здесь шла о способе, о военно-дипломатическом оформлении свершившегося, а вовсе не о его сути.

28 же июня заранее сосредоточенные на левом берегу Дне-

стра моторизованные части Красной Армии переправились через реку и, обгоняя отходившие румынские войска, приступили к занятию Бессарабии. Население встречало красноармейцев доброжелательно. 2 августа 1940 г. на 7-й сессии Верховного Совета СССР была образована Молдавская ССР с включением в нее левобережья Днестра (бывшей Молдавской АССР в составе Украины), т.е. земля, которая никогда ни де-юре, ни де-факто в Румынию не входила.

А затем Бессарабия познала принудительную коллективизацию сельского хозяйства, депортацию тысяч людей, массовые аресты, террор НКВД и произвол тоталитарного режима во всех его проявлениях.

Значительными были внешнеполитические последствия июньской "операции": она, наряду с передачей Венгрии Северной Трансильвании по так называемому 2-му Венскому арбитражу способствовала сближению Румынии, в которой установилась военная диктатура ген. Иона Антонеску, с гитлеровской Германией и вовлечению ее в войну с СССР. Значительная часть населения поддерживала ее, пока речь шла о возвращении Бессарабии. Румынские парни сражались и гибли под Одессой, в Крыму, в Сталинграде и на Северном Кавказе. Вместе с поражениями и отступлением пришло и отрезвление. 23 августа 1944 г., в условиях окружения и разгрома немецко-румынской группировки в Иско-Кишиневской операции Красной Армии, король Михай отдал приказ о прекращении военных действий и объявил о переходе Румынии на сторону антигитлеровской коалиции.

12 сентября 1944 г. в Москве было подписано соглашение о перемирии, по ст.4-й которого восстанавливалась государственная граница между СССР и Румынией по состоянию на 28 июня 1940 г.¹⁰⁷ Парижский мирный договор с Румынией 1947 г. утвердил эту границу¹⁰⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), Ф.Дипломатическая канцелярия главнокомандующего Дунайской армией. 1809. Д.5. Л.120-121.

2. Диплом и пункты см.: Исторические связи народов СССР и Румынии в XV - начале XIX в. М., 1968. Т.3. С.323-327.
3. АВПРИ. Ф.Сношения России с Молдавией и Валахией. 1769. Д.2. Л.6.
4. АВПРИ. Ф.Дипломатической канцелярии главнокомандующего Дунайской армией. 1811-1812. Д.15. Л.28.
5. Там же. Л.237.
6. АВПРИ. Ф.Канцелярия. Оп.468. 1811-1812. Д. 1984. Л.145.
7. АВПРИ. Ф.Дипломатическая канцелярия... 1811-1812. Д.15. Л.248.
8. М.И.Кутузов. Сборник документов. М., 1952. Т.3. С.850; Внешняя политика России XIX - начало XX в. М., 1962. Т.6. С.737.
9. М.И.Кутузов. Сборник документов. Т.3. № 944. С.850.
10. Внешняя политика России (ВНР). Т.6. № 660. С.908.
11. Сборник договоров России с другими государствами 1856-1917. М., 1952. С.21.
12. Jelavich B. Russia and the Requisition of Southern Bessarabia // Süd-Ost Forschungen. München, 1968. B. 28. S. 208-209.
13. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д.17. Л.49-50.
14. Дневник Д.А.Милотина 1876-1877. М., 1949. Т.2. С.238.
15. Independența României. Documente. Buc., 1978. Vol.4. N 112. P. 319.
16. Süd-Ost Forschungen. B. 28. S. 204.
17. Independența României. Doc. Buc., 1978. Vol. 2. P. 194-195. 385.
18. АВПРИ. Ф. Главн. архив. У-А2. Д.1. Л.23.
19. Сборник документов по русско-турецкой войне на Балканском полуострове. Вып. II. С.234-235.
20. Independența României. Vol. 4. P. 328.
21. Independența României. Buc., 1977. P. 302.
22. Independența României. Vol. 4. P. 329.
23. Ibid. P. 319.
24. Ibid. P. 328.
25. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д.15. Л.6-7.
26. Politica externa a României. Buc., 1986. P. 135.
27. Independența României. P. 306.
28. Ibid. P. 304.
29. The Century of Romanian Independence // South-Eastern Europe (Arizona State University). 1978. Vol. 5. N 1.
30. Сборник договоров России с другими государствами: С.178-179.
31. Bibl. Acad. Române. Secți a de manuscrise. F. Arhiva palatului. Mapa 20. N 7. P.54 - A. Mosoloff. Ma' mission en Roumanie.
32. Центральный государственный военно-исторический архив (ЦВИА). Ф.2003/с. Оп.3. Д.5. Л.18.
33. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.1001. Д.213. Л.21-22 (Вестник ПТА 23. XII 1916).
34. ГА РФ. Ф.1001. Д.213. Л.22.

35. The Times History of the War. London, 1918. Vol.17. P. 209; Vol. 18. P. 18-21.
36. Известия армейского комитета 9-й армии. I2.XII 1917.
37. Борьба за власть Советов в Молдавии. Кишинев, 1957. C.239.
38. ГА РФ. КМФ-14. За 32 4-4. Пл.154. Ч.1. Л.56.
39. ГА РФ. КМФ 14. За 32 4-4. Пл.154. Ч.1. Л.36,96,101, 106,107.
40. Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). М., 1957. Т.1. № 37. С.66.
41. Там же. № 45. С.79.
42. Правда. 1918. 3(16) янв.
43. Там же.
44. Там же.
45. Протокол по поводу освобождения арестованных сотрудников румынского посольства см.: Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф.5. Оп.1. Д.1807.
46. РЦХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.2005.
47. ДВП СССР. Т.1. № 52. С.89.
48. Publications de la delegation bessarabien. Paris, 1919. P. 4.
49. United States National Archives. Microfilm Publications. M/c 316. R. II.
50. V o p i c k a Ch. J. Secrets of the Balkans. Chicago, 1921. P. 160.
51. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (Papers....). 1918. Russia. Washington, 1923. Vol. 2. P. 707.
52. ДВП СССР. Т.1. № 9. С.210-211.
53. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф.125. Оп.1. Д.12. Папка 2. Л.28.
54. АВПРФ. Ф.125. Оп.1. Д.1. Папка 2. Л.29.
55. M a r g h i l o m a n A. Note politice. Buc., 1927. Vol. 3. P. 443-444, 446, 448.
56. АВПРФ. Ф.125. Оп.1. Д.17. Папка 2. Л.49.
57. US National Archives. Microf. Publ. M/c 119. R. 2. P. 50.
58. M a r g h i l o m a n A. Op. cit. P. 430, 473.
59. Arhivele statului Bucuresti. F. Presedinta Consiliului de ministri. 1918. Dos.19. F. 7-9. — ГА РФ. КМФ-14. За 32. Пл.84. Ч.1.
60. АВПРФ. Ф.125. Оп.1. Д.30. Папка 3. Л.72-73.
61. ДВП СССР. Т.1. № 422. С.589-592.
62. US National Archives. Microf. Publ. M/c 1198. R. 6.
63. Ibidem.
64. T a t a r e s c o G. Bessarabie et Moscou. Buc., 1926.
65. Ноты протеста правительств РСФСР и УССР от 13 августа, 22 октября, 23 ноября 1921 г. // ДВП СССР. М., 1960. Т.4. № 186. С.265-270; № 247. С.387-391; № 273. С.435-436; № 316. С.541-544.

66. Там же. № 186. С.269-270.
67. РИХИДНИ. Ф.5. Оп.1. Д.1308.
68. В.С.Калбертсон - в госдеп 14 окт. 1925 г. - US National Archives. Microf. Publ. M/c-1198. R. 6.
69. ДВП СССР. Т.1. С.248-249.
70. ДВП СССР. М., 1968. Т.2. С.64,148.
71. Publications de la delegation bessarabien. Paris, 1919.
72. Memoranda Addressed to the President of the Peace Conference // Thompson I.M. Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. N-Y., 1966. P. 399.
73. The Case for Bessarabia. A Collection of Documents on the Rumanian Occupation. London, 1919; АВПРФ. Ф.125. Оп.1. Д.30. Папка 3. Д.45.
74. Papers ... 1920. Washington, 1936. Vol. 3. P.430-31.
75. US National Archives. 871 A/14. Bessarabia I.
76. Papers ... 1920. Vol. 3. P. 432.
77. US National Archives. 871 A/14. Bessarabia I.
78. Papers ... 1920. Vol. 3. P. 433.
79. ДВП СССР. М., 1959. Т.3. С.312.
80. ДВП СССР. М., 1963. Т.7. С.80.
81. US National Archives. 871 A/14. Bessarabia I.
82. US National Archives. Division of Russian Affairs. 2 august 1922.
83. US National Archives. 871 A/14. Bessarabia I. (Депеша П.Джая от 23 июня 1923 г.).
84. ДВП СССР. Т.7. С.169.
85. Там же. № 87. С.164.
86. Там же. С.166,168.
87. Там же. № 90. С.171-173.
88. Там же. С.175.
89. Известия. 1993, 1 октября; Жизнь в Румынии. 1991. № 2. С.25-27; № 1. С.5-7; Tezaurul României la Moscova. Buc. 1993.
90. АВПРИ. Ф.Политархив. 1916-1917. Д.5365. Л.41.
91. Там же. Л.68.
92. US National Archives. Microf. Publ.M/c 340. R. 8.
93. АВПРФ. Ф.125. Оп.1. Д.1. Папка 2. Л.57.
94. Monkevitz N. La decomposition de l'armee russe. Paris, 1919. P. 191-192.
95. АВПРФ. Ф.125. Оп.1. Д.1. Папка 2. Л.54.
96. Monkevitz N. Op. cit. P. 180.
97. Частично об этом имуществе говорилось в "Претензиях советского государства к странам, ответственным за интервенцию и блокаду" // ДВП СССР. М., 1961. Т.5. С.342,345.
98. Там же. Т.1. № 113. С.171-172.
99. Там же. Т.3. С.261.
100. Там же. Т.7. № 95. С.179.
101. Жизнь в Румынии. 1991. № 2. С.25-27; № 1. С.5-7.
102. К истории заключения советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г. // Новая и новейшая история. 1989. № 6. С.20.

103. Известия. 1940. 30 марта.
 104. Известия. 1940. 29 июня.
 105. Левит И. Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Кишинев. 1981. С.82-84.
 106. Правда. 1989. 24 дек.
 107. Внешняя политика СССР в период Отечественной войны. М., 1946. Т.2. С.206.
 108. Мирный договор с Румынией. М., 1947. С.5.

Т.М.ИСЛАМОВ, Т.А.ПОКИВАЙЛОВА

ТРАНСИЛЬВАНИЯ – ЯБЛОКО РАЗДОРА МЕЖДУ ВЕНГРИЕЙ И РУМЫНИЕЙ

Что отношения двух соседних стран, Венгрии и Румынии, отнюдь не добрососедские – факт общеизвестный. И в доказательствах он не нуждается. Во взаимоотношениях Румынии с Венгрией, или вернее Венгрии с Румынией, именно Трансильвания многие десятилетия являлась яблоком раздора и продолжает им оставаться сегодня. Румыно-венгерские отношения после падения прежних, называвшихся социалистическими, режимов, в конце 80-х и начале 90-х годов приняли столь острый характер, что дали повод западным наблюдателям, не стесненным цензурными предписаниями, рассуждать о возможной в дальнейшем эскалации их напряженности, и даже ставить вопрос таким образом, как это сделал один известный публицист: "Возможна ли война между Венгрией и Румынией?". Вопрос, возможно и риторический, но поводов для такой, казалось бы неожиданной, его постановки, как увидим ниже, предостаточно. И причин также. Все будет зависеть от дальнейшего развития ситуации. От позиции великих держав, и России в том числе, но еще больше, видимо, от поведения вершителей судеб интегрированной части Европы, а также и США.

Но почему Трансильвания? Отчего весь этот сыр-бор? Ответ на данный вопрос способна дать лишь История. Попробуем

изложить ее бегло и в самых общих чертах.

Но прежде: что такое Трансильвания? Тем более, что в советских массовых изданиях, она, помнится, совсем не упоминалась. И это понятно: область входила в состав дружественной Румынии, и было бы неприлично писать о каких-то проблемах, с нею связанных.

Современная Трансильвания - край, расположенный на северо-западе Румынии, населенный румынами, венграми, остатками еще не успевшими уехать из благословенной Румынии немцами (саксы, швабы) и евреями, а также цыганами, сербами, болгарами, украинцами. По данным переписи 1977 г. из 8-миллионного населения Трансильвании 70,9% составляли румыны, 22% - мадьяры, 4,3% - немцы, 2,8% - представители других национальностей. За скрупулезную достоверность этих цифр вряд ли можно ручаться, если мы позволяем себе сомневаться в правдивости собственной отечественной статистики эпохи социализма. А чем был лучше режим Чаушеску? Статистика тем более. К тому же служба статистики даже довоенной королевской Румынии, с ее более либеральным в национальном вопросе режимом, чем тоталитаризм социалистической эпохи, не пользовалась среди специалистов безупречной репутацией. Отсюда следует, что как к конкретным цифровым данным, так и к соотношению населяющих край этносов надо относиться с большой осторожностью. По оценкам зарубежных специалистов, основывающихся на данных актов гражданского состояния, румыны составляют в настоящее время приблизительно 65% населения Трансильвании, а мадьяры - 27%¹.

Чтобы читатель получил более реальное и наглядное представление об этом крае, отметим, что и по площади и по численности жителей он превосходит такие европейские страны, как Австрия и Швейцария, последнюю по территории в два с половиной раза, по населению на 1,5 млн. человек. Поразительное сходство архитектуры возведенных в свое время немцами городов (Брашов, Сибиу, Сигишоара и др.) роднит этот край с небольшими городами немецкой Швейцарии, а также ландшафт исторической Трансильвании, горно-лесистой страны, зак-

люченной в подковообразную дугу Карпат, отделяющих ее от основной территории Румынии. Следует также иметь в виду, что современная Трансильвания включает в себя не только историческую Трансильванию, но и все территории, отторгнутые от Венгрии после первой мировой войны и присоединенные к Румынии согласно условиям Версальского договора (точнее Трианонского мира, продиктованного Венгрии Антантой в 1920 г.). Трансильвания богата не только сырьевыми ресурсами и высокоразвитой обрабатывающей промышленностью, но и высокопрофессиональной рабочей силой, что обусловлено особенностью исторического развития. Край отличался общим более высоким уровнем культуры по сравнению, скажем, с Валахией и Молдовой, пережившими многовековое османское иго. Вышеперечисленные сведения, далеко не полные и исчерпывающие, придавали и придадут дополнительную остроту спору Венгрии и Румынии, претендующих на обладание прекрасным краем в Прикарпатье. Спор этот имеет давнюю и чрезвычайно запутанную предисторию. Потому и нам, взявшим на себя труд реконструировать и изложить ее, не обойтись без исторического экскурса, по необходимости кратко и бегло.

Итак...

Как это начиналось? Или к истории вопроса

Клубок румыно-венгерских противоречий завязывался во второй половине XIX в., после того как в 1859-1878 гг. сформировалось самостоятельное государство румын Молдавии и Валахии - Румыния. Ее правители, естественно, устремили свои взоры в располагавшуюся по другую сторону Карпат прекрасную страну, значительная часть жителей которой говорила на том же языке, что и население Румынии, исповедовала ту же религию, молилась одному богу. Одинаковыми у них были обычаи, обряды, быт и одежда, типы жилищ и образ жизни. Но в этой стране бок о бок с влахами жили также и другие народы: венгры, немцы, сербы, украинцы и т.д., для которых благословенная Трансильвания была такой же родиной, как и для романоязычных, превосходивших первых по численности уже к этому времени. Кстати, на национальной почве, из-за различий в языке и даже религии (что в средневековье

было более существенно, чем этнические различия), особых проблем не возникало, хотя в господствующих сословиях — феодалов-дворян и патрициев городов, а также и состоятельных бюргеров, — влахов-румын было гораздо меньше, чем венгров и немцев (саксов и швабов). Законом долгое время вообще запрещалось не только простолюдину или пастуху-влаху, но даже венгерскому дворянину селиться в черте немецких городов. В данном случае не имело, видимо, значения с точки зрения феодального правопорядка и правосознания то обстоятельство, что Трансильвания, включая саксонские города, являлась частью королевства Венгрии. Но до того, как Французская революция одарила мир национальной идеей, социальный гнет (феодальный, крепостнический) не отождествлялся с национальным угнетением, да и господа-дворяне драли три шкуры со своих крестьян, не спрашивая об их национальной принадлежности. Слияние этих очень разных по своей природе начал — социального и национального — в Трансильвании произошло после очередной Французской революции в 1848—1849 гг. Тогда воодушевляемые национальными лозунгами массы влахов-пастухов, ведомые православными священниками, учителями и адвокатами, подняли оружие против Венгерской революции, оказавшись в одном строю с армиями австрийского императора, посланными на подавление этой революции. Произошло трагическое кровопролитное столкновение двух народов, пробудившихся к национальной жизни. И повинны в том были, как это часто бывает, не столько внешние силы, подстрекавшие их к столкновению, в данном случае австрийский венский двор и венская камарилья, а в первую очередь собственные руководители мадьяр и румын, их национальная элита.

Недооценивать этот факт нельзя. Однажды несправедно пролитая кровь редко остается без последствий — такова особенность индивидуальной человеческой психологии, но также специфика коллективной исторической памяти нации. Но не следует его также переоценивать, абсолютизировать национальную вражду. Мадьяры и румыны находились в постоянном контакте на протяжении столетий, а воевали по-настоящему лишь однаж-

дн, в 1848-1849 гг., по крайней мере, до первой мировой войны, в которой Румыния и Венгрия оказались по разную сторону баррикад. Но и тогда войной на Венгрию пошел не румынский народ Трансильвании и Баната, а румынское государство, возглавляемое своей олигархией во главе с королем Гогенцоллерном-Зигмарингеном, горевшей желанием овладеть этим лакомым куском с помощью союзников, великих держав Антанты. До этого королевская Румыния, мечтавшая о присоединении Трансильвании, не осмеливалась открыто выступать с притязаниями на чужую территорию, предпочитая использовать трансильванскую карту, т.е. национальную идею, прикрытую лозунгом о воссоединении населенных единокровными братьями земель и освобождении их из-под мадьярского ярма, для "внутреннего потребления", чтобы укрепить господствующий режим. Ведь так легко и удобно было отвлекать недовольство и гнев своего народа, обратив их против внешнего врага, уютно наслаждаться ролью защитника национальных интересов. Так было, есть и будет во все времена, пока существует национальная идея и национальный вопрос. Не представляет большого труда использовать национальную идею в своекорыстных целях и злоупотреблять ею в интересах жаждущей власти, почестей и богатств элиты, когда действительно, объективно существует национальный гнет. Румынии Венгрии в самом деле были дискриминируемым в своих правах народом, они в первую голову подвергались экономическому и социальному гнету, что создавало благоприятную питательную почву для роста национального недовольства. Их права ущемлялись и в тех сферах, которые принято называть национально-культурными: в возможности свободно употреблять родной язык во всех областях жизнедеятельности - в общении с властями, в суде и других административных органах, в образовании, особенно в среднем и высшем, и т.д. Хотя если сравнивать условия материальной жизни, уровни развитости культур, сети школ, системы образования по Венгрии и Румынии в целом, то сравнение окажется не в пользу последней по многим объективным показателям. Самое общее объяснение тому - в несход-

стве исторического пути, пройденного Трансильванией и Дунайскими княжествами, т.е. Румынией, в существенном различии социально-экономического развития, с одной стороны, стран Балканского региона, веками входивших в состав Османской империи с присущей ей застойностью, и государств Центральной Европы (империи Габсбургов, Венгрии, Трансильвании), с другой, где социально-экономические и культурные условия в большей мере благоприятствовали созданию цивилизованного гражданского общества.

Не случайно поэтому в течение нескольких столетий, в особенности в ХУП-ХІХ вв., вплоть до начала ХХ в. Трансильвания представляла собой важнейший очаг национальной культуры всех румын, откуда Дунайские княжества получали сильные импульсы — от книгопечатания на родном языке (сначала на кириллице, а затем на латинице) до создания сети школ учителями-трансильванцами и формулирования основных элементов национальной идеологии. Существенное место в ней принадлежит теории "континуитета и автохтонности", основы которой были заложены трансильванскими просветителями, работавшими в венгерской столице (Пеште). Суть этой теории, возведенной во времена Чаушеску в ранг официальной государственно-партийной доктрины и зафиксированной в программном документе коммунистической партии, сводится к утверждению, согласно которому предки современных румын заселяли Трансильванию испокон веков, по меньшей мере со времени образования Дакии, провинции Римской империи. Местные жители провинции, воинственные даки, были романизированы грозными римлянами-завоевателями, а возникший новый этнос — власский — с тех пор неизменно находился и находится здесь как единственный и истинный хозяин этой земли, принадлежащей ему поэтому и по историческому, и по естественному праву. Данный тезис, т.е. тезис о континуитете и составляет суть, квинт-эссенцию всего теоретического построения, которое обосновывается и отстаивается в бесчисленном множестве ученых трудов сменяющими друг друга поколениями румынских историков.

Что касается венгерских историков, то, единственно, что не подвергается ими сомнению, так это факт завоевания в 106 г. н.э. Дакии римлянами, которые покинули ее в 271 г. от Рождества Христова. Во всем остальном позиции спорящих сторон расходятся диаметрально. Оппоненты концепции дако-романского континуитета утверждают: 160 лет (106-271 гг.) — слишком короткий срок для ассимиляции целого народа, т.е. для романизации; в соседней, другой римской провинции, в Паннонии (нынешняя территория Венгрии), где римское владычество длилось намного дольше, около 400 лет, после ухода римлян никакого романизованного населения не осталось; не осталось оно и в Дакии (Трансильвании), ибо ни письменные источники, ни археологические данные и намек не дают на существование в это время к северу от Карпат дако-романской народности; первые однозначные упоминания о влахах содержат лишь документальные источники 1222-1224 гг., а обнаруженные археологами при раскопках бронзовые монеты не обязательно должны были использоваться местным населением*, мадьяры, занявшие Трансильванию в X в., в ходе "обретения родины", застали там не романоязычное население, а славян и тюркоязычную народность. Таковы утверждения оппонентов официальной румынской точки зрения.

По мнению венгерских историков, страной в период великих переселений последовательно владели готы, гепиды, гунны, авары, славяне. Влахи же пришли сюда с юга, с Балкан, в XII-XIII вв. несколькими волнами, причем численного преобладания над мадьярским этносом они достигли лишь в середине XIII в. Венгерская наука четко, определенно и безоговорочно признает, что доля влахов-румын в 1760 г. населения Трансильвании равнялась 60%.

* Характерно, кстати, что известный румынский археолог К. Хоредт, оказавшись "на свободе", "в свободном мире", опубликовал в 1985 г. в ФРГ работу, в которой отказался от своих прежних взглядов относительно романизации.

Читатель, да и вообще объективный наблюдатель, может задаться вопросом — так ли уж принципиально важен для обоснования прав и притязаний на ту или иную территорию приоритет в ее заселении? Разве жизненно важен вопрос о том, когда и кто пришел первым. Не разумнее ли признать естественное право на родину всех коренных жителей данной страны, области, местности?

— "С точки зрения венгерских интересов, — пишет беспристрастный орган нейтральной и в этой дискуссии Швейцарии "Нойе Цурхер Цайтунг", — не имеет существенного значения, когда поселились предки румын в Трансильвании, в I, X либо в XIII в., и когда они составили большинство населения — в середине XVII в. или раньше. Между тем именно румынская сторона придает принципиальное значение этим вопросам, причем до такой степени, что оспаривание или непризнание официальной румынской интерпретации квалифицирует не просто как непозволительную фальсификацию истории, а как некое покушение на право обладания Трансильванией. Нет нужды ссылаться на римлян, если кто-то хочет доказать, что устойчивое и массовое заселение территории создает историческое право"².

Спор решается мировыми войнами

В решающую свою стадию борьба за обладание Трансильванией вступила в ходе первой мировой войны. Воевавшие великие державы стали усиленно обхаживать немногие колеблющиеся, еще не оставшиеся в стороне от схватки, страны, стремясь перетянуть их в свой лагерь. К числу таковых относилась и Румыния, которая, подобно Италии, формально являлась союзницей Австро-Венгрии. Но в Лондоне, Париже и Петрограде так же, как в Берлине и Вене, хорошо понимали, для того, чтобы заполучить союзника, нужна хорошая приманка. А лучшей приманки, рассуждали генералы и политические лидеры Антанты, чем Трансильвания, для Румынии не придумать. Западные участники Антанты первоначально, однако, воздерживались даже от ни к чему не обязывающих обещаний или авансов в отношении Трансильвании. Не в их интересах было серьезное ослаб-

ление (не говоря об уничтожении) Австро-Венгерской монархии, являвшейся существенным элементом европейского равновесия, противовесом их союзницы России в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Первой на рискованную стезю поощрения эвентуального союза путем отторжения Трансильвании вступила как раз Россия, находившаяся стратегически в более неблагоприятном положении, чем Англия и Франция, и в большей мере заинтересованная во вступлении в войну Румынии на стороне союзников³.

Всего через полтора месяца с начала военных действий между Австро-Венгрией и Россией, ее министр иностранных дел С.Д.Сазонов великодушно предложил румынам занять "без всякого промедления Южную Буковину и Трансильванию"⁴. Не покупалась на щедрые посулы за счет противника и другая сторона. Кайзер Вильгельм, если бы на то была его воля, соглашался отдать за вооруженное выступление Румынии против России даже больше: не только Буковину и Трансильванию, но Бессарабию с Одессой впридачу. Соблазн был велик. Награда прекрасна сама по себе, размышлял вслух здравомыслящий премьер Румынии, но где гарантия обладания ею? Неплохо было бы, предложил он, чтобы и Габсбурги прихватили какой-нибудь кусочек из русского "наследства"; и тогда России в случае, если ей вздумается возратить утраченное, пришлось бы иметь дело не с одной Румынией. Поскольку за Австро-Венгрию немцы тогда еще говорить не научились, то для успокоения Бретану они придумали иной вариант страховки: между Россией и Великой Румынией встанет новое буферное государство - "великое княжество Украина", которое и прикроет Бессарабию, и, вообще, России будет не до реванша⁵.

В Бухаресте колебались, тщательно взвешивая возможные последствия того или иного решения, подсчитывали дивиденды, но также и потери, не упуская из виду изменчивость военной фортуны, вероятные репрессии со стороны армий одного из обманутых в своих ожиданиях союзника по блоку. Шансы создания "Великой Румынии" посредством активного выступления обсуждались публично, всенародно. И обществен-

ное мнение все более склонялось в пользу Антанты, тем более, что вначале военные неудачи преследовали Австро-Венгрию. В первой мировой войне, таким образом, Румыния оказалась поставленной перед необходимостью сделать выбор между Бессарабией и Трансильванией. Ее правящие круги в обоих случаях прикрывали свои экспансионистские планы ссылками на историческое право и на этнический принцип. Однако политику определяли не широковещательные декларации о воссоединении всех румин в одном государстве и рассчитанные на наивных простаков призывы к соблюдению права наций на самоопределение, а стремление к территориальным захватам, экспансионизм. Почтенный сенатор Т.Ионеску, бухарестский профессор, было надо полагать, вполне искренен и прямодушен, когда заявлял без обиняков и ссылок на этнический принцип и самоопределение: Трансильванию присоединить следовало в любом случае в силу ее стратегического расположения и экономического потенциала, даже если бы румынское население там не преобладало⁶. Весной 1915 г. министр иностранных дел России Сазонов пообещал Бухаресту не только Трансильванию, но и восточную часть Баната, а также южную Буковину. Но оказалось, что и этого мало: Бухарест требовал себе всю Буковину с ее многочисленным украинским населением и весь Банат с населявшими его сербами и швабами. Обозначенная на карте линия новых румынских границ, официально представлена в мае 1915 г. представителем Румынии в Петрограде, заставила оторопеть даже искушенных, выдавших виды политиков: границы простирались не только до Тисы и Дуная, но и Прута, что уже непосредственно задевало российские интересы. Столкнувшись с этим экстремизмом, Сазонов решительно произнес известное русское слово "нет" - "не может быть и речи"⁷.

Непомерные амбиции бухарестских лидеров насторожили и западных союзников, перепоручивших как бы ведение переговоров с ними царскому правительству. Сэрю Эдуарду Грею, например, не понравилось обещание Сазонова отдать румынам венгерские земли и австрийскую Буковину, которое он дипло-

матично назвал "неудачным обещанием"⁸. Настроения, царившие в Форин Оффисе, видимо, каким-то образом стали известны и в Будапеште, ибо именно в том же 1915 г. один из лидеров венгерской оппозиции граф Альберт Аппони сделал через Ватикан неожиданное предложение послу Великобритании: оставить Трансильванию за Венгрией и взамен получить сепаратный мир с Венгрией, отколовшейся от Австрии. Ответ Грея был трезвым и лаконичным: "Боюсь, что настоящее предложение в отношении Венгрии неосуществимо"⁹.

Торг с Румынией, главным предметом которого являлись обширные территории королевства Венгрии, продолжавшийся ровно два года, если считать с начала мировой войны, закончился в августе 1916 г. секретным Бухарестским договором. В соответствии с ним, новая румынская граница определялась по линии Сегед-Солнок-Дебрецен, с оставлением их за Венгрией, но на 30-40 км западнее будущих трианонских границ. Спустя месяц войска Румынии вторглись в Трансильванию.

Жаждавшие якобы воссоединения единокровные, однако, встретили освободителей более чем прохладно¹⁰. Не выказала восторга и Национальная партия румын Трансильвании. Наоборот, ее руководители поспешили публично подтвердить свою лояльность отечеству, трону и дуалистической империи. Один из них, А. Вайда-Воевод пошел еще дальше, публично осудив в заявлении, сделанном в печати, вторжение румынской армии в Венгрию. Через пару месяцев, однако, под нажимом войск Австро-Венгрии, Германии и Болгарии она вынуждена была не только очистить венгерские территории, но вскоре сдать и Бухарест. От окончательного разгрома Румынию спасла русская армия вместе с помогавшими ей румынскими частями.

7 мая 1918 г. Румыния была вынуждена подписать Бухарестский мир, сепаратный, - что было прямым нарушением § 5 договора с Антантой (август 1916 г.) - выводивший ее из войны и из числа стран-союзниц Антанты. Территориальные потери ее, однако, были незначительны: Вена и Будапешт, ссылаясь на стратегические соображения - дабы предотвратить или затруднить повторное вторжение в Трансильванию,

настояли на исправлении границ, добившись присоединения к Венгрии узкой приграничной полосы шириной в 2-10 км, включая стратегические важные перевалы (проходы) через Карпаты¹¹. Но не прошло и полгода и этот договор превратился в ничего не значивший клочок бумаги, представлявший интерес только для историков. Наступила осень 1918 года. Рухнула Австро-Венгерская монархия, не перенеся сокрушительного военного разгрома на фронтах мировой войны. В числе победителей, решивших судьбы народов Европы, оказалась и Румыния, потерпевшая поражение в этой самой войне, но сумевшая в самый последний момент - и как вовремя! - объявить войну Центральным державам. История, говорят, не повторяется, но то же произойдет с той же Румынией и во второй мировой войне, два десятилетия спустя.

В ноябре 1918 г. войска Румынии, не дожидаясь решений мирной конференции, приступили к оккупации территорий; в конце декабря они заняли трансильванскую столицу Коложвар (Клуж), а в январе 1919 г. город Марамарошигет (Марамуреш), не имевший к исторической Трансильвании ровным счетом никакого отношения и населенный частично румынами, украинцами, русинами и др. народами. Как этот город, так и весь комитат, экономически, хозяйственно, культурно и этнически тяготел к русино-украинским областям Закарпатья не меньше, чем к Молдове. Кстати, Русинский национальный совет провозгласил присоединение края (Подкарпатской Руси) к Чехословакии раньше, чем Национальный совет румын Венгрии, который лишь 17-го ноября 1918 г. решился на разрыв с Венгрией, объявив о присоединении к Румынии "населенных румынами земель" королевства. 1-го декабря это решение было подтверждено собранием в Альба-Юлия (Доллафехервар), а на следующий день королевская Румыния, получив предварительно разрешение Антанты, начала операцию по занятию южной Трансильвании, не встречая сопротивления со стороны венгерских вооруженных сил, насчитывавших всего 4 тысячи штыков¹². На собрании в Альба-Юлия (преподносимого румынской историографией в качестве образца демократического решения националь-

ного вопроса высшего волеизъявления народа, поскольку при этом присутствовало около 100 тыс. румын) не были представлены полноправные граждане, коренные жители земель, которых делегаты собрания собирались передать из одной страны в другую, — украинцев, евреев, саксов, швабов, сербов и венгров (их было 2 млн. человек).

Два обстоятельства решающим образом способствовали осуществлению планов создания "Великой Румынии" в 1919–1920 гг.: в о - п е р в ы х, тяжелейшее положение, в котором оказались к концу войны Россия и Венгрия, на чьи земли румыны претендовали, в о - в т о р ы х, благоприятная для Румынии международная обстановка, сложившаяся в это время в Европе, мире, в Восточной Европе, на Балканах в целом, и более конкретно, — благоволение к Бухаресту заседавших с января 1919 г. в Париже представителей держав-победительниц.

Провозглашенная народной республикой, новая, независимая Венгрия, не имела ни армии, ни международно признанных государственных границ. Со всех четырех сторон света она была окружена плотным кольцом враждебных ей государств, если не считать Австрию, граница с которой была сравнительно спокойной, хотя и Австрия выступила с притязаниями на комитаты Западной Венгрии и получила их от Парижской мирной конференции, образовав на этих землях провинцию Бургуенланд. На венгерской территории находились войска Румынии, Сербии, Чехословакии, а до столицы Будапешта было рукой подать.

Отчаянная ситуация вызвала отчаянное решение. Либеральный режим, возглавляемый демократически настроенным графом Михаем Каройи, добровольно уступил власть коммунистам во главе с Бела Куном, полагая, что последнему удастся выправить положение и спасти нацию при помощи Советской России — единственного возможного союзника. Победа социалистической революции в Венгрии в марте 1919 г., тотчас же объявившей себя союзницей РСФСР, лишь усугубила положение республики, вызвав откровенную враждебность вершителей судеб народов в Париже. С очагом "большевистской заразы", понятно, участни-

ки Антанты мириться никак не могли¹³. С Венгерской Коммуной необходимо было покончить незамедлительно, как можно скорее. Сделать это вызвалась Румыния с превеликой охотой — интервенция против Советской Венгрии сулила не только территориальные приращения, но и баснословные барыши в буквальном смысле в виде военных трофеев и просто грабежа. Доблестное воинство, продвигаясь через нетронутые войной благоустроенные и более богатые, чем в старой Румынии, города и села, где было чем пожить, хватало все, что можно было унести с собой.

1 августа пало правительство Бела Куна, а через три дня, 4 августа, в Будапешт вошли войска Румынии. Неизвестно, сколько бы они там оставались, если бы не грозный окрик Ллойда Джорджа, раздраженного затянувшимся на четверть года ничем не оправданным пребыванием их в венгерской столице. Ушли они только 15 ноября.

В результате акции Румынии на мирной конференции подскочили резко вверх, венгерские шансы (хотя бы на снисхождение и справедливое обращение за столом переговоров) соответственно снизились еще больше. Да и объективно для Антанты роль этой страны в усмирении мятежной Венгрии не шла ни в какое сравнение с незначительным эпизодом кратковременного участия румын в военных действиях 1916—1917 гг. К тому же румынская делегация имела в Версале могущественных покровителей в лице делегатов Франции, которой в делах Балкан и Восточной Европы принадлежала в тот момент ключевая роль. Генерал Анри Бертелло, лично руководивший реорганизацией румынской армии и ее операциями в Трансильвании в качестве командующего французскими войсками на Дунае, получил за свои заслуги перед Румынией в дар от ее короля имение, конфискованное у венгерского дворянина. Его однофамилец Филип Бертелло, генеральный секретарь МИД, а заодно и мирной конференции, проявил не меньше рвения, чтобы услужить бухарестским друзьям и не стеснялся ни в средствах, ни в выражениях, не считаясь при этом с общепринятым дипломатическим этикетом. Так, когда Ллойд Джордж, взывая к чувству спра-

ведливости и ссылаясь на фальсифицированные статистические данные касательно этнического состава рекомендованных комитетами по границам к отторжению от Венгрии областей, заикнулся было о необходимости пересмотра проекта мирного договора с Венгрией, Ф.Бертело разразился полной оскорбительных в адрес венгерской нации тирадой: не существует, дескать, ни венгерской нации, ни венгерской короны, а есть лишь венгерская корона и 15000 сделанных из австрийцев венгерских дворян; следовательно, как только будут ликвидированы их поместья, мадьярство исчезнет как таковое¹⁴. Не менее красочной была ответная реплика благовоспитанного британского джентельмена: не гоже, мол, отдавать Румынии и Чехословакии целые мадьярские общины подобно стаду баранов. Блеснул остроумием в этой не слишком изящной пикировке все же британский премьер. Обратив внимание оппонента на то, что вообще говоря, в Европе нет "чистых" наций, за исключением Англии и Уэльса, он напомнил: национальное чувство у французов развито вероятно сильнее, чем у кого-либо, но и французы по происхождению весьма и весьма смешанны, значение же имеет лишь национальное самосознание; а народ, о котором идет речь обладает венгерским сознанием. В этой неожиданно развернувшейся теоретической дискуссии по проблеме нации, Ллойд Джорджа поддержал итальянец Франческо Нитти, пустившийся в рассуждения о "тысячелетнем национальном единстве" мадьяр, безуспешно пытаясь побудить французов применить этнический принцип. Однако англичане, славящиеся своим упорством, не стали настаивать на изменении условий мира с Венгрией. 4 июня 1920 г. в Большом Трианонском дворце Версаля состоялась торжественная церемония подписания мирного договора, самого тяжелого в тысячелетней истории мадьяр. Ни одна из принимавших участие в первой мировой войне стран, включая главных ее виновников, не потеряла в таких больших размерах территории (2/3) и население (1/3), как Венгрия, от которой были отторгнуты Хорватия-Славония, Фиуме (Риека), Бачка и Банат, Трансильвания, Словакия, Бургенланд. Вместе с тем за пределами страны остались этнически родственные

области с 3,3 млн мадьяр. Лишь 40% новых границ соответствовали этническому принципу¹⁵. Отторгнуты были не только удаленные от основного этнического ядра территории, земли секеев на крайнем юго-востоке королевства, но и те, которые прилегали непосредственно к новым границам. Миротворцы из Версаля, громогласно декларируя приверженность идеям справедливости и принципу национальностей, с легкостью необыкновенной от них отказывались в пользу какого-нибудь надуманного аргумента в угоду своим или своих союзников эгоистическим интересам и сиюминутным соображениям, например стратегическим, транспортным и иным. Когда, скажем, американцы при поддержке итальянцев попытались, сославшись на "этносити", отстоять для Венгрии города Надьварад (Орадя Маре) и Сатмарнемети (Сату-маре) и прилегающую к ним зону, населенную преимущественно мадьярами, французские дипломаты нашли более весомыми похожие на шантаж "транспортные доводы" румын. Последним, видите ли, удобней было перебрасывать свои войска под Львов для помощи полякам по железной дороге Надьварад - Сатмарнемети - Дебрецен, а не прямым и кратчайшим путем из Румынии. Приоритетными оказались текущие, временные военно-стратегические интересы подготовки войны против советов, а не забота о будущем народов, чья судьба на века вперед взялись определить западные демократии. Вот таким манером и были установлены государственные границы в Европе XX в.

Больше всего при дележе австро-венгерского имущества досталось румынам, хотя и не удалось им установить новые границы "Великой страны" на Тисе, забрать весь Банат (а не половину его), поделить с Чехословакией Закарпатье. По сравнению с довоенной площадь Румынии более чем удвоилась (со 140 350 км² до 297 000 км²)¹⁶. В справке НКВД СССР "Трансильвания", составленной комиссией по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства (возглавлял ее Литвинов), в связи с подготовкой мирных договоров, констатируется, что "... непомерное территориальное расширение Румынии в результате мировой войны 1914-1918 гг. не было след-

ствием ее победоносного участия в войне, скорее было наградой за разгром венгерской пролетарской революции. Огромное увеличение территории, обусловленное искусственным сцеплением территорий, пришитых к метрополии путем захвата, превратило Румынию из страны с однородным национальным составом в многонациональное государство, окруженное со всех сторон экономически и политически враждебными ей областями с населением, тяготеющим к СССР, Венгрии и Болгарии"¹⁷.

Так волей судьбы Румыния стала многонациональным государством, как и другие участницы дележа, первоначальной целью которых была замена полиэтнической империи Габсбургов, названной "тюрьмой народов", национальными, моноэтническими государствами, более отвечающими, якобы, задачам демократии, прогресса, гуманизма. Посмотрим, как эти благородные цели претворялись на практике под лозунгом "Великой Румынией - Румыния Маре!". Тем более, что в рамках Версальской системы мирных договоров в декабре 1919 г. она подписала специальный трактат о защите национальных меньшинств. Она сделала это неохотно, под нажимом великих держав, но все же подписала и даже ратифицировала его в следующем году. Вне всяких сомнений, это было шагом вперед. Воздадим должное творцам трактата, ибо четверть века спустя, в том же Париже в 1946 г., после второй мировой войны, когда Румыния снова оказалась среди победителей, а Венгрия, соответственно, среди побежденных, ни великие англосаксонские демократии, ни не менее великий Советский Союз с его неизменной преданностью в основу всего положенному пролетарскому интернационализму, ни Организация Объединенных Наций не удосужились позаботиться включить хотя бы в текст мирных договоров статью в защиту прав национальных меньшинств, не говоря уже о специальном договоре, ссылаясь на то, что была включена статья о правах человека вообще.

Упомянутый договор предписывал соблюдение равенства граждан всех национальностей, свободное употребление родного языка в быту, хозяйственной сфере, религиозной и деловой жизни, в системе образования и даже выделение опре-

деленной части национального дохода на культурные нужды национальностей. Согласно ст. II-й, Румыния дала свое согласие на осуществление местного самоуправления общинам саксов* и секеев** под контролем государства. Для реализации условий трактата был образован специальный правительственный орган - государственный секретариат по делам меньшинств.

Необходимо отметить, что правящие круги, правительство Румынии испытывало определенное давление и со стороны демократической общественности Трансильвании, оказавшей известное влияние на сформулированные при провозглашении 1-го декабря 1918 г. унии с Румынией (так называемые "Альба-Юльские решения"). В этой декларации было зафиксировано "право народов на полную национальную свободу". Каждый народ получал право на образование, администрацию, суд на родном языке. Более того, всей этой деятельностью должны были управлять представители самих этих народов, которые к тому же должны были быть представлены пропорционально своей численности во властных законодательных и исполнительных органах. Подобные радикальные установления в национальном вопросе невозможно было осуществить. Да и всерьез вряд ли кто-либо из властей имущих считался с "Решениями в Альба-Юлии". С реальной же автономией Трансильвании, установившейся после ее присоединения, Бухарест расправился весьма скоро, уже в апреле 1920 г., как только правительство взяло край под свой полный контроль. Фактически перечеркнула предусмотренные парижским трактатом права и свободы нацменьшинств конституция 1923 г., считающаяся чуть ли не самой демократической и либеральной в истории румынского государства.

Начать с того, что эта конституция объявила Румынию "единым и неделимым национальным государством", хотя даже по официальной, вызывающей законное недоверие статистике, на долю румын, по переписи 1930 г., приходилось 71,9% от численности населения и соответственно на все остальные

* Саксы - потомки немцев из Саксонии, переселившихся в Трансильванию в средние века.

** Секеи - этническая группа венгров, проживающих в Трансильвании.

меньшинства - 28,9%, в том числе на венгров - 7,9%¹⁸. В том, что тут имела место подтасовка, легко убедиться, сопоставив данные венгерской переписи 1910 г. с румынской переписью 1930 г. Ценз 1930 г. зафиксировал в Трансильвании наличие несколько больше 5,5 млн жителей. За два десятилетия численность румын возросла на 400 тыс., а мадьяр уменьшилась на 200 тыс. человек. Такая динамика не представляется убедительной специалистам-демографам даже с учетом переселения в 1919-1927 гг. в Венгрию 197 тыс. мадьяров. Исчерпывающего объяснения этому феномену не дает и то обстоятельство, что почти 200 тыс. лиц иудейского исповедания при проведении румынской переписи, опасаясь дискриминации, уклонились назвать себя венграми (по языку). Своёобразно поступили с многочисленными в крае цыганами: в тех районах, где большинство составляли румыны, к ним причисляли и цыган, а в венгерских - они выделялись в особую категорию¹⁹.

По итогам переписи, проведенной в Венгрии в условиях мирного времени в 1910 г., - данные, которые нейтральными специалистами признаются достоверными, на присоединенных по Трианонскому договору к Румынии землях румыны составляли почти 54% населения (53,9%), мадьяры - 31,7%, немцы - свыше 10%, остальные - около 4%²⁰. Таким образом численное преобладание румынского этноса не оспаривалось никем, но оно не было таким подавляющим, как это выглядит по последующим переписям 1930 г., и в особенности 1977 г.

Переход Трансильвании от Венгрии к Румынии, закрепленный Трианоном, вызвал решающей важности перемену в статусе обеих ведущих автохтонных и коренных наций края. Ранее считавшаяся господствующей нация оказалась в униженном положении подчиненной, и наоборот, веками угнетавшиеся и униженные румыны внезапно в роли нации господствующей, обретя одновременно возможность и способность отплатить поверженному противнику за все прежние обиды. Произошла опасная деформация самого национального самосознания и у побежденных, и у победителей: у первых - глубокая травма, не заживающая до сегодняшнего дня рана, у вторых - шовинистическое чувство

превосходства. Восстановление исторической справедливости для одних обернулось вопиющей несправедливостью для других. Бездумная реализация бесспорно прогрессивного права одной нации на самоопределение ущемлением интересов и прав других наций, как показали дальнейшие события, не только не решает национального вопроса, но и ведет неумолимо к его обострению. Пропасть между обеими нациями после 1920 г. углубилась еще больше, чему немало способствовала дискриминационная политика и практика властей румынского государства в присоединенных областях в социально-экономической и культурно-национально-языковых сферах.

Достаточно сказать, что земельная реформа 1921 г. подорвала не только экономическую основу власти венгерского дворянско-помещичьего класса, но и материальные условия существования широко разветвленной сети образовательных учреждений венгерской нации в Трансильвании. Достигнуто было решающее преобладание румынского землевладения благодаря конфискации не только "излишков" у крупных и средних собственников-мадьяр, но главным образом за счет лишения венгерских церквей - а их было четыре: римско-католическая, реформатская, униатская и лютеранская - 84,5% их недвижимости²¹. В результате к 1930 г. из 2543 ранее существовавших учебных заведений разных ступеней, осталось всего 1226. Одновременно был ограничен круг предметов, обучения которым велось на венгерском языке. Румынским стал венгерский университет в Клуже. В дальнейшем тенденция эта все более усиливалась, достигнув своего апогея в "золотую эпоху" Н. Чаушеску. Строительство, ремонт, эксплуатация, директорская квартира - все это возлагалось законом на общины (коммуны, села, деревни), т.е. жители венгерских сел и деревень практически оплачивали содержание и румынских школ, ибо в государственных преподавание велось на румынском языке. Обучение румынскому языку, а также румынской истории и географии (на румынском же языке) было обязательным во всех школах без исключения, включая и церковные. В еврейских школах было запрещено обучение на вен-

герском и немецком языках. Этим учреждениям было предложено выбирать между ивритом и румынским языком. Конституция 1923 г. ввела дискриминационную иерархию официальных церквей. Православная была объявлена господствующей, греко-католическая, т.е. униатская, — имеющей преимущество перед остальными конфессиями. Конституция 1938 г., введенная после установления режима королевской диктатуры, формально узаконила политическую дискриминацию по этническому признаку: вводилось новое правовое понятие — "преимущество румынского происхождения" в осуществлении гражданами политических прав, причем в зависимости от их важности. Министром, например, мог быть назначен лишь тот, кто был "румыном" в третьем поколении. Новая статья конституции позволила освободиться от многих еще продолжавших служить чиновников-мадьяр; произошло их массовое увольнение по причине их нежелания присягнуть румынскому государству. Венгерское население Трансильвании, естественно, не могло мириться со своим ущемленным положением в рамках "Великой Румынии". Не примирилась с новым статус-кво, созданным Трианоном, и хорватская Венгрия, официальной идеологией которой с первого дня ее существования стал ирредентизм и "ревизионизм" — стремление к пересмотру границ и условий мирного договора.

Приход к власти в Германии национал-социалистов и приближение новой войны перевели ревизионистские цели из области идеологии и пропаганды в сферу политической практики. Германия была недовольна Версальской системой в целом, Венгрия — составной ее частью — Трианонским соглашением. На этой почве объективного совпадения интересов сошлись пути Третьего рейха и Венгрии, а также фашистской Италии. После позорного Мюнхенского сговора с помощью этих двух держав хортизму удалось пробить первые бреши в версальско-трианонской системе, захватив по Первому Венскому арбитражу 1938 г. сначала южную Словакию, а затем — в два приема — и Закарпатье.

Венский Арбитраж. Раздел Трансильвании

В 1940 г. пришел черед Трансильвании. Тучи над ней стали сгущаться с начала второй мировой войны в Европе. Как только державы Оси взорвали Версальскую систему, под вопросом оказалась ее составная часть — Трианонский мирный договор. В международно-правовом плане руки Венгрии были развязаны. К тому же учредительный документ Лиги наций также не исключал возможности изменения границ (в отличие от Хельсинской декларации 1977 г.). Современный румынский специалист указывает, что "международно-правовой базой действий венгерских ревизионистов являлась статья 19-я Пакта лиги Наций"²². В исключительных случаях, записано в ней, дабы избежать угрозы всеобщему миру, возможно изменение договора²³. Поскольку из-за непримиримых противоречий между Румынией и Венгрией полубовная сделка с обоюдного добровольного согласия исключалась, то ключ к решению трансильванского вопроса оказался в руках третьих стран. Таковыми в условиях начавшейся войны были гитлеровская Германия и Советский Союз. Несмотря на разграничение сфер влияния по секретному дополнительному протоколу к советско-германскому пакту о ненападении 1939 г., Москва была вынуждена ассистировать Гитлеру и в делах, касавшихся отведенной ей сферы — Восточной Европы, и осуществлять свои гегемонистские функции в регионе с постоянной оглядкой на Берлин. Новый расклад сил, разумеется, не был тайной и для непосредственно конфликтующих сторон. В особенности старалось воспользоваться возросшей ролью Москвы в собственных целях правительство Венгрии, которое исходило в своих расчетах из предпосылки объективного совпадения интересов обоих государств в отношении Румынии. Венгерский посланник в Москве Михай Юнгерт-Арноти в своих дневниках писал, что кабинет Бетлена мотивировал необходимость дипломатического признания Венгрией СССР надеждой на советскую поддержку в вопросе о возвращении Трансильвании. Мысль о "кооперации с русскими против Румынии на базе неурегулированного бессарабского вопроса", читаем в том же дневнике,

незримо присутствовала и при установлении дипломатических отношений в 1934 г. Среди причин, побудивших венгерское правительство к установлению дипломатических отношений, как объяснял министр иностранных дел соответствующей комиссии по иностранным делам верхней палаты парламента, была "возможность сотрудничества с Россией против Румынии из-за Бессарабии"²⁴. И вновь, как и в первую мировую войну, судьбы Трансильвании и Бессарабии оказались связанными друг с другом.

Первоначально, однако, Венгрия не слишком охотно шла на сближение с Советским Союзом, а ставку делала исключительно на германо-итальянскую ось и западные державы. Международное реноме Москвы не было таким, чтобы афишировать связь с ней. Поэтому, приступая к трансильванской акции, Венгрия попыталась подстраховаться прежде всего на Западе. 23 февраля 1940 г. послы Венгрии в Лондоне и Париже вручили правительствам Англии и Франции меморандум, в котором подчеркивалось, что свои территориальные притязания в отношении Румынии их страна не собирается осуществлять силой оружия. Но, говорилось далее в меморандуме, если Россия "успешно атакует Румынию и возникнет угроза ее вторжения на Балканы", венгерская армия "должна будет незамедлительно выступить походом, чтобы достичь линии Карпат и остановить там продвижение русских"²⁵. Фантастика, да и только. И какая смелость! Доблестная армия конвеедов, спасая Балканы от красных, преграждает им путь на Карпатах! Но в этой невероятной фантазмагории была конкретная и вполне реальная цель: убедить англичан в том, что для осуществления благородной миссии по защите христианской цивилизации от большевистского варварства войскам Венгрии — без большой охоты, против желания, — придется "пересечь всю Трансильванию". Ну, а если большевики не "атакуют Румынию" и не пойдут на Балканы? И на этот случай был приготовлен аргумент в пользу вооруженного вмешательства. Мотивом для такого выступления, полагал граф Телеки, явится добровольная уступка Южной Добруджи Румынией Болгарии, ибо

чувство справедливости мадьяр было бы глубоко уязвлено, если бы трансильванский вопрос остался нерешенным. Чтобы поднять венгерские акции у западных держав, правительство обязало своих послов в Лондоне и Париже заявить при вручении меморандума, что Венгрия ни при каких обстоятельствах не пойдет ни на какую совместную акцию с Советским Союзом. Обращение к Англии и Франции не было случайностью. Эти страны имели гарантийный договор с Румынией от 13 апреля 1939 г., обязывающий их защищать неприкосновенность последней, и этот договор еще сохранял силу, следовательно, Венгрия не могла полагаться только на Германию, тем более, что война на Западе тогда еще велась вяло, и неизвестно было, как она повернется дальше. После поражения Франции ситуация круто изменилась. К тому же и сам Бухарест, желая заручиться поддержкой Берлина, добровольно денонсировал гарантийный пакт еще в феврале 1940 г. Хортистов отныне ничто не заставляло оглядываться на Запад, и через 4 месяца после упомянутого дипломатического демарша будапештские правители радикально изменили линию своего поведения как в трансильванском вопросе, так и в отношении СССР, полностью забыв о своих заверениях в миролюбии.

Час действия настал в последние дни июня 1940 г., вскоре после капитуляции Франции, сразу прибавившей куража трем соседям Румынии — СССР, Болгарии и, конечно же, Венгрии, ожидавшим удобного случая, чтобы вырвать свою долю добычи. Сигнал к частичному разделу Великой Румынии подала Москва. Поздно ночью 26 июня 1940 г. в НКВД был приглашен посланник этой страны Давидеску, которому нарком В.М.Молотов вручил ноту с требованием "возвращения" СССР Бессарабии и "передачи" ему же северной части Буковины, согласно приложенной карте. На ответ отводилось ровно 24 часа. В присущей ему жесткой манере Молотов дал ясно понять, что в случае отсутствия положительного ответа в течение отведенного времени, названные территории будут немедленно заняты советскими войсками²⁶. Насмерть перепуганный посланник бросился к телефону, чтобы срочно продикто-

вать в Бухарест содержание ультиматума. Но, увы, связи не было, то ли потому, что трудящиеся телефонистки заснули в эту ночь или по какой-то другой причине; телефон заработал ровно в 6 ч. утра следующего дня. Но все же румыны имели 18 часов — срок вполне достаточный, чтобы произнести одно слово: "Да". И оно прозвучало в ходе совещания Коронного совета, срочно, в пожарном порядке созванного королем Каролом 27 июня²⁷. Решающим аргументом против оказания сопротивления Советскому Союзу, как полагают Д. Дилитэнт из Лондонского университета, была возможность одновременной синхронизированной атаки со стороны Венгрии и Болгарии... Скорее всего это преувеличение, ибо решающим аргументом, по-видимому, была боевая мощь советских дивизий, отмобилизованных, готовых немедленно форсировать Днестр. Единственная и последняя надежда рухнула, как только пришло сообщение о реакции Берлина на мольбы румын о помощи: никакой помощи, наоборот, настойчивый, с нажимом совет — уступить Советам, не задумываясь. И не рассуждать! Примерно таким был смысл германских рекомендаций Бухаресту²⁸.

Летом 1940 г. в результате энергичного выступления Москвы сложилась довольно любопытная ситуация, когда две страны — СССР и Венгрия — одновременно заявили о территориальных притязаниях третьей стране, Румынии, не заключив никаких, ни тайных, ни явных, соглашений, и даже не сговариваясь, в чем мы имели возможность убедиться после тщательного изучения архивных материалов, оставших не так давно доступными исследователям. Их действия были синхронными, но не синхронизированными сознательными акциями дипломатов, политиков или военных. Решение о переходе к решительным действиям в трансильванском вопросе Будапештом было принято в роковой для Румынии день 27 июня 1940 г., когда она была вынуждена расстаться с Бессарабией и Южной Буковиной. Быстрая капитуляция Бухареста вызвала явное разочарование венгерского руководства, втайне желавшего вооруженного конфликта между СССР и Румынией, о чем вслух, разумеется, не го-

ворилось. "Мирное разрешение конфликта с Румынией, - читаем в Обзоре советского полпредства в Будапеште за 1940-й год, - встретило полное одобрение (?) всех кругов Венгрии и вызвало правительственное заявление о полной справедливости требований СССР (к Румынии. - Авт.), т.к. в первую очередь факт возвращения нам Бессарабии разрушал тезис о целостности Румынии и открывал Венгрии возможность для предъявления своих требований. Известное недовольство мирным исходом конфликта имелось у военного руководства, составившего план войны против Румынии в расчете на советско-румынский конфликт". Здесь полпред явно ошибся. Дело не в пристрастиях генералов к военным играм и бряцанию оружием. Вся политическая верхушка хортистской Венгрии жаждала возвратить в лоно отечества "вторую родину", Трансильванию, именно с оружием в руках, а не каким-либо иным путем. И по двум причинам: во-первых, историческая традиция. Венгерское дворянство гордилось тем, что предки, свободные всадники, завоевали (а не "обрели"!) родину с мечом в руках. А право завоевания представлялось наиболее достойным и прочным. Во-вторых, военный конфликт позволял решить вопрос без вмешательства посредников, предъявить поверженному противнику полный счет, без каких-либо компромиссов и половинчатых решений, связанных с теми или иными уступками.

Капитуляция Бухареста перед Москвой 27-го июня практически сделала беспредметным военное решение венгеро-румынского конфликта, ибо самые горячие головы в Будапеште отдавали себе отчет, что одной Венгрии Румынию не одолеть. Тем не менее 1-го июля был отдан приказ о мобилизации, а через два дня 1-я венгерская армия вплотную придвинулась к границам соседней страны. Скорее это была военная демонстрация, а не серьезное намерение открыть военные действия. 2-го июля король Карол в личном послании Гитлеру попросил его о заступничестве и о германских гарантиях неприкосновенности территории Румынии. Румыны пытались задобрить Гитлера обещанием неограниченных поставок нефти, мадьяры - зерновых. Германии же нужно было иметь и то, и другое, и

нефть и хлеб, а не одно из двух. Поэтому германская дипломатия, не заинтересованная в возникновении очага войны на юго-востоке, пыталась склонить румын к уступчивости, мадьяр — к миролюбию. В эти дни для Будапешта возросло значение позиции Москвы. В ответ на прямое обращение венгерского правительства о возможном поведении Советского Союза в случае конфликта между Румынией и Венгрией Молотов 4 июля 1940 г. сделал два важных для мадьяр заявления: 1) СССР не ходит венгерские территориальные требования обоснованными; 2) В случае мадьяро-румынского конфликта Советский Союз не вмешается²⁹. Тогда инициативу по урегулированию венгеро-румынской ссоры взял на себя сам рейхсканцлер Адольф Гитлер, пригласив к себе в Мюнхен — опять Мюнхен! — в июле сначала венгерских (и болгарских), а затем и румынских руководителей. Не исключено, что среди мотивов, побудивших фюрера к вмешательству, было нежелание допустить слишком тесного сближения Венгрии (и Болгарии) с СССР. Как бы то ни было, под прямым нажимом Гитлера, поддержанного Муссолини, 16-24 августа состоялись прямые венгеро-румынские переговоры в г. Турну-Северин, расположенном на крайнем северо-западе Румынии (в Банате)³⁰. Двусторонние переговоры, как и следовало ожидать, окончились полным провалом: мадьяры хотели слишком многого. — в случае раздела Трансильвании по предложенному Будапештом варианту, в новых границах Венгрии оказалось бы около 2-х млн. румын; Бухарест же предлагал Венгрии незначительные исправления границ в пользу Венгрии, настаивая главным образом на обмене населения. На следующий день после того, как делегации разъехались, правительство Венгрии вновь обратилось за помощью к Москве, добиваясь продажи советских военных самолетов, а также обязательства советского правительства не выводить войск из приграничной с Румынией зоны с тем, чтобы Румыния не могла перебросить свои войска на северо-запад против Венгрии. Вразумительного и обнадеживающего ответа от Молотова посольству Венгрии добиться не удалось. Несмотря на разочаровывающий ответ из Москвы, приготовления к похо-

ду в Трансильванию не были прекращены: под ружье были поставлены еще три армейских корпуса, получивших боевой приказ о готовности выступить 29-го августа. Однако допустить войны между своими союзниками старшие партнеры, Германия и Италия, не могли ни при каких обстоятельствах. Фюрер очень торопился: на носу расправа с Югославией, а времени на уговаривание заупрямившихся вдруг румын и венгров не оставалось. Трансильванский узел надо было разрубить как можно скорее. Время дипломатии кончилось, наступило время диктата. Прикрытием ему должен был служить Третейский суд — арбитраж, форма удобная и однажды уже успешно испробованная. Местом его проведения была избрана все та же Вена. В роли арбитров выступали нацистский министр иностранных дел фон Риббентроп и его итальянский коллега граф Чиано. То, что происходило в Вене в те два дня (29-30 августа 1940 г.), мало чем напоминало арбитраж в обычном понимании, ибо не велось там никаких переговоров, а был откровенный ничем не прикрытый диктат. Самозванные "арбитры" Иоахим фон Риббентроп и граф Галиаццо Чиано вели себя нагло и бесцеремонно со своим румынским коллегой, который толком-то не представлял, зачем он собственно вызван. Известно было ему лишь то, что разговор пойдет о трансильванских делах. И больше ничего. Во дворце Бельведер Манолеску информировали, что ему предстоит подать ходатайство об арбитраже для решения спора вокруг Трансильвании. Едва он успел выполнить предписание хозяев, как на столе появилась карта, разделившая Трансильванию "на два равных куска линией, вонзившейся в самое сердце Карпат. Оба министра использовали свои наиболее убедительные аргументы: они сыграли на русской угрозе, на недовольстве Германии..."³¹.

Как бы то ни было, советский фактор был далеко не последним аргументом, склонившим Бухарест к уступчивости. В ночь с 29 на 30 августа, когда Коронный совет решал трансильванский вопрос, премьер Джигурту сообщил присутствующим со ссылкой на информацию из Берлина, что в случае отклонения арбитражного германо-итальянского ультиматума, Ру-

мения подвергнется нападению со стороны Венгрии и СССР³².

Однако роль самой Москвы в разыгранном в Вене германо-итальянским альянсом фарсе не до конца выяснена. Известные нам факты еще не дают однозначного ответа; действовала ли советская дипломатия в августовские дни 1940 г. по принуждению, по германскому сценарию или же вела свою собственную игру, преследуя сугубо советские интересы. Сильнейший нажим на Бухарест в те дни оказывали с целью заставить его уступить венгерским домогательствам не только Рим и Берлин, но и Москва. Хотя абсолютной уверенности в том, что речь шла о согласованной акции трех названных столиц, нет.

За неделю до того, как в Вену был вызван министр иностранных дел Румынии Манолеску, к заместителю наркома иностранных дел В. Деканозову явился румынский посол Гафенку, чтобы потребовать по поручению своего правительства объяснений по поводу концентрации советских войск на границах Румынии. Любопытно, что источником информации, столь серьезно взволновавшей официальный Бухарест, были не соответствующие национальные службы и ведомства, а, как ни странно, германский генштаб, который как будто не нес ответственность за обеспечение охраны румынских границ. Деканозов, разумеется, все отрицал, и с улыбкой на устах поинтересовался, откуда, мол, информация. Сбитый с толку румын поспешил к послу Германии графу Шуленбургу за разъяснениями. Тот в ответ, тоже улыбаясь, сказал: "Очевидно, это английская интрига..."³³. Дело, однако, не ограничилось шуточками да улыбочками. Немцы продолжали настойчиво шантажировать румын угрозой нового советского нападения. "Довод, будто бы русские готовы вступить в Молдавию, — пишет Гафенку, — сыграл через несколько дней в Вене важную роль..."³⁴.

29 августа, в день прибытия Манолеску в Вену, в Москве происходили хоть и не столь драматичные, но довольно странные вещи, имеющие, однако, непосредственное отношение к интересующему нас сюжету. Расскажем все по порядку. В

15.00 пополудни посол Гафенку просит аудиенции у Деканозова и получает категорический отказ. Вечером того же дня уже Деканозов приглашает посла в НКВД, но просит явиться почему-то в полночь, просит настойчиво, и в конце концов буквально заставляет дипломата отправиться на прием в столь неурочный час. Заметно нервничавший; как показалось послу, зам. наркома вручил ему вербальную ноту угрожающего содержания по поводу пограничных инцидентов, спровоцированных, по мнению НКВД, румынской стороной³⁵.

Уместно заметить, что несть числа инцидентам, случавшимся между двумя явно недружественными соседями в предшествовавшие недели и месяцы, но они не служили поводом столь энергичного демарша ни с одной стороны, как в тот достопамятный для румын день. Случайно ли это? Чтобы судить об этом, достаточно напомнить, что ночному визиту в наркоминделовский особняк на площади Воровского, предшествовала беседа В.М.Молотова с графом Шуленбургом. Связь между двумя встречами дипломатов в Москве самоочевидна, также как с тем, что произошло на другой день, 30 августа в Москве и Вене. В Москве ТАСС опубликовал "угрожающую ноту" с "серьезным предупреждением" в адрес Румынии, а в Вене ее представитель вынужден был склониться перед диктатом арбитров. В московских дипломатических кругах поговаривали, что "Советы, не колеблясь, согласились содействовать успеху арбитража, угрожая румынам опасностью русского вторжения, чтобы ослабить их сопротивление"³⁶. Впрочем была и иная версия, согласно которой Германия лишь в самый последний момент поставила в известность правительство СССР о своих намерениях в отношении Трансильвании. Важнейший аргумент в пользу этой последней версии - германские гарантии Румынии, которые практически перекрывали дорогу русскому продвижению на Балканы. Этим актом Москва была явно обойдена, обманута в своих ожиданиях и унижена. Она упорно не желала замечать, что трансильванская акция проводилась Гитлером в рамках подготовки нападения на СССР, последовавшего менее чем через год после 2-го Венского ар-

битража. Молотов рвал и метал. Но поезд уже ушел, германская дипломатия извлекла максимум пользы для себя из лояльности Сталина по отношению к германскому союзнику. "Опасность русского вторжения в Молдавию была решающим аргументом, на который ссылались арбитры в Вене, чтобы навязать свое решение", - пишет румынский дипломат³⁷. Торжественный акт подписания 2-го Венского арбитража состоялся во дворце Бельведер, возведенном в XVIII в. принцем Евгением Савойским.

Прежде чем перейти к анализу решения арбитража, вернемся ненадолго к поведению кремлевских вождей. Они были глубоко оскорблены, обижены, даже расстроены. Не тем, что терзали, кромсали, разрывали на куски соседнюю страну (ведь и Болгария получила "свою" Южную Добруджу), а тем, что Адольф Гитлер творил все это безобразие за спиной Иосифа Виссарионовича, вопреки существовавшей практике и соответствующим договорным обязательствам о предварительных взаимных консультациях, вопреки тому, что Восточная Европа была признана сферой преимущественных советских интересов. И о самом арбитраже Москва была извещена германской дипломатией практически постфактум - 29 августа. Несмотря на все почтение, которое вождь мирового пролетариата проявлял к основателю Третьего рейха, Наркоминдел решил даже изобразить нечто вроде протеста против нелояльного поступка Берлина. Задето было не только самолюбие великой державы, которое до сих пор другая великая держава старалась как-то щадить. Во-первых, все произошло без ведома советских руководителей, за спиной Советского Союза. Но это еще полбеды. Случилось нечто большее. Ущемленными оказались его "законные" геополитические интересы, ведь Балканы представляли собой традиционную зону российских интересов, можно сказать, испокон веков, начиная с первых в истории русско-турецких войн. Разумеется, не утрата Румынией ее северных территорий взволновала Москву, а открытое явное установление германского господства в соседней с СССР стране.

Дело в том, что, ампутировав Румынию, державы Оси тут же, немедленно предоставили ей гарантию территориальной целостности. Это означало, по словам румынского тогдашнего посла в Москве Гафенку, "что от линии Прута и Нижнего Дуная, где остановилась Россия, начиналась зона германского влияния, в которой никакое постороннее влияние не может быть терпимо. Именно таким образом гарантия была истолкована в Москве"³⁸. Опять-таки Молотов был встревожен не фактом грубого расчленения Румынии, а гарантиями ее территориальной целостности. К чему бы это, если Москва действительно удовлетворилась присоединением Бессарабии и Южной Буковины и никаких видов на другие земли румынских не имела?

"Зачем вы дали эту гарантию? - наивно вопрошал нарком иностранных дел, обращаясь к послу Германии, - Вы были, однако, предупреждены, что мы не собираемся напасть на Румынию". Граф превосходно парировал. Его ответ был на грани издевательства над старшим по чину собеседником: "Именно поэтому мы и дали эту гарантию! Вы нам много раз говорили, что у вас больше нет никаких претензий к этой стране, наша гарантия, следовательно, не могла вас ни в чем стеснять"³⁹. Так и не поняв, по-видимому, прозвучавшую в словах немца едва прикрытую иронию и не осознав двусмысленности своего положения, руководитель советской дипломатии вновь и вновь возвращался к своему вопросу. В ноябре 1940 г. в Берлине он задал его Гитлеру, в декабре того же года и итальянскому послу⁴⁰.

Бывший посол Румынии в своей книге "Предыстория войны на Востоке", опубликованной в 1944 г., в гл.У - "Визит Молотова в Берлин", пересказывает версию Адольфа Гитлера о его переговорах с Молотовым в Берлине в ноябре 1940 г., изложенную им в день начала войны с СССР 22-го июня 1941 г.:

"Первый вопрос Молотова: Направлены ли гарантии, данные Германией Румынии, против СССР в случае нападения СССР на Румынию?

Мой ответ: Гарантии, данные немцами, имеют общий харак-

тер и обязывают нас без каких-либо условий. Однако Россия никогда не заявляла нам о каких-либо претензиях к Румынии, помимо Бессарабии. Оккупация Северной Буковины уже явилась нарушением этих гарантий (!). Но я не думал, что Россия питает еще и другие намерения по отношению к Румынии".

Сам автор книги, носящей дневниково-мемуарный характер, неоднократно высказывает убеждение в том, что главной целью пресловутых гарантий была решимость Германии не пустить Россию за Дунай, закрыть ей дорогу на Балканы, к Проливам.

Проницательный Гафенку проявляет обоснованный скептицизм в отношении достоверности вышеизложенного, считая "маловероятным", чтобы Молотов, "человек осторожный и молчаливый, пошел на такую откровенность со столь опасным партнером", хотя и не сомневается в том, что вопрос был поставлен наркомом, но в менее резкой форме⁴¹. Но независимо от того, имел ли место сговор между Берлином и Москвой, советским руководством была совершена крупная политическая ошибка, в результате которой оба соседа СССР - Венгрия и Румыния - оказались прочно прикрепленными к колеснице военной машины Гитлера накануне его нападения на СССР.

Согласно арбитражному решению к Венгрии отошли северная и северо-восточная части Трансильвании общей площадью в 43 тыс. км² с населением 2 млн 577 тыс. человек, из которых более 1 млн были румыны⁴². Почти полмиллиона венгров остались в южной Трансильвании, т.е. в Румынии, что подчеркивало практическую невозможность совмещения этнических границ с политическими, государственными в условиях чрезмерно высокой чересполосицы расселения.

В справке, подготовленной экспертами советского НКВД в 1942 г. ("Румыно-венгерские противоречия"), справедливо подчеркнуто: "Достоверных данных о национальном составе этой части Трансильвании не имеется". Следуя их примеру, приведем данные двух переписей: румынской 1930 г. и венгерской 1910 г. На землях, отошедших к Венгрии, согласно румынской переписи, лишь 42% населения составляли мадьяры, по венгерской же - свыше 51%⁴³. Бессмысленно и бесполезно

пытаться установить в подобных спорах истину. Важно то, что под иноземным игом оказались сотни тысяч румын и мадьяр, а проводившаяся обоими государствами дискриминация по национальному признаку приняла ввиду ожесточения отношений чудовищный размах и безобразные формы. Настолько, что началось повальное бегство румын из Венгрии, мадьяр из Румынии. Не могло быть и речи в этих условиях о каком бы то ни было восстановлении попранных прав или исторической справедливости. По оценке экспертов НКВД СССР, новая граница с легкой руки арбитров "преднамеренно и с явным умыслом" была проведена таким образом, чтобы она заранее содержала в себе зародыш будущих трений и конфликтов: отделение городов от пригородов, разрыв железнодорожных линий и шоссе, раздел частных владений, очутившихся по обеим сторонам границы и невозможность их обработки в силу установленного жестокого пограничного режима и т.д."¹⁴ Поразительно, что ущемленной и обиженной считала себя не только Румыния, лишившаяся солидного куска территории с жизненно важными для ее народного хозяйства источниками минерального сырья, но и Венгрия, получившая эти территории. К ней отошли главным образом аграрные районы, а высоко развитые индустриальные зоны южной Трансильвании и Банаата Гитлер оставил в Румынии, дабы сохранить венгерскую зависимость от германской промышленности.

В чистом выигрыше от всего этого оказалась одна нацистская Германия, сумевшая довольно ловко и прочно привязать к себе обе страны. Непосредственным следствием явилось поправление румынской политики, смена режима, приход к власти прогерманского правительства генерала И.Антонеску, вскоре ставшего маршалом, отречение короля Кароля и возведение на престол юного его сына Михая, впоследствии награжденного И.Сталиным Орденом Победы.

После арбитража венгерская дипломатия удвоила свои усилия по вовлечению Советского Союза в конфликт с Румынией, чтобы с его помощью заполучить остальную часть Трансильвании. В печати и среди иностранных дипломатов, аккредитован-

ных в Будапеште, систематически и целенаправленно распространялись слухи о готовящемся якобы захвате румынской Молдовы Советским Союзом⁴⁵.

Справедливости ради отметим, что не советские интриги были тому причиной, а неудовлетворенность Венгрии достигнутыми результатами. 28 апреля 1941 г. руководитель Советской миссии в Будапеште со слов посланника Турции Юнайдына, информировавшего Шаронова о встрече Риббентроп-Чиано, сообщил буквально следующее: "...Предполагается полный раздел Румынии с тем, что (в телеграмме: чтобы. - Авт.) нам (т.е. СССР - Авт.) будет предложена половина Молдавии, вторая половина которой будет передана Венгрии"⁴⁶. Ясно, что в данном конкретном случае речь шла о замыслах немцев, а не СССР, ибо в Берлине и Риме как раз в эти дни в апреле-мае рассматривался вопрос о созыве новой конференции в Вене. Этот "третий Венский арбитраж" должен был удовлетворить в первую очередь венгерские притязания на части территорий Югославии и Румынии - Бачку и Банат, а также Южной Трансильвании. Возможно, что при таком варианте Берлин должен был чем-то компенсировать и Москву. Отсюда - один из возможных источников слухов о разделе Румынии, которые усиленно муссировались германской дипломатией. Так, согласно информации, поступившей из берлинского МИДа в начале мая, шла речь о "разделении Румынии и прекращении существования ее как государства", с передачей "половины Молдавии и части Румынии Советскому Союзу, второй половины Молдавии венграм..."⁴⁷.

Сегодня пока еще из-за недоступности решающей важности материалов для исследователей мы не имеем, к сожалению, возможности высказать определенное суждение о планах и намерениях высшего советского руководства в отношении Румынии весной и в начале лета 1941 г. Однако известно, что посланник СССР в Венгрии не пресекал этих разговоров, более того, создается впечатление, что он весьма внимательно и охотно их слушал, проявлял явную заинтересованность и тотчас же, конечно, переправлял полученную информацию в

Москву: в противном случае он немедленно был бы отозван, если не репрессирован. Система не допускала импровизации. И так, Шаронов задавал своим собеседникам, политическим деятелям Венгрии, разные "наводящие" и уточняющие вопросы. Среди этих собеседников был и эрцгерцог Альбрехт (Габсбург) в 20-х годах претендент на Святую венгерскую корону, в 40-х - член Верхней палаты парламента, вхожий к регенту адмиралу Хорти. Об уровне интимности установившихся отношений говорит и такая "мелочь": в мае из Москвы ему была доставлена палехская шкатулка и ... семена хлопка. Ничего не попишешь - семейная традиция - разведением хлопчатника в Венгрии (в Банате, где Альбрехт владел поместьями) занималась еще Мария Терезия в далеком XVIII в. Нас, говорил посланнику благодарный за истинно царские подарки Габсбург, "очень интересует достижение соглашения между Советским Союзом и Венгрией относительно Румынии"⁴⁸. Магьярам хотелось повторения весной 1941 г. того, что произошло летом 1940 г. после советского ультиматума Бухаресту⁴⁹. В беседе с двумя влиятельными политиками на "уточняющий" вопрос советского дипломата, "действительно ли они думают о повторении того положения, когда Венгрия смогла поставить вопрос о Трансильвании только после возвращения Бессарабии Советскому Союзу, оба они заявили, что это как раз то, что они ожидают от нас". Один из них пошел еще дальше. Венгры ожидают, добавил он, "в самом ближайшем будущем продвижения Советского Союза в Румынию и Иран"⁵⁰.

Весь трагизм ситуации заключался в данном случае в том, что в действительности СССР продолжал блефовать, не собиравшись реализовать угрозу, блефовал, как вскоре выяснилось, против своих интересов, в пользу соперника.

Только приблизительно за три недели до начала Великой Отечественной войны в Москве, спохватившись, решили положить конец рискованным "беседам" своего представителя в Венгрии. Как, каким образом, по чьей инициативе и, главное, по какой причине это произошло, мы пока не беремся судить, не имея на руках необходимых документов. Знаем мы только,

что Шаронову было "указано" - мягкий вид выговора! - на "его грубую ошибку" за то, что "вместо самого энергичного опровержения подобных измышлений, (он. - Авт.) ограничивается в таких случаях молчанием или такими заявлениями, которые могут быть расценены как одобрение планов раздела Румынии"⁵¹. Формальное предложение Отдела Балканских стран МИДа "указать тов. Шаронову" было сделано в 10-х числах июня. Но в документах, открытых ныне для исследователей, есть донесение посланника, непосредственно адресованное Молотову. Датировано оно 28 мая 1941 г. и касается "слухов о переговорах Венгрии с СССР" о разделе Румынии. Излагается два варианта: "По первому мы должны были бы получить Молдавию и часть Румынии к югу от острия венгерского клина, т.е. включая Бухарест. По второму, более позднему варианту, мы должны получить Молдавию, а Венгрия в этом случае получит югославский Банат"⁵². Отпадает тем самым наивное предположение, что исполнительный и законопослушный чиновник внешнеполитического ведомства действовал на свой собственный страх и риск. Объяснение надо, видимо, искать, выходя за рамки двусторонних отношений СССР с Венгрией или Румынией. Все, что происходило в 40-х годах XX в. в этой восточной части Европы, было производным от взаимоотношений двух великих держав - Германии и Советского Союза. Последний, во всяком случае, ничего не мог предпринимать в отношении своих соседей без санкции Берлина, уже успевшего полностью включить Румынию в свою орбиту и даже разместить там свои вооруженные силы. За менее, чем две недели до начала советско-германской войны руководство СССР вполне отчетливо сознавало, что время взаимодействия и сотрудничества по разделу третьих стран прошло безвозвратно.

Магьяры, также наслышанные о подготовке гитлеровского нападения на СССР, с поразительной наивностью продолжали лелеять голубые мечты о возвращении всей Трансильвании с помощью Советского Союза. 22-е июня 1941 года разбило их надежды вдребезги. Оставалось надеяться только на помощь

Германии. Используя румыно-венгерские противоречия для укрепления своего господства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, Гитлер, в свою очередь, делал многообещающие намеки правительствам и Румынии, и Венгрии на возможность приращивания территории каждой из стран, в том числе за счет дальнейшей перекройки Трансильвании, взамен, однако, он требовал верности Третьему рейху и все более прочно пристегивал эти страны к фашистскому блоку, превратив их в союзников по антисоветской войне.

Война. Перемирие. Мир.

Торг вокруг Трансильвании

Война, начатая Гитлером против СССР, в которую втянулись оба сателлита Германии — Венгрия и Румыния, снова поставила под вопрос судьбу Трансильвании, точнее, обеих ее частей: как оставшейся в Румынии южной, так и отошедшей к Венгрии северной в равной мере. Отныне все зависело от исхода великой, охватившей весь Земной шар, схватки двух коалиций. В случае победы антифашистской коалиции решающее значение для всех стран, расположенных в Средней Европе и на Балканах приобретало отношение к ним СССР, а также и то, как далеко распространится его влияние. Уже в декабре 1941 г. в ходе переговоров британского министра иностранных дел Антони Идена со Сталиным последний дал понять, судя по документам Национального архива США, что считает своей сферой влияния весь регион Центральной и Восточной Европы, подчеркнув одновременно решимость Советского Союза восстановить свои границы, сложившиеся после пакта о ненападении с Германией, которые включали также Бессарабию и Северную Буковину⁵³. Однако враг стоял под Москвой и военно-стратегическая обстановка мало располагала союзников к подписанию соглашения о разделе советской и британской сфер влияния в Европе. Но и в этом вопросе очень скоро выявилось различие. В противоположность англичанам американцы готовы были идти на далеко идущие уступки восточному союзнику. Президент Рузвельт в беседе со

своими ближайшими сотрудниками 2-го мая 1942 г. заявил, что он "не особенно горевал бы, если русские возьмут достаточно большую территорию; им могут принадлежать Восточная Польша и балтийские республики, а возможно еще Буковина и Бессарабия"⁵⁴. Отсюда следует, что Румыния и после победы антигитлеровской коалиции не могла питать надежд на оставление за собой захваченных в ходе антисоветского похода земель, отошедших к СССР. Все же главной заботой вашингтонских политиков являлась послевоенная организация всего геополитического пространства, лежащего между Россией и Германией, а не те незначительные с их точки зрения изменения границ, о которых говорилось выше.

Планированием послевоенного устройства Европы в американской столице занимались Политическая и Территориальная подкомиссии созданного в феврале 1942 г. Консультативного комитета. Работой подкомиссий руководили госсекретарь К.Хэлл и его заместитель Самнер Уэллес. Его-то и осенила счастливая мысль решить все запутанные проблемы региона с его головоломными межнациональными противоречиями восстановлением Австро-Венгрии либо Дунайской конфедерации во главе с Отто Габсбургом. Однако идея габсбургской реставрации не нашла поддержки большинства консультантов, отдавших предпочтение федеративной организации региона, но без всяких Габсбургов. В конце концов сошлись на Дунайской конфедерации суверенных государств от Эстонии до Австрии на западе и Греции на юге. Такая перспектива совсем не устраивала Советское руководство, сознававшее, что смысл проекта сводится к защите малых народов региона от экспансии с обеих сторон, не только с Запада, но и с Востока. О несогласии с проектом создания федерации Молотов заявил в письме, направленном в Лондон 7-го июня 1943 г., особенно подчеркнув недопустимость участия в такой федерации Австрии и Венгрии. В октябре того же года в Москве он решительно отклонил попытку Идена вновь поставить в повестку дня вопрос о федерации, заявив, что это напоминает советским людям "санитарный кордон" 20-х годов. То же повторилось в

декабре, во время встречи "большой тройки" в Тегеране, когда Сталин недвусмысленно сказал Черчиллю, что "не желает видеть объединенными Австрию и Венгрию"⁵⁵. Федерация или конфедерация, полагали в Лондоне и Вашингтоне, могла бы не только воздвигнуть барьер против экспансии обеих великих континентальных держав против малых стран региона, но и ослабить остроту погранично-территориальных споров между восточноевропейскими странами. Поэтому советский фронт побудил мозговые центры Вашингтона и Лондона, занимающиеся планированием послевоенного устройства Европы, сосредоточить свои усилия главным образом на территориальных вопросах.

По логике вещей, с разгромом Германии и Италии все изменения на карте Европы, произведенные ими или под их диктовку, должны были быть отменены победителями. Уже с конца 1941 г. между союзниками по антигитлеровской коалиции установилось принципиальное согласие на этот счет: Югославии и Чехословакии — жертвам агрессии должны быть возвращены все их земли, присоединенные к Венгрии, т.е. восстановлены трианонские границы. Иначе обстояло дело с Румынией. Она тоже представляла отчасти вроде бы жертву, пострадавшую от нацистского произвола. Но Румыния была союзницей Германии, десятки ее дивизий воевали на Восточном фронте. И Советское руководство совершенно справедливо рассматривало Румынию, а также и Венгрию, как враждебную страну, заслуживающую не поощрения, а осуждения и наказания. Поэтому вопрос о полном восстановлении Трианона, т.е. включая трианонские границы с Румынией, не стоял в повестке дня. В 1941 г. Сталин допускал возможность лишь исправления в пользу Румынии границ, установленных 2-м Венским арбитражем, а не полного упразднения его решений и возвращения ей всей Трансильвании; это следует из содержания его беседы с Иденом. СССР придерживался точки зрения, что за неспровоцированную агрессию и за участие в войне на стороне Гитлера, за те преступления, которые оккупационная венгерская армия творила на советской территории, ответствен-

ность должно нести не только венгерское правительство, "но также и венгерский народ в той или иной степени". Однако по тактическим соображениям, исходя из интересов войны и необходимости поощрения оппозиции и движения Сопротивления в Венгрии, Москва готова была несколько смягчить свою позицию в трансильванском вопросе.

Нота СССР союзникам от 7-го июня 1943 г. содержала следующую весьма осторожную, неакцентированную и не связывающую руки союзникам на будущее формулу: советское правительство, говорилось в ней, "не считает в полной мере обоснованным так называемое арбитражное решение, вынесенное 30 августа 1940 г. под диктовку Германии, отдавшее Венгрии Северную Трансильванию"⁵⁶. Советское правительство не согласилось с английским предложением, исходящим из необходимости рассеять страх мадьяр перед новым Трианоном: им следовало разъяснить, — рассуждали чиновники Форин Оффис, что союзники не собираются раздробить Венгрию и не хотят наказывать венгерский народ за глупости его правителей. Однако западные державы не стали настаивать на принятии плана, и, в конечном счете, верх одержала советская точка зрения. Ибо своей позиции, продуманной и обоснованной, ни у одной из них не было. Не сумел найти удовлетворительного и справедливого решения румыно-венгерского спора и вашингтонский мозговой центр С.Уэллеса. После тщательного изучения и неоднократного обсуждения трансильванского вопроса, не придя к общему мнению, члены подкомиссии отказались от мысли представить свои рекомендации, предложив несколько возможных вариантов, два из которых привлекли наибольшее внимание: 1) К Румынии переходит вся Трансильвания с предоставлением широкой автономии Сикайфёльту (Земля сикеев) и изменением границы между обеими странами в соответствии с языковыми границами. 2) Образование самостоятельного государства Трансильвания, которое может стать членом восточно-европейской конфедерации, или же как румыно-венгерский кондоминиум находится под протекторатом двух соседних стран⁵⁷. После Сталинграда и Эль-Аламейна, поколебавших надежды

сателлитов на победу в войне держав Оси, правители Венгрии стали все чаще задумываться о будущем страны и судьбе завоеванных территорий. Все меньше оставалось надежд на их сохранение в полном объеме. 1943 год отмечен поисками со стороны Венгрии компромиссных решений, отчасти совпадавших по своему основному содержанию с американскими проектами. Идеи создания федерации (или конфедерации) выдвигались эмиссарами Будапешта, которые все чаще стали наведываться в Анкару, столицу нейтральной Турции. Один из выдвинутых ими вариантов предусматривал конфедерацию в составе Венгрии, Хорватии, Словакии и Трансильвании. Любопытна аргументация: потому что "хорваты не хотят и слышать о сотрудничестве с сербами", а "словаки не могут жить вместе с чехами". Вся Трансильвания должна была стать независимым государством⁵⁸. Прощупывалась также возможность непосредственного соглашения с Румынией. В таком случае оптимальным, как считали тайные агенты Хорти, будет предоставление Трансильвании автономии и выражали готовность освободить "часть югославской территории", занятую Венгрией⁵⁹. Впрочем реального значения венгерский зондаж не мог обрести из-за нерешительности хортистских лидеров в попытках вывести страну из губительной для нее войны и союза с Германией.

Интересные варианты решения межгосударственных и международных проблем в Восточной и Центральной Европе в послевоенный период зарождались в Москве. Планированием политики СССР в послевоенном мире занималась специальная "Комиссия по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства", созданная в 1942 г. под руководством бывшего народного комиссара по иностранным делам М.М. Литвинова⁶⁰. В материалах Комиссии нами обнаружен, в частности, интереснейший документ под названием "К вопросу о Трансильвании. Записка Вальтера Романа"⁶¹.

Автор этой примечательной записки — фигура не рядовая. Он видный деятель Румынской коммунистической партии в период между двумя мировыми войнами, штатный работник Испол-

кома Коминтерна до роспуска последнего Сталиным в 1943 г. Ко времени составления записки ее автор, согласно официальной справе МИДа, числился "ответ. редактором рум. редакции в Институте № 205 при ЦК ВКП(б)", т.е. по существу того же ИККИ, но под другим названием. Жил Вальтер Роман в знаменитой в истории мирового комдвижения гостинице "Люкс". Будучи выходцем из Трансильвании, он, по его словам, хорошо понимал "всю сложность, разнообразность и особенность трансильванского вопроса", отчетливо сознавал, что в этом крае, между Тисой и Карпатами "живут в одном - нераздельном конгломерате румыны и венгры". Основная идея записки, главное ее исходное положение - неделимость и единство Трансильвании, разделенной на две части по воле Гитлера. Этот произвольный акт, подчеркивал В.Роман, "противоречит всем экономическим, историческим, национальным и этнографическим соображениям: как если бы отрезать одного из сиамских близнецов, не могущих жить один без другого". Отсюда и первое предложение - восстановить единство края; второе - сделать его самостоятельным, независимым государством. "Идея самостоятельности Трансильвании, - писал автор, - имеет свои традиции и корни как среди трансильванских румын, так и среди венгров. Исторические факты свидетельствуют о совместной мирной жизни венгров и румын в Трансильвании в течение столетий..." Будучи убежденным коммунистом В.Роман рассматривал самостоятельность Трансильвании как "временное и переходное решение", ибо верил в светлое будущее народов региона "при советском строе в Дунайском бассейне". Румынский коммунистический лидер категорически возражал против передачи Трансильвании кому бы то ни было, ни Румынии, ни Венгрии, полагая, что присоединение края к одной из этих стран означало бы "наградить" их за участие "в грабительской войне" Гитлера⁶².

Свое мнение по этому поводу высказал достаточно решительно и выдающийся советский ученый-историк академик Е.В.Тарле. Его позиция в противоположность концепции трансильванского коммунистического деятеля отражала исключи-

тельно как текущие, сиюминутные интересы России, так и будущие, рассчитанные на перспективу. Он был убежден, что Трансильвания "в руках Венгрии или Румынии не может быть ничем иным, как 1) очень большим ростом могущества одной из этих одинаково злобно-фашистских держав; 2) вечным яблоком раздора на очень опасном европейском перекрестке и вечным поводом к разжиганию новых войн"⁶³ (подчеркнуто нами. - Авт.). Если первый вывод явно подчинен влиянию текущего момента, конкретной ситуации, то второй озарен светом исторического опыта, знанием прошлого и таким его осмыслением, которое одно и способно дать шанс на предвидение будущего. "Вечным яблоком раздора" назвал Трансильванию маститый ученый полвека назад и был прав тогда и оказался прав, как мы видим, сегодня.

Итак, мнения двух весьма разных по мировоззрению и жизненному опыту людей совпали поразительным образом - Трансильванию нельзя отдавать ни Венгрии, ни Румынии. Наиболее желательным выходом из положения, и по мнению Е.В.Тарле, являлось создание "самостоятельного государства под формальной гарантией" (подчеркнуто в оригинале! - Авт.) будущей (проектируемой) организации держав с целью охраны от агрессий". После этой фразы академик совершает краткий и весьма своеобразный экскурс в румынскую историю. "Ведь существовали же Придунайские княжества (Молдавия и Валахия) под гарантией великих держав после Парижского мира, - и это было самое благоприятное время их истории (пока к несчастью для себя и для Европы, они не стали гогенцоллерновской Румынией)"*.

В заключение Записки автор констатирует и рекомендует: "Всякое другое решение вопроса для нас невыгодно. Но е с л и з (выделено в оригинале. - Авт.) уж выбирать из двух зол, то меньшее зло - отдать Трансильванию Румынии, потребовав за это те или иные компенсации". Из всего тек-

* Последняя фраза, заключенная в скобках, дописана автором от руки чернилами.

ста Тарле, из сути его подхода к запутаннейшей трансильванской проблеме явствует, что последнее предложение — о присоединении области к Румынии — нежелательное само по себе могло быть осуществлено лишь в самом крайнем случае, если не будет найден иной, более справедливый выход из положения.

В золотом фонде открывающихся ныне сокровищниц российских архивов нами обнаружен бесценный документ, имеющий исключительное значение для всей последующей политики СССР в регионе, во многом раскрывающий также скрытые от глаз, тайные пружины воследовавших реальных событий. Этот документ, лаконично озаглавленный двумя словами "О Трансильвании" (Справка), был изготовлен в 10 экз. и разослан высшим руководителям партии и государства, а именно: Сталину, Молотову, Ворошилову, Мануильскому, Лозовскому, Литвинову, Майскому. Если учесть, что 2-4-й экз. справки получил Молотов, 8-й — М.М.Литвинов, подписавший ее в качестве председателя Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, а 10-й — подшит к делам этой комиссии, то обнаружится, что с нею ознакомился чрезвычайно узкий круг лиц — всего шесть персон⁶⁴. Ограничимся изложением основных выводов и суждений заключительной части этого документа.

Исходная концепция авторов документа такова: 1. "Свои притязания на Трансильванию убедительно обосновывают как Венгрия, так и Румыния". 2. Практически исключено решение, удовлетворительное для обеих сторон. "Любое решение будет вызывать недовольство одного или другого из этих государств, а то и обоих государств". 3. Совершенно исключается раздел по этническому признаку из-за смешанности расселения, "причем везде мадьярское население по численности значительно уступает румынскому". "Мадьярские секлеры (т.е. секеи. — Авт.), численность около полумиллиона, занимают компактную территорию, но она расположена на востоке, вдали от венгерских границ. Ввиду этого "нельзя признать удовлетворительным нынешнее положение", созданное Венским арбитражем.

Из сказанного следует первый важный вывод: а) "Политически представляется невозможным оставить в силе решение", во-первых, потому, что оно было принято германо-итальянским блоком, а во-вторых, потому, что в таком случае "в выигрыше осталась бы одна Венгрия"; б) решительно невозможно отдать всю Трансильванию, т.е. и южную, восстановив статус-кво кануна первой мировой войны, Венгрии, поскольку она "никогда не проявляла ни малейшей склонности к какому бы то ни было сближению с Советским Союзом, а, наоборот, участвовала во всех антисоветских интригах Польши" (?).

Этот несколько спорный вывод уравнивается стопроцентно справедливым замечанием, что Венгрия выступила против СССР "без малейшего повода. Она не имела даже таких претензий к СССР, каким пытаются оправдать свое участие в войне Финляндия и Румыния". Оставим на совести авторов справки параллель между притязаниями Румынии и позицией Финляндии, подвергшейся зимой 1940 г. абсолютно неспровоцированной, ничем не оправданной советской агрессии. отождествление бесспорно справедливых финских притязаний на насильственно отторгнутые у них земли, с более чем сомнительными румынскими, конечно же, не выдерживает критики, но что касается Венгрии, то тут авторская констатация совершенно бесспорная. "Вознаградить ее за все это удовлетворением основных территориальных вожделений было бы ни с чем не сообразно", - утверждали авторы. Но, будучи политиками, составители справок не собирались предаваться эмоциям, сколь бы ни справедливыми, законными они ни казались, а руководствовались исключительно политической сообразностью и интересами государства, как они их представляли. Поэтому ими рассматривались самые различные варианты, казалось бы самые немислимые. Один из них предусматривал, к примеру, даже "воссоединение" Трансильвании с Венгрией, но лишь в том случае, если при этом будет обеспечено "тесное и длительное сотрудничество последней с СССР". Но шансы на осуществление этого варианта в Москве

оценивались как минимальные, ибо подобное сотрудничество считалось возможным "лишь при основательном перевороте" и при "полном устранении внешних правящих классов". Однако политических сил, способных осуществить сей радикальный поворот венгерской политики московские специалисты не видели. Они были хорошо осведомлены о расстановке сил на будапештской политической сцене, знали тех, кто представлял оппозицию режиму, но не доверяли им. Все легальные партии включая названных, по мнению авторов, "на всем протяжении последних 25 лет соперничали друг с другом в своей враждебности к СССР". Недоверие было полным, абсолютным, являлось как бы априори неизменной константой. "Если бы даже какая-либо из этих партий взъемен получения Трансильвании и изъявила желание сотрудничать с СССР, то ее обещаниям и обязательствам нельзя было бы поверить"⁶⁵, — гласил московский приговор.

На чем такое отношение основывалось, объяснить исчерпывающе трудно. Можно предположить, что оно питалось целенаправленной информацией, прежде всего венгерских коммунистов, ненавидевших социал-демократов, особенно левых, лотой ненавистью не меньше, чем откровенных венгерских фашистов. Нет сомнения, что постерались здесь и информанты из третьих стран. Из литературы известно, сколь большим в Москве было влияние Бенеша, к которому лично благоволил Сталин, и каким кредитом пользовалось эмигрантское лондонское правительство Бенеша-Масарика, в противоположность всем прочим эмигрантским правительствам, к которым советские руководители испытывали глубокую неприязнь как к классово чуждому элементу. Более того, и отношение к будущей возрожденной Чехословакии представлялось по всем признакам самым беспроблемным, не в пример Польше. Кроме того, по всем законам логики чехословацкие интересы для Кремля были явно предпочтительнее венгерских так же, как и югославские. "К тому же Венгрия не перестанет враждовать с дружественной нам Чехословакией, — с уверенностью предсказывали московские аналитики с Кузнецкого моста, —

третьими странами: "без каких-либо союзов и федераций", - гласил оригинальный текст. Авторы и в связи с этим вариантом говорили об осуществлении права наций на самоопределение, утверждая, что он "еще больше отвечал бы этому принципу". Но истинный, сокровенный смысл идеи трансильванской самостоятельности состоял в ином - она должна была служить инструментом обеспечения советской гегемонии в регионе: "контроль над новым государством позволил бы нам усилить свое давление как на Венгрию, так и на Румынию и препятствовать одной и другой входить в какие-либо враждебные нам комбинации. Такой контроль усилил бы также наше влияние на балканские государства и, в частности, на граничащую с Банатом Югославию"⁶⁸. Вот вам и типичнейший образец многократно осужденного официальной идеологией и официальной отечественной историографией классического империалистического принципа "разделай и властвуй!"

Уже 12 апреля 1944 г. в Заявлении советского правительства об условиях перемирия, переданных румынскому правительству в Анкаре, говорилось об аннулировании решений Венского арбитража о Трансильвании и оказании помощи в ее освобождении. Достойный всяческого осуждения древний, как мир, способ великодержавного поведения, однако, не предопределял заранее, во что для той или иной заинтересованной стороны выльется на деле этот самый принцип "разделяй!"

Так было и в рассматриваемом нами случае. Ошибочно предоставлено, пустившее глубокие корни в современном историческом сознании, что судьба Трансильвании была предопределена заранее, прежде всего в связи с предвзятым подходом к Венгрии правительства Советского Союза, его враждебностью к этой нации. Анализ первоисточников, даже при далеко не полном их охвате, позволяет высказать мнение, что до середины 1944 г. в руководящих кругах СССР сложилось твердое убеждение о том, что "Объединенные нации свободны от каких бы то ни было обязательств в отношении Трансильвании, поскольку Трианонский #

сотрудничество с СССР в случае присоединения Северной Трансильвании. "Наконец, воссоединение Трансильвании с Румынией соответствовало бы принципу самоопределения народов и полностью одобрилось бы значительной частью Объединенных наций"⁶⁶. То есть налицо был именно тот случай принципа национального самоопределения, когда право на это самоопределение признается только за этническим большинством данной территории и при полном игнорировании интересов меньшинства, каким бы значительным оно ни было. Комиссия Литвинова обуславливала передачу края Румынии не только признанием последней законности прав СССР на Бессарабию и Буковину, но непременно прочными гарантиями сотрудничества этой страны с Советским Союзом, ни в коем случае не полагаясь при этом на "благодарность" румын, которая, в политике "быстро испаряется. С другой стороны горечь от утери территории сохраняется долго". Поэтому авторы документа предлагали вариант "создания самостоятельного Трансильванского государства", считая его "даже более удачным". Аргументы "за": это государство с населением в 5 млн. и площадью св. 100 тыс. км² превосходило бы по этим параметрам многие европейские страны, обладая к тому же значительным экономическим потенциалом. Но все это было не столь существенно. Главное же "за" состояло в том, что тогда Трансильвания оставалась "я б л о к о м р а з д о р а (выделено нами. - Авт.) между двумя соседями, Венгрией и Румынией"⁶⁷. Самим того не подозревая при выборе заголовка нашего раздела, мы, как видно, попали в самое "яблочко": вечным яблоком раздора между Румынией и Венгрией хотели бы видеть Трансильванию в Москве. Почему? Потому, что будучи яблоком раздора, она не может сохраниться "без покровительства какого-либо близкого к ней соседнего государства, каковым в данном случае являлся бы СССР, имеющий с ней общую границу". Исходя из этой основополагающей идеи, решительно и категорически исключалось вхождение Трансильванского государства в союзные или федеративные отношения с

третьими странами: "без каких-либо союзов и федераций", - гласил оригинальный текст. Авторы и в связи с этим вариантом говорили об осуществлении права наций на самоопределение, утверждая, что он "еще больше отвечал бы этому принципу". Но истинный, сокровенный смысл идеи трансильванской самостоятельности состоял в ином - она должна была служить инструментом обеспечения советской гегемонии в регионе: "контроль над новым государством позволил бы нам усилить свое давление как на Венгрию, так и на Румынию и препятствовать одной и другой входить в какие-либо враждебные нам комбинации. Такой контроль усилил бы также наше влияние на балканские государства и, в частности, на граничащую с Банатом Югославию"⁶⁸. Вот вам и типичнейший образец многократно осужденного официальной идеологией и официальной отечественной историографией классического империалистического принципа "разделяй и властвуй!"

Уже 12 апреля 1944 г. в Заявлении советского правительства об условиях перемирия, переданных румынскому правительству в Анкаре, говорилось об аннулировании решений Венского арбитража о Трансильвании и оказании помощи в ее освобождении. Достойный всяческого осуждения древний, как мир, способ великодержавного поведения, однако, не предопределял заранее, во что для той или иной заинтересованной стороны выльется на деле этот самый принцип "разделяй!"

Так было и в рассматриваемом нами случае. Ошибочно предоставлено, пустившее глубокие корни в современном историческом сознании, что судьба Трансильвании была предопределена заранее, прежде всего в связи с предвзятым подходом к Венгрии правительства Советского Союза, его враждебностью к этой нации. Анализ первоисточников, даже при далеко не полном их охвате, позволяет высказать мнение, что до середины 1944 г. в руководящих кругах СССР сложилось твердое убеждение о том, что "Объединенные нации свободны от каких бы то ни было обязательств в отношении Трансильвании, поскольку Трианонский

договор и всякие другие формальные обязательства утратили свою силу (выделено нами. - Авт.), так как и Венгрия, и Румыния являются вражескими государствами⁶⁹.

Вопрос оставался открытым и ввиду почти полного отсутствия в Москве информации относительно проектов, которые к этому времени были разработаны в США и Великобритании. В Москве лишь знали о Записке (от 27 декабря), подготовленной в Оксфорде (Бэллийе колледж), которая к тому же лишь суммировала все "мыслимые способы разрешения трансильванской проблемы". Настороженность в кругах Наркоминдела вызвало "явное предпочтение", отдававшееся британскими экспертами созданию из Трансильвании самостоятельного государства "в качестве члена Дунайского Союза" в составе Венгрии, Румынии и Трансильвании. Источники, которыми мы в настоящее время располагаем, не подтверждают однозначно часто цитируемое заявление Бенеша "со ссылкой на якобы данное тов. Сталиным согласие, как говорится в служебной записке НКВД, на передачу Трансильвании Румынии"⁷⁰. Для нашего сюжета важно то, что к лету 1944 г. в противоположность кембриджскому и واشنطنскому центрам планирования политики на послевоенный период, в Москве была, во-первых, разработана более разносторонняя и продуманная, учитывающая все нюансы советских геополитических интересов в регионе Средней и Юго-Восточной Европы концепция. Во-вторых, уже к этому времени практически был исключен вариант с передачей Венгрии а) южной Трансильвании, б) оставление за nią Северной Трансильвании. В-третьих, предпочтение перед всеми тремя возможными способами решения трансильванского вопроса Москва скорее всего была склонна отдавать концепции создания самостоятельного Трансильванского государства. Вероятно, так бы и произошло, если бы не непредсказуемые повороты истории: стратегическая ситуация летом 1944 г. сложилась таким образом, что первый мощный удар Красной Армии пришелся по тому участку Восточного фронта, который прикрывала Румыния. Именно она и сумела выйти первой из войны на стороне держав Оси.

Молниеносный Яско-Кишиневский прорыв советских войск вывел из войны румынского сателлита. Более того, проявив дальновидность, она сразу же примкнула к Объединенным нациям, и смогла внести свой военный вклад в победу антифашистских сил в Европе. 12 сентября 1944 г. в Москве было подписано перемирие, ст. 19-я которого гласила: Северная Трансильвания (и л и з н а ч и т е л ь н а я е е ч а с т ь) (выделено нами. — Авт.) возвращаются Румынии. В последующий отрезок времени вплоть до мирной конференции в Париже подчеркнутая нами оговорка оказалась в центре внимания дипломатической борьбы, связанной с подготовкой мирных договоров с побежденными бывшими гитлеровскими сателлитами — Румынией и Венгрией, в которую постепенно включились и великие державы-победительницы. Ухватившись за эту фразу, заключенную в скобки, венгерская дипломатия повела отчаянную борьбу за улучшение территориальных статей условий мира. С самого начала стало очевидно, что битва за Трансильванию проиграна Венгрией, ибо среди великих держав в общем и целом было полное согласие в том, что решение 2-го Венского арбитража о присоединении к Венгрии Северной Трансильвании подлежало отмене. Речь могла идти лишь о несущественных исправлениях довоенной границы в пользу Венгрии согласно этническому принципу. Особенно на этом настаивали представители США и Англии. Их настойчивость в попытках облегчить плачевную участь Венгрии, однако, обесценивалась молчаливым признанием ими кардинальной важности принципа приоритета Советского Союза в решении вопросов, касавшихся примыкавших к его границам стран Восточной Европы, короче говоря закреплением региона за СССР как сферы его влияния. Все это было predetermined и формально зафиксировано в текстах соглашений о перемирии как с Румынией, так и с Венгрией.

Новую жизнь в угасавшую с каждым днем надежду справедливого решения пограничных споров с Румынией вдохнула случившаяся в ноябре 1944 г. неожиданная трансильванская интермедия. Хлынувшие вслед за советскими войсками в Северную

Трансильванию гвардейцы Маниу устроили в освобожденных районах настоящую экзекуцию над мирным мадьярским населением, что вынудило вмешаться советское правительство. В результате этого гуманного шага Советского Союза была упразднена румынская администрация, румынские чиновники вместе с полувоенными формированиями, разбойничавшими в крае, убрались восвояси в Румынию. Управление Трансильванией перешло к советской военной администрации, а судьба ее неожиданно, в международном плане, правда, еще не решившаяся, но все же практически определявшаяся, снова повисла в воздухе. Мадьяры в Венгрии и Трансильвании воспрянули духом, вновь затеплилась надежда на лучшую участь и более мягкие условия мира. Смятенные румыны спешно стали спасать ускользавшую, казалось бы, добычу. Восстановление румынской власти в Трансильвании стало центральной проблемой всей внутривнутриполитической жизни страны и ее внешнеполитической деятельности; от того, кому, какой партии, каким политическим силам удастся добиться благоприятного исхода борьбы и зависело решение вопросов о том, каким быть режиму в послевоенной Румынии, кто будет находиться у власти в этой стране. Трансильванский вопрос оказался в фокусе острейшего в послевоенной румынской истории политического кризиса (разумеется, в сопоставлении с свержением тирании Чаушеску). Введение военной администрации в Северной Трансильвании 14 ноября 1944 г., "позволило СССР использовать вопрос о принадлежности Трансильвании в качестве инструмента для оказания воздействия на политическую борьбу в Румынии"⁷¹.

5-го марта ночью, через день после того, как король отказался утвердить список министров, представленный П.Грозой, последний сообщил монарху об обещаниях СССР (в случае одобрения Михаем его кабинета) — возвращение Северной Трансильвании, восстановление румынского контроля над транспортной системой, "мягкое" применение условий перемирия. Обещания эти были подкреплены угрозой Вышинского, вернее выраженным им сомнением, что в противном случае он едва ли сможет отвечать за то, сохранится ли "Румы-

ния, как независимое государство"⁷².

6 марта 1945 г. под прямым нажимом советского правительства и лично зам. наркома иностранных дел А.Я.Вышинского, находившегося в кульминационный момент политического кризиса в румынской столице, король (и поддерживавшие его политические силы), уступив давлению Москвы, вынужден был утвердить правительство во главе с Петру Гроза, лидером крестьянской партии. Уроженец Трансильвании, выпускник Будапештского университета, Гроза поддерживал тесные связи с демократическими кругами Венгрии и Трансильвании; последние в свою очередь выступали в его поддержку. Он придерживался убеждения, что Трансильвания должна быть между двумя народами "не стеной", их разделяющей, "а мостом" призванным объединять румын и мадьяр. 8 марта новый премьер направил Иосифу Сталину телеграмму, в которой сообщил об обязательстве правительства Румынии "позаботиться о защите прав национальностей Трансильвании"⁷³. Одновременно выражалась просьба восстановить власть Румынского государства на этой территории. Ответ Москвы последовал мгновенно. В телеграмме Сталина, в частности, говорилось: "Принимая во внимание, что вступившее ныне в управление страной Румынское правительство берет на себя ответственность за должный порядок и спокойствие на территории Трансильвании и обеспечение прав национальностей, а также условий правильного функционирования всех местных учреждений, обслуживающих нужды фронта, Советское Правительство постановило ходатайство Румынского Правительства удовлетворить..."⁷⁴. Иными словами, первый и последний раз в своей истории СССР столь решительно, успешно и энергично встал на защиту угнетаемой и преследуемой нации за пределами своих границ.

С фактическим восстановлением румынского суверенитета начался этап румыно-венгерского примирения, стороны пытались делать шаги навстречу друг другу, к устранению наиболее острых разногласий. По инициативе П.Гроза 6 августа 1945 г. был принят важный для углубления этого процесса за-

кон, который, развивая положения декрета "О статуте национальных меньшинств" от 6 февраля того же года, помимо общедемократических принципов о равенстве всех граждан, независимо от расы, национальности, религии, признавал и гарантировал также и коллективные права национальностей, в первую очередь в сфере культурно-языковой в тех территориально-административных единицах, где не менее 30% жителей говорили на одном из румынских языков. Он предусматривал уголовное преследование вплоть до тюремного заключения в отношении нарушителей этого закона. И все же этот закон носил декларативный характер, поскольку не были отменены приняты 4 апреля 1945 г. законы - "О чужой собственности" и "О гражданстве жителей Северной Трансильвании". По первому из них лишались движимой и недвижимой собственности около 30 тыс. граждан венгерской национальности, а по второму - 300-400 тысячам венгров в Трансильвании румынское правительство вообще не собиралось предоставлять румынского гражданства и намеревалось их выселить из Румынии как "иностранцев". В беседе зав. отделом балканских стран МИД СССР А. Лаврищева с министром юстиции Румынии Л. Патрашкану представитель СССР спросил последнего: "Чем вызваны жалобы венгерского представителя на то, что румынское правительство не предоставляет 300-400 тысячам венгров румынского гражданства и будто бы намеревается выселить их из Румынии"⁷⁵. Патрашкану так объяснял это положение: "В Северной Трансильвании имеется около 300 тыс. граждан, которым закон от 4 апреля не предоставил румынского гражданства и которые в настоящее время проживают по венгерским документам и считаются иностранцами. Большинство из них являются лицами, прибывшими в Трансильванию после Венского Арбитража (чиновники и т.д.). Румынское правительство не намерено предоставлять румынское гражданство этим лицам и оставлять их на жительство в Румынии, поскольку это, как считал Л. Патрашкану, привело бы к изменению соотношения этнических элементов в пользу Венгрии и благоприятствовало бы пропаганде венгерского ревизионизма". Однако, подчерк-

нул Л.Патрашкану, "это положение на практике не применялось и не будет применяться до заключения мирного договора"⁷⁶. Нерешенность вопроса о принадлежности Трансильвании вплоть до заключения мирного договора с Румынией и Венгрией порождала противоречия между двумя государствами, служила серьезным препятствием реализации политики национального умиротворения и на практике приводила к нарушению прав национальных меньшинств в Северной Трансильвании. Так, при проведении земельной реформы значительная часть конфискованных по всей территории государства земель находилась в Трансильвании и большинство лиц, которых коснулась конфискация, также происходили из этой области Румынии, а согласно уже упомянутому закону "О гражданстве" от 4 апреля 1945 г., гражданских прав лишались сотни тысяч мадьяр, которые могли быть высланы, уволены с работы, лишены права распоряжаться своим имуществом, получать пенсию и т.д.

Прогрессивные мероприятия правительства П.Грозы зачастую саботировались шовинистически настроенной частью бюрократии на местах – даже до заключения мирного договора, когда власти Румынии были вынуждены соблюдать особую осторожность в вопросе прав национальных меньшинств. Тем не менее именно в этот период прозвучал призыв главы православной церкви Румынии к выселению из Трансильвании всех мадьяр. Как писал в рождественском номере газеты "Сабадап" (25.XII.1945) Йожеф Реваи, идеолог венгерских коммунистов, "одно дело программа румынской демократии в Бухаресте, иное – ее осуществление в Трансильвании реакционной румынской администрацией... искренняя демократическая национальная политика правительства Гроза на практике реализуется очень медленно". Вместе с тем автор решительно осуждал реакционные элементы трансильванских мадьяр за их поддержку румынской реакции⁷⁷.

Безусловно, П.Гроза прилагал значительные усилия к тому, чтобы урегулировать межгосударственные отношения между двумя соседними странами. Путь к венгеро-румынскому примирению он видел в создании федерации "от Лейты (пограничная

между Венгрией и Австрией река. — Авт.) до Черного моря", в которую вошла бы, помимо названных стран, также Югославия⁷⁸. Первой неременной предпосылкой создания подобной федерации являлось, в его глазах, "разрешение трансильванской проблемы, вызывающей распри между двумя правительствами и нациями, создание условий для того, чтобы не только румынский народ, но и живущий вместе с ним как равноправный венгерский народ также — независимо от границ — нашел в Трансильвании истинную родину и дом"⁷⁹. Вторым шагом к федерации должна была стать таможенная уния между Венгрией и Румынией с тем, чтобы сделать свободной, по словам премьера, циркуляцию товаров, "и не только товаров, но и людей между Румынией и Венгрией"⁸⁰.

В интервью венгерской газете "Непсава" 20 мая 1945 г. П. Гроза подчеркнул, что в общих интересах Румынии и Венгрии придти к согласию еще до того, как откроется мирная конференция, а введение общей валюты, достижение "тотального политического согласия наряду с отменой таможенных процедур на границах должны предшествовать образованию "Румыно-венгерской конфедерации". Его прагматичный коллега Татареску был иного мнения, полагая, что подобное региональное соглашение вряд ли будет приветствоваться Советским Союзом. И он, как показали дальнейшие события, оказался прав.

Примерно до мая 1947 г. Гроза с большой энергией развивал идею таможенной унии с Венгрией и находил отклик и у венгерской общественности. 22-го мая клужская газета опубликовала статью видного руководителя КПР Василе Лука. Автор, лидер Народного фронта, решительно осуждал в ней всякие проекты федерации как попытку создания антисоветского блока, даже как выражение "гегемонистских мадьярских устремлений в Дунайском бассейне". Нет нужды доказывать, откуда дул ветер и чьи взгляды выражал сам автор, т.е. своего ли правительства или же московского центра мирового коммунистического движения. Достаточно напомнить читателям участь подобных планов болгарского лидера и вер-

ного сталинского соратника Г.Димитрова⁸¹ и разнос, učinенный ему, в центральном органе ВКП(б) газете "Правда" 29 января 1948 г.

Поскольку окончательно трансильванская проблема должна была решаться мирной конференцией, то подготовка к ней со времени подписания обоих соглашений о перемирии — с Румынией в апреле 1944 г. и Венгрией в январе 1945 г. — стала едва ли не главной заботой правительств обеих стран. Оба они прилагали максимум усилий для того, чтобы добиться наиболее благоприятного решения вопросов, связанных с утверждением межгосударственных границ. И несомненный демократ П.Гроза при всей его склонности к устранению препятствий с пути сотрудничества с мадьярскими соседями упорно и последовательно отстаивал принцип возвращения к границам с Венгрией, существовавшим до Венского арбитража 1940 г., не проявляя с благословения советского правительства ни малейшей склонности к каким бы то ни было уступкам локального, местного значения даже по незначительному исправлению границ.

Усердно готовились к мирной конференции оба правительства. В Будапеште, используя внесенную в условия о перемирии с Румынией формулу о передаче последней "всей или большей части" Трансильвании, разрабатывались планы по исправлению границ в пользу Венгрии на основе этнического принципа. В июне 1945 г. в венгерском ММЦ был образован специальный Отдел по подготовке мирного договора во главе с И.Кертесем; дипломатом, известным своими пробританскими симпатиями. 4-го июля того же года Временное правительство Венгрии обратилось к представителю СССР Г.М.Пушкину с меморандумом, в котором оно просило положить в основу решения территориальных вопросов этнический принцип и референдум. Не дождавшись ответа, 14 августа — уже после Потсдамской конференции — министр иностранных дел вручил представителям трех великих держав в Будапеште ноту с аналогичными предложениями. Результат был тот же. Никакого ответа. На этом венгерская инициатива заглохла. Тому причиной была не только глухота (или немота) союзников, но и внутренние

разногласия в правительственной коалиции. Постановке территориальных вопросов решительно воспротивились коммунисты и поддерживавшие их социал-демократы⁸². Подготовленный МИД в марте 1946 г. проект они отклонили, усмотрев в нем ревизионистские тенденции, поскольку в документе содержалось пожелание, чтобы новые политические границы Венгрии соответствовали ее этническим границам, по возможности. И.Реваи, идеолог Венгерской коммунистической партии, подкрепил позицию своей партии решающим аргументом — нельзя ослаблять "демократию Грозы". Такого же мнения придерживалась и Москва. Левый в тогдашних румынских условиях кабинет Грозы-Татароску, пришедший к власти под энергичным нажимом Москвы и вопреки воле короля и теснимый на политической арене т.н. "историческими партиями", в самом деле нуждался в поддержке извне, и прежде всего в трансильванском вопросе. Как уже указывалось выше, само образование этого правительства стало возможным благодаря тому, что управление Северной Трансильванией было передано Румынии Советским Союзом. Хотя бухарестские правители публично восторгались "великодушным актом" советского правительства, на самом деле вопрос далеко еще не был решен. Об этом, кстати, напомнило заявление от 12 марта 1945 г. на пресс-конференции госсекретаря США Стеттиниуса о том, что восстановление румынской администрации в Северной Трансильвании не меняет ее международного статуса. Не оспаривали этого и советские дипломаты, признававшие, что введение румынской администрации не является обязательным для заключения мирного договора. Неудача попытки Молотова склонить союзников к признанию румынского суверенитета над всей Трансильванией сходу, на первой же сессии Совета министров иностранных дел (СМИД) в Лондоне (сентябрь 1945 г.), не на шутку встревожила кабинет Грозы. К тому же западные союзники отказывали ему в признании, ставя под сомнение его "представительный" характер.

Воспользовавшись этим, король Михай 20 августа предложил уйти в отставку правительству, которое, не будучи признанным двумя великими державами, неспособно должным об-

разом представлять Румынию на предстоящих конференциях по подготовке мирного договора. Таким образом в стране разразился острый правительственный кризис, который грозил либо оттеснить компартию, либо существенно ослабить ее влияние в государстве. Ситуация для кабинета складывалась столь неблагоприятно, несмотря на советскую поддержку, что П.Гроза готов был немедленно отправиться в Будапешт, чтобы разрешить конфликт на двусторонней основе, полубовно. Полубовно, но ни в коем случае не за счет уступки территории.

Правительство в Будапеште не пожелало замечать протянутую руку и использовать неожиданно представившийся шанс для достижения широкого согласия по всем вопросам, за исключением территориального, на благо обоих соседних народов. Еще бы. В 1945 г. и в международном, и во внутривполитическом плане его положение было более устойчивым и прочным, чем румынского партнера. Законность и представительность коалиционного кабинета Золтана Тильди никем не оспаривалась после того, как на первых (и, как оказалось, последних вплоть до 1990 г.) в послевоенной истории Венгрии свободных выборах в парламент коалиция, возглавляемая партией мелких сельских хозяев, одержала блестящую победу. Упоенные избирательным успехом, уояквиваемые ни к чему не обязывающими авансами относительно возможной поддержки венгерских территориальных притязаний со стороны правительств США и Англии, будапештские политики решили, что своего (и, кстати большего) они добьются на мирной конференции, а не за столом двусторонних переговоров с румынами.

Роковую ошибку они допустили в отношении намерений Москвы, представители которой в беседах с венгерскими партнерами хотя и не давали никаких обещаний, но и ни единым словом не намекнули на тщетность мадьярских надежд в плане смягчения условий мира. Переоценив свои возможности, венгерские лидеры осенью 1945 г. высокомерно отклонили румынское предложение о встрече премьер-министра Румынии П.Гроза с министром иностранных дел Венгрии Я.Двендеши,

заявив, что такая встреча может состояться только после мирной конференции⁸³.

Несмотря на такой афронт, прослышавший мадьярофилом глава румынского кабинета тщетно заклинал через дипломатические каналы своего венгерского коллегу не поддаваться "влиянию реакционеров и ревизионистов", предупреждая, что "ревизионизм приведет лишь к возрождению Малой Антанты", что в случае, если мадьяры и дальше будут настаивать на исправлении границ, соседи Венгрии, объединившись, могут предъявить ей новые территориальные претензии. Своих доморожденных националистов Гроза убеждал при обсуждении венгерского вопроса "никогда не ссылаться на исторические права, ибо они всегда спорны и никогда не могут определить, что верно: венгерская позиция или дако-романский континуитет"⁸⁴.

На лондонской сессии СМВД 11 сентября - 2 октября 1945 г. В.М.Молотов отстаивал румынские интересы со всем присущим ему упорством. В представленном им от имени советской делегации меморандуме "Предложения по мирному договору с Венгрией" было сказано четко и ясно: "К Румынии должна быть возвращена в с я Т р а н с и л ь в а н и я" (выделено нами. - Авт.). Основанием служила ссылка на соответствующий параграф соглашения о перемирии. При этом исчезло содержавшееся в нем же упоминание о "большей части" Трансильвании. Британская делегация в ответ поставила под сомнение необходимость передачи румынам "всей Трансильвании", подчеркнув желательность "тщательного изучения вопроса" в подкомитетах, прежде чем он будет решен окончательно. Делегация США также не оспаривала в принципе возвращения к границам 1938 г., однако полагала, что решить вопрос о переходе к Румынии "всей Трансильвании или большей ее части" следует после изучения требований обоих государств.

Однако не так-то легко было сбить с толку сталинского наркома. Он настаивал на немедленном решении, безо всякого там дополнительного изучения. Молотов указал на невозможность проведения между Венгрией и Румынией таких границ, которые бы не оставили в Румынии множества венгров, а в

Венгрии множества румын. Раз так, вытекало из этих рассуждений, бессмысленно заниматься исправлением границ. Советский министр очел даже нужным сослаться на Версальский мир, трижды осужденный и заклеенный Лениным и его соратниками как захватнический, империалистический, несправедливый, процитировав официальное письмо председателя Парижской конференции М. Мильерана венгерской делегации (апрель 1920 г.), в котором говорилось: "Границы, установленные для Венгрии Трианонским мирным договором, есть результат глубокого изучения этнологических условий в Центральной Европе и национальных aspirations"⁸⁵.

Француз Бидо солидаризовался с Молотовым и по поводу бесспорности отмены Венского арбитража, и в отношении Версальской системы, но все же заметил, что из версальских договоров должно быть взято и подтверждено то, что разумно. Бирнс, госсекретарь США, пошел дальше. Он, во-первых, отмечался от советской и французской интерпретации Парижской конференции, отметив сухо, что на этой конференции ко времени принятия решений по Венгрии и упомянутого Молотовым обращения Мильерана, его страна была представлена лишь наблюдателем, т.е. она не принимала участия в решении и что делегация США на протяжении многих месяцев в Версале следовала иному курсу, чем тот, что был принят". Бирнс предлагал легкое изменение трансильванских границ с учетом этнической ситуации. Речь шла о возвращении Венгрии территории в 3 тыс. кв. миль из 39,6 тыс. с полумиллионным мадьярским населением и с сетью железных дорог, целиком и полностью связанной с Венгрией, т.е. такое изменение, которое несколько не отразилось бы на "счастье и процветании Румынии"⁸⁶. Молотов был неумолим, решение отложили.

Вообще же его западные коллеги, поглощенные вопросами большой политики, меньше всего проявляли склонность к упорству и настойчивости в пограничном споре двух малых восточноевропейских стран. Натолкнувшись на неуступчивость Бухареста и неизменность советской позиции, Запад на последующих этапах подготовки мирных договоров, постепенно склонял-

ся принять английскую формулу: всякое изменение границ возможно лишь с обоюдного согласия обеих стран. Хотя заранее было известно, что изначально подобное согласие исключалось.

Оказавшись в безвыходном положении, правительство Венгрии ухватилось даже за эту соломинку. В безнадежной ситуации оно в апреле 1946 г. направило в Бухарест со специальной миссией заместителя министра иностранных дел Пала Шешбештьена для переговоров по вопросам территорий и меньшинств. Петру Гроза и министр иностранных дел Румынии Татареску, как и следовало ожидать, отклонив саму возможность переговоров по этим вопросам, категорически заявили, что последние составляют исключительную компетенцию трех великих держав⁸⁷.

Румынские политики, в противоположность венгерским, иллюзиям не предавались. Они твердо усвоили, что ключ от Трансильвании находится не в Будапеште, и даже не в Вашингтоне или Лондоне, а в Москве, куда они вновь обратили свои взоры, всерьез встревоженные провалом первой лондонской конференции руководителей иностранных ведомств большой тройки. Посол Румынии в СССР И.Иордан 15 ноября 1945 г. вручил А.Я.Вышинскому специальное послание П.Грозы и Т.Татареску. Учитывая занятую западными державами в Лондоне провенгерскую позицию и неблагоприятные для Румынии ее последствия на будущей мирной конференции, румыны просили советское правительство не допустить постановки трансильванского вопроса и убедить союзников передать его на рассмотрение обеих заинтересованных стран с тем, чтобы Румыния и Венгрия выработали по крайней мере еще до начала мирной конференции согласованную единую позицию.

В ответ Вышинский заявил послу, что "реализация этого предложения сопряжена с опасностью осложнить в будущем вопрос о Трансильвании, по поводу которой в условиях о перемирии ясно сказано, что вся она или большая ее часть должны быть присоединены к Румынии"⁸⁸. 27 ноября 1945 г. зав. отделом Балканских стран МИД СССР А.Лаврищев в бесе-

де с румынским послом подтвердил эту позицию: "Советское правительство, — заявил он, — придерживается в трансильванском вопросе благоприятно для Румынии точки зрения. Эта точка зрения была зафиксирована в предложениях советской делегации на заседаниях Совета Министров в Лондоне и она остается неизменной и сейчас. Однако, по мнению советского правительства, в настоящее время не имеется условий для того, чтобы обратиться по трансильванскому вопросу к венгерскому правительству и поэтому советское правительство не считает удобным взять на себя инициативу в этом деле"⁸⁹.

Визиту предшествовали сверхсекретные контакты "лучшего венгерского ученика товарища Сталина" — именно так предпочитала называть Ракоши коммунистическая пресса страны на протяжении нескольких десятилетий — с полномочными представителями СССР в Венгрии: маршалом Ворошиловым и ставшим позднее первым советским послом в Будапеште Г.М.Пушкиным. Еще большая секретность была придана поездке М.Ракоши в Москву между 28-м марта и 2-м апреля, т.е. ровно за неделю до прибытия официальной делегации. Показательно, что о тайственном визите вождя венгерских коммунистов не знали ни секретариат ЦК КПВ, ни его Политбюро. Несомненно, что советско-венгерские переговоры в Москве на высшем уровне были инспирированы самим советским руководством, которое, однако, дало согласие принять делегацию за день до ее отъезда. Кремлевское руководство не меньше, чем сам Ракоши, было заинтересовано в том, чтобы несколько подправить в глазах масс авторитет компартии, после ее неожиданного и сокрушительного провала на парламентских выборах. Необходимо было представить коммунистов в качестве защитников национальных интересов. Тем более, что общественность была шокирована грубо унижительным тоном выступления одного из коммунистических руководителей в рождественском номере "Сабад неп", в котором категорически отвергались какие бы то ни было территориальные притязания как "развращающий нацию шовинизм". Как бы то ни было, Ракоши принадлежала

ключевая роль в подготовке московских переговоров, пробудивших у венгерских руководителей надежду на благосклонность хозяев Кремля.

В тот же день, 9-го апреля, венгерская делегация представила правительству СССР свои предложения о присоединении к Венгрии территории общей площадью в 22 тыс. км². В портфеле делегации, впрочем, на всякий случай имелся и другой, более скромный альтернативный, вариант — он предусматривал включение в состав Венгрии 11800 км². (В дальнейшем, после горьких поражений и неудач притязания мадьяр сократились до ничтожных 4 тыс. км²)⁹⁰.

Поскольку тревога не покидала румынских руководителей, в конце 1945 — начале 1946 г. Кремлю приходилось вновь и вновь успокаивать их. В январе 1946 г. трогательную заботу о душевном покое своего румынского коллеги в очередной раз проявил А. Вышинский, заверив его, что Советский Союз будет добиваться восстановления границ 1938 г. между Венгрией и Румынией. Но от конкретных шагов в этом направлении Москва воздерживалась. Отчасти потому, что спор с союзниками о признании правительства Грозы затягивался. А главное заключалось в том, что между тремя союзниками не были еще отрегулированы принципиальные вопросы, касавшиеся подготовки мирных договоров и работы самой мирной конференции.

Из-за того, что Москва не подавала никаких сигналов к началу двусторонних румыно-венгерских переговоров, в Будапеште пришли к ложному выводу о вероятной индифферентности СССР к венгерским территориальным притязаниям. Однако в марте 1946 г. СССР представил конференции заместителей министров иностранных дел в Лондоне проект мирных договоров с Румынией и Венгрией, текст которых включал идентичные формулировки о передаче румынам всей Трансильвании. К этому времени заметная перемена в данном вопросе произошла и в позиции англосаксонских держав: они по-прежнему считали желательным некоторое исправление границ в пользу Венгрии согласно этническому принципу, но решительно не желали проявлять в этом деле инициативу. Их окончательный вердикт гла-

сил: пусть они, румыны и венгры, договариваются между собой, после чего мы готовы утвердить их совместное решение. Тогда-то в Будапеште было решено — примечательно, по инициативе Политбюро Венгерской компартии — обратиться непосредственно к советскому правительству.

9-го апреля 1946 г. начался 10-дневный визит правительственной делегации Венгрии в Москву во главе с премьер-министром Ференцем Надем. Премьер-министр был в восторге и от того, что вообще мог состояться этот визит, и от оказанного делегации гостеприимства (а его супруга — от подарков, ей преподнесенных). Принимали делегацию действительно хорошо — с истинно русским радушием, с широтой и размахом, с обязательным посещением Большого театра, где гости могли насладиться знаменитым русским балетом "Лебединое озеро". Гвоздем программы пребывания, конечно же, был лестный для венгров прием у самого Сталина.

Здесь-то и разыгрался настоящий спектакль, тщательно продуманный и мастерски исполненный. Хозяин внимательно, не перебивая, выслушал просьбу гостей относительно корректировки границ с Румынией, спросил, привезли ли они с собой карты. Министр иностранных дел Янош Дьендешеш поспешно достал из портфеля карты и показал участки, на которые претендовала Венгрия. Сталин, повернувшись к Молотову, спросил его: а что говорится в пункте о Трансильвании соглашения о перемирии? Молотов: он предусматривает, что поскольку Румыния выполнит все взятые на себя обязательства, она получит Трансильванию или большую ее часть. После этого Сталин, обращаясь к венгерской делегации, то ли с видимым удовлетворением, то ли облегчением произнес: да, этот пункт соглашения о перемирии дает вам возможность поставить трансильванский территориальный вопрос. И принялся внимательно изучать национальный состав, хозяйственные и транспортные условия территорий, отмеченных на карте. Казалось, дело было сделано, путь к воцеленной цели открыт. Окончательно покорила вождя всего прогрессивного человечества своим трогательным тоном во время ужина, проникнутым глубоким уважением к ма-

лым народам и их правам. После этого они решили, что их маленькой стране не грозит участь быть одной из союзных республик великого Союза ССР, чего так опасались премьер и его друзья, но конечно же, не Ракоши.

Увы, все это было лишь первым актом пьесы, главным режиссером которой был Иосиф Виссарионович, финал ее наступил накануне отъезда делегации на родину, на приеме, устроенном венгерским премьером в особняке в Островском переулке. Исполнителем главной роли на этот раз выступал Молотов, alter ego Сталина. Уединившись с венгерским премьером, его министром иностранных дел и Пушкиным, он сухо и деловито сообщил им окончательное решение: мы изучили притязания Венгрии на трансильванские территории; урегулирование было бы облегчено, если бы вы нашли взаимопонимание с румынским правительством. Наступило гробовое молчание. Слишком неожиданными были эти слова для мадьяр, пораженных подобным оборотом дела. Их возражения звучали жалко и беспомощно. Молотов был невозмутим и непреклонен. Он отклонил даже просьбу венгров, чтобы с инициативой двусторонних переговоров в Бухаресте и Будапеште выступило правительство СССР, ибо они ясно сознавали, что прямое обращение к Румынии неминуемо обречено на провал. Так и случилось.

На заседании СМД 15 апреля Молотов сделал официальное предложение о том, чтобы румыно-венгерский вопрос был решен путем прямых переговоров между обеими сторонами. Будапештскому кабинету после этого ничего не оставалось другого, как идти в Каноссу. И он до конца прошел унижительную процедуру. 27-го апреля в Бухарест прибыл специальный уполномоченный Венгрии Пал Шебестьен, заместитель министра иностранных дел. От имени своего правительства он сделал формальное предложение начать "дружеские и конфиденциальные переговоры" с участием обоих премьер-министров и глав внешнеполитических ведомств, присовокупив, что правительство "нашего великого соседа - Советского Союза будет приветствовать такие переговоры". В ответ Татареску сказал, что "не найти ни одного ответственного государственного деятеля Румынии, ни

одного румына, кто бы был готов сделать предметом переговоров, даже конфиденциальных, западные границы Трансильвании — колыбели румынской нации..." Вечером того же дня П. Гроза напомнил венгерскому дипломату: было время, когда подобные прямые двусторонние переговоры были возможными, но тогда эту инициативу отверг венгерский премьер "как не своевременную". Теперь же они невозможны по существу и по формальным мотивам, ибо вопрос находится в ведении великих держав и негоже малым государствам предвосхищать их решения. При этом глава румынского правительства заметил, что "разрыв единства Трансильвании был бы фатальной ошибкой"⁹². Миссия Шебештьена, последняя отчаянно безнадежная попытка мадьяр добиться согласия румынских соседей на то, чтобы получить более справедливые границы, окончилась полнейшим фиаско.

Благожелательное отношение англосаксонских держав не нашло своего выражения в каких-либо реальных и эффективных акциях. В конце концов они склонились перед волей СССР, сняли на мирной конференции все свои возражения против заготовленного в Москве текста мирного договора. Произошло это на утреннем заседании СММД в Париже 7-го мая 1946 г.: решения Венского арбитража были аннулированы окончательно и бесповоротно, а границы между Румынией и Венгрией восстановлены в том виде, в котором они существовали на 1-е января 1938 г.⁹³

Тем не менее 11 июня 1946 г. румынский посол в СССР И. Иордан вновь обратился к зам. министра иностранных дел СССР В. Г. Деканозову с просьбой информировать его правительство о том, какие вопросы предполагает поставить глава венгерской делегации Ференц Надь во время своей поездки в США, и передать ему содержание ноты, врученной венгерским правительством представителям СССР, США и Англии по вопросу о Трансильвании и румыно-венгерской границе. Деканозов заверил И. Иордана, что подобной ноты он не получал и МИДу якобы ничего не известно о вопросах, которые будут обсуждаться в Вашингтоне (хотя, как явствует из его резолюции на соответствующем документе, такую ноту советское правительство по-

лучило и Деканозову было известно ее содержание)⁹⁴. А.Я.Вншинский со своей стороны заявил румынскому послу в Лондоне, что "нами этот вопрос решен. Остальное покажет будущее"⁹⁵.

Чем же объяснить столь "прорумынскую" позицию СССР? Прежде всего, как нам представляется, внутриполитической ситуацией в странах. Хотя Румыния и Венгрия фактически входили в сферу влияния Советского Союза и его руководство не было заинтересовано в обострении отношений своих потенциальных союзников, все же предпочтение оно отдавало прокоммунистическому правительству П.Грозы, полностью находившемуся под влиянием и контролем СССР. В Венгрии же на выборах 1945 г. победу одержала партия мелких сельских хозяев (а не коммунисты), которая пыталась, насколько это представлялось возможным, дистанцироваться от СССР, особенно во внутренней политике. Во внешней политике венгерское правительство не прочь было заручиться поддержкой западных держав. Не последнюю роль в окончательном решении вопроса о Трансильвании играло и то обстоятельство, что румынская армия после 23 августа 1944 г. участвовала в составе советских войск в освобождении Северной Трансильвании и по договоренности между Сталиным и Черчиллем (октябрь 1944 г.) Румыния являлась зоной "советских интересов", а вопрос о Венгрии оставался открытым⁹⁶.

После завершения сессии СМД в Париже министр иностранных дел СССР В.М.Молотов заявил румынскому послу в Москве 17 июля 1946 г., что вопрос о Трансильвании на этом заседании не поднимался. "Венгры обратились к нам по этому поводу, - сказал он, - но мы им ответили, что не имеем привычки ломать согласованные решения. Но что за ними остается право возражать и высказывать свое мнение. Но это будет мнение венгров"⁹⁷.

Г.Татареску пытался заручиться поддержкой президента Чехословакии Бенеша, обещая взамен поддержку требований Чехословакии к Венгрии. По словам одного из чехословацких журналистов Солтеса, Бенеш якобы послал в Бухарест одного из своих доверенных лиц, который должен был попытаться убедить

П.Грозу в необходимости "некоторого изменения внешнеполитического курса Румынии в сторону более лояльного отношения к Англии и менее дружественного к СССР. По информации того же Соллтеса, Гроза решительно отверг это предложение, несмотря на то, что его принятием обуславливалась, по-видимому, поддержка Чехословакией румынских видов на Трансильванию⁹⁸.

Весьма своеобразно складывались отношения руководства компартии Румынии (КПР) и Венгрии (ВКП) в связи с трансильванским вопросом. КПР поддерживала вхождение Трансильвании в Румынию, ВКП выступала за передачу районов Северной Трансильвании с компактно проживающим венгерским населением Венгрии. Деятели МАДОС (Демократический Союз венгерских трудящихся в Румынии) в основной своей массе, как утверждал один из руководителей КПР, член ее ЦК Л.Рэуту, придерживались мнения, что "наиболее правильным решением в нынешней обстановке является предоставление известной автономии уездам с преимущественно венгерским населением"⁹⁹. В особо щекотливом положении оказались, по словам Л.Рэуту, члены ВКП, находившиеся в Трансильвании. Венгерские коммунисты задаются вопросом: "Кому им верить, лидеру венгерских коммунистов Ракоши или лидеру румынских коммунистов Дежу?"¹⁰⁰

Окончательно вопрос о Северной Трансильвании был решен на Парижской мирной конференции. 4 сентября 1946 г. А.Я.Вышинский в беседе с М.Раля, членом румынской делегации в Париже, сказал: "Наша точка зрения заключается в том, чтобы полностью восстановить границу, существовавшую до Венского арбитража". "Все остальное, - заявил Вышинский, - относится к области румыно-венгерских отношений"¹⁰¹. Одновременно руководство советской делегации на мирной конференции выразило свое недовольство "резким антивенгерским выступлением" Г.Татареску на заседании политической комиссии по Румынии и Венгрии. В связи с этим члены румынской делегации поспешили заверить советское руководство, что "Татареску вставил в свою речь несколько полемических фраз

против венгров по собственной инициативе и при возражении других членов делегации". М. Раля, например, сказал, что "румынское правительство сделает все возможное, чтобы не раздражать венгров и не отталкивать их от дружественных Советскому Союзу стран Юго-Восточной Европы..."¹⁰²

По решению Парижской мирной конференции Северная Трансильвания оставалась за Румынией. Решения Венского арбитража 1940 г. объявлялись несуществующими. Венгеро-румынская граница восстанавливалась по состоянию на 1 января 1938 г. Попытки венгерской делегации поставить на Парижской мирной конференции вопрос о передаче Венгрии части районов Северной Трансильвании, как населенных в большинстве своем венграми, не привели к желаемым результатам. В текст мирных договоров с Венгрией и Румынией была включена статья, обязавшая эти страны воздержаться от дискриминации своих граждан "на основании их расы, пола, языка, религии, а также в том, что касается их личности, имущества, занятий, профессиональных или финансовых интересов, статуса и гражданских прав"¹⁰³. Тем самым была создана правовая основа для равноправия всех национальностей, проживающих в этих государствах.

Трансильвания в составе Румынии

С вступлением в силу мирных договоров в 1947 г. трансильванский вопрос, потеряв былую свою остроту, сошел с повестки дня международной политики и трансформировался в специфический вопрос национальной политики румынского государства — в проблему венгерского и немецкого национальных меньшинств, их прав и положения. Поскольку Парижская мирная конференция не выработала ни механизма контроля за исполнением упомянутой статьи мирных договоров об упразднении национальной дискриминации, ни соответствующих санкций в случае ее нарушения, правительства тех стран, которых эта статья касалась, могли, в сущности, распоряжаться судьбой миллионов своих граждан, причисленных к категории национальных меньшинств, как им заблагорассудится. Да и великим державам

гарантам мирных договоров с бывшими гитлеровскими сателлитами, поглощенным целиком и полностью все более ожесточавшейся "холодной войной", не было никакого дела до того, как соблюдаются продиктованные ими статьи договоров в Румынии или где-то еще.

Тем не менее коммунистическое руководство Румынии, восприняв советскую модель решения национального вопроса и опасаясь обвинений в буржуазном национализме, которые время от времени звучали из уст советских лидеров, пошло на предоставление венгерскому населению национально-территориальной автономии и определенных гарантий прав национальных меньшинств. Декретом от 3 августа 1948 г. национальным меньшинствам предоставлялось право обучения на родном языке. Судопроизводство также должно было вестись на родном языке. Центральное руководство реорганизовало МАДОС, превратив его в рычаг своего влияния на венгерское население. В официальных партийных и государственных документах начального периода социалистического строительства декларировались братские отношения на основе равноправия между румынским и другими народами, проживающими в Румынии в качестве важного элемента укрепления и развития нового режима¹⁰⁴.

В сентябре 1952 г. в связи с вступлением в силу новой конституции была образована "Венгерская автономная область" с центром в городе Тыргу-Муреш (Марошвархей). Она была расположена на Земле секеев (Секейфелд), но включала лишь секейские комитаты. Вне ее границ оказались бывшая трансильванская столица Клуж (Коложвар) и другие историко-культурные центры мадьяр — Орадя (Надьварад, Бая-Маре (Надьбаня) и др. Только около 35% населения области составляли мадьяры, т.е. св. 210 тыс. человек, за ее же пределами осталось втрое больше венгров — 650 тыс.¹⁰⁵ Названная "венгерская" область, включавшая менее трети мадьяр республики, где к тому же титульный этнос составлял лишь треть проживавших в ней жителей, по официальному своему статусу, согласно конституции, являлась одной из 18 румынских провинций, а не национально-территориальной автономией даже в сталинс-

кой ее интерпретации. Румынские ученики "вождя народов", неустанно повторявшие трескучие фразы о братской дружбе народов и пролетарском интернационализме, "творчески" развивая ленинско-сталинскую теорию и практику в национальном вопросе, шаг за шагом, неуклонно урезывали даже те куцые права в культурно-языковой сфере, которые были завоеваны национальными меньшинствами в первые послевоенные годы.

Тем не менее коммунистическое руководство Венгрии, соблюдая принятые в социалистическом сообществе правила игры, опиралось, когда нужно, на декларации своих бухарестских коллег. Венгерский партийный вождь в одной из своих речей публично объявил, что национальный вопрос в Румынии благодаря усилиям коммунистов решен "в духе учения Ленина", подчеркнув при этом, что "Румынская рабочая партия обидительно и зорко следит за тем, чтобы мадьярские трудящиеся во всех сферах пользовались равноправием, гарантирует им все возможные возможности свободного развития"¹⁰⁶.

Приход к власти в Румынии Н. Чаушеску в 1965 г. ознаменовался ужесточением государственной политики в отношении нерумынских этнических групп. Жесткой критике подвергся принцип национального самоопределения как ошибочный, навязанный извне, — сначала Коминтерном, затем Кремлем.

В конце 60-х годов руководство осуществило очередную реформу административно-территориального деления страны, в результате которой Венгерскую автономную область преобразовали в "Муреш-Венгерскую автономную провинцию" (Муреш или Мароши по-румынски, название реки). В ходе этой хитроумно задуманной операции территориально область расширилась за счет присоединения нескольких соседних районов, но зато уменьшилось в ней венгерское население благодаря отторжению ряда населенных мадьярами районов. Спустя шесть лет новая административно-территориальная реформа поставила последнюю точку в 15-летней истории существования так называемой Венгерской автономии. Ликвидации ее предшествовал многозначительный тезис "карпатского гения" Николае.

Чаушеску, который гласил: "Целый ряд решений предшествующих съездов Румынской коммунистической партии был сформулирован неправильно. Так, неверно, что Румыния является многонациональным государством"¹⁰⁷.

Были проведены ликвидационные мероприятия в области венгерского образования и культуры. В Клуже закрылся венгерский университет, что вызвало резкие протесты со стороны интеллигенции венгерской национальности и привело к обострению напряженности среди венгерского населения. Партийно-государственный аппарат Чаушеску, декларируя, что национальная проблема в Румынии решена окончательно, на деле проводил политику насильственной румынизации венгерского населения. В ноябре 1988 г. президент Румынии счел необходимым вновь подчеркнуть: Румыния – единое национальное государство, в котором живут люди различных национальностей, пользующихся полным равноправием¹⁰⁸.

Руководство внедряло в сознание румын идею территориальной целостности страны и отрицания национальных коллективных прав других народов, населяющих Румынию. Предоставление этих прав в национальном сознании румын воспринималось как угроза территориальной целостности государства, что порождало подозрительность в отношении намерений мадьяр, проживающих по обе стороны границы, разделяющей два государства.

Нужно отметить, что румынская эмиграция в Западной Европе и США также активно выступала против предоставления национальной автономии венгерскому населению Трансильвании. выступая во Франкфурте-на-Майне 20 декабря 1986 г., экс-король Румынии Михай заявил, что он всегда считал, что незачем поднимать вопросы, которые давно решены, и утверждал, что румыны, проживающие в Трансильвании, не имели якобы никаких привилегий, а недовольство мадьяр Михай объяснял тем, что они лишились своего особого положения, которое занимали в "годы оккупации Северного Ардяла (1940–1944 гг.) и в последующие два десятилетия после этого благодаря активному сотрудничеству с преступными кругами, поддерживаемыми Советским Союзом"¹⁰⁹. Он неоднократно ссылался на влияние на

трансильванских мадьяр пропаганды, идущей из Венгрии и венгерской эмиграции на Западе^{IIО}.

Однако, как мы считаем, главная причина обострения национальных противоречий в Трансильвании крылась в правовом и социально-экономическом положении национальных меньшинств. В течение десятилетий проводилась "романизация" национальных меньшинств и прежде всего венгерского населения. И даже то, что каждый гражданин был вправе при проведении переписей определять сам свою национальность на основе простого заявления о своем этническом происхождении и родном языке фактически приводил к переходу в категорию граждан румынской национальности, особенно при смешанных браках. Следствием этого являлось сокращение в Трансильвании удельного веса мадьяр с 9,1% в 1956 г. до 7,1% в 1990 г.^{III}

С середины 70-х и в 80-е годы в связи с нарастанием экономического и политического кризиса в стране, общим ухудшением социально-экономического положения основных слоев и групп населения Румынии, усилением жесткого административного и идеологического давления со стороны тоталитарных структур режима Н. Чаушеску обострились и национальные противоречия в Трансильвании.

Особенно большую тревогу у широких кругов румынской общественности вызывал план так называемой территориальной систематизации сельской местности, предусматривавший снос значительного числа деревень и строительство агропромышленных населенных пунктов. Скрытым замыслом этого проекта являлась ликвидация венгерских поселений в Трансильвании. В ее горных районах и предгорьях в небольших деревнях компактно проживало венгерское население, которое сохранило свою самобытную народную культуру; в случае осуществления задуманного плана эта культура оказывалась под угрозой разрушения, а мадьярское население было бы расселено в различных аграрно-промышленных центрах.

В этих условиях резко ухудшились межгосударственные и межправительственные отношения между Румынией и Венгрией. Румынская сторона пыталась уличить Венгрию во вмешательстве

во внутренние дела, а венгерская, со своей стороны, обвиняла румынское правительство в дискриминационной политике по отношению к венгерскому населению, причем каждый публичный выпад одной из сторон встречал немедленный и резкий отпор другой¹¹². К "дискуссиям" активно подключились румынские и венгерские историки, публицисты, пресса.

В 1985 г. на Европейском форуме по культуре произошло столкновение между венгерской и румынской делегациями. Основным предметом спора являлся вопрос не о границах, а о положении венгерского населения в Румынии, его правах в румынском государстве, в частности о праве связи и общении с жителями Венгрии. Нужно учитывать, что в условиях кризиса поиск "внешнего врага" являлся весьма эффективным фактором, отвлекающим население от проблем политического и социально-экономического развития страны. Вопросы национального единства румынского народа рассматривались правящей компартией как идеологическая основа для создания массовой базы среди населения в поддержку курса Н. Чаушеску.

В поисках компромисса и средств уменьшения напряженности между двумя государствами, входившими в то время в Организацию Варшавского Договора и СЭВ, Я. Кадар и Н. Чаушеску неоднократно встречались в г. Дебрецене (Венгрия) и в г. Орадя (Румынская Трансильвания). Но эти эпизодические встречи ни на шаг не приблизили их к урегулированию существовавших между ними разногласий. СССР, вступивший в стадию глубокой стагнации, не предпринимал никаких попыток к смягчению напряженности между своими младшими партнерами. Мало того, что советское партийно-государственное руководство заняло малопочтенную позицию полного невмешательства в развязанные в Трансильвании тираническим режимом Чаушеску репрессии против национальных меньшинств, оно еще, как бы совсем забыв о том, что в первую очередь именно усилиями СССР этот край был безоговорочно отдан на произвол румынским властям, наложило строжайший запрет на публикацию в средствах массовой информации объективной — на языке партбюрократии: "порочащей" — информации о положении дискримини-

руемых в Румынии национальных меньшинств. Этот запрет оставался в силе и в период горбачевской "гласности и перестройки", когда советские порядки можно критиковать, но по-прежнему не дозволялся критический взгляд в направлении режима Чаушеску. Функционеры из Международного отдела ЦК КПСС беспощадно вычеркивали каждое правдивое слово из подготовленных к публикации материалов об истинном смысле программы "упорядоченных деревень", имевшей целью ликвидацию компактного проживания мадьяр в Трансильвании. Странная "слабость", которую кремлевские вожди питали к своему бухарестскому "брату", привела их к полной потере чувства реальности: перед самым падением румынского тирана, когда абсолютное большинство руководителей европейских государств всячески избегало общения с ним, Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С.Горбачев отправился в Бухарест, чтобы прикрепить к лацкану пиджака президента Румынии очередную советскую "высокую награду" в лучших традициях брежневского придворного ритуала. Однако, моральная поддержка неугодного подавляющему большинству народа режима Чаушеску, оказанная визитами в Бухарест высших должностных лиц СССР (кроме Горбачева, вояж туда совершил и А.Громыко) не помогла ему удержаться. Мы еще не располагаем теми документами, которые бы могли дать достоверную картину того, что произошло в Румынии в последние недели и дни царствования четьи Чаушеску, какие силы действовали за кулисами. Однако неоспоримым историческим фактом остается то, что сигнал к массовым выступлениям против тирании был подан из Трансильвании.

Поводом для начала народного сопротивления режиму Чаушеску послужили гонения на священника, венгра по национальности, Ласло Тёкеши, выступившего против осуществления проекта сноса деревень и в защиту прав национальных меньшинств, и разгон 17 декабря 1989 г. румынскими властями (с применением силы) демонстрации в Тимишоаре в поддержку Л.Тёкеши, переросшей в антикоммунистическое восстание.

После декабрьских событий 1989 г. и свержения режима Чаушеску руководство Фронта национального спасения, новое

румынское правительство, министерство образования, при котором был создан специальный департамент по национальным меньшинствам и во главе которого встал крупный историк, венгр по происхождению, Л. Демени, пытались предпринять меры по смягчению межнациональной напряженности и расширению прав и свобод национальных меньшинств. Однако и в данном случае вопрос о предоставлении автономии венгерскому населению не ставился. Все это вызвало рост политической активности среди венгерского населения и решимости бороться за свои права. В роли противовеса выступили румынские националистические силы, особенно созданная в Трансильвании румынская организация "Ватра Ромыняска", которая попыталась воспрепятствовать этому процессу.

В условиях нестабильности нового режима противостояние определенных кругов румынского и венгерского населения возрастало, и все это привело в 20-х числах марта 1990 г. к открытым кровавым межнациональным столкновениям в Тыргу - Муреше¹¹³.

Нерешенность национального вопроса в Румынии, острота социальных проблем румынского общества выплеснулись через край и привели к открытой резне на национальной почве, подстрекаемой определенными кругами, заинтересованными в нестабильности в стране¹¹⁴.

Проблема Трансильвании и в наши дни остается столь же острой, как в далеком прошлом, и недавнем. Судя по публикациям в печати, появившимся в связи с 50-летием Венского арбитража 1940 г., повторяются, по существу, все тезисы прежней румынской историографии о неотъемлемом праве Румынии на Трансильванию. В Румынии прошла серия мероприятий, посвященных этому событию. Состоялась специальная совместная сессия Сената и Палаты депутатов румынского Парламента. В опубликованной по этому случаю Декларации парламента подчеркивалось, со ссылкой на международные соглашения 1918-1920 гг. и 1947 г., что Трансильвания принадлежала и принадлежит Румынии. Парламент выступил с призывом к национальному миру, но в то же время заявил, что "демократия

и равенство еще не означает создание каких-либо автономий... которые могут в конечном итоге привести к расчленению страны" 115

Опыт существования и развития многонациональных государств показывает, сколь сложными и деликатными, а порой и неразрешимыми являются проблемы национального строительства. Попытки же играть на национальных чувствах, на эмоциях значительных слоев населения, спекулируя на "славном прошлом" одних народов и на "национальных обидах" других, подкрепляя это историческим материалом, ведут не к решению спорных вопросов, а в тупик. Политическая и экономическая нестабильность в бывшем СССР и на Балканах могут в любой момент спровоцировать разрастание межнациональных конфликтов в странах Юго-Восточной Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. P o m o g á t s... В. Erdély jelene és jövője // Tiszatáj. 1990. N.9. 53-54. old.; 20 этнических групп // Румынская панорама. № 9-10. С.27.
2. Neue Zürcher Zeitung. 1987. 19.IV.
3. Подробнее об обстоятельствах вступления Румынии в первую мировую войну и политике России см. монографии: В и н о г р а д о в В. П. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969; П и с а р е в Ю. А. Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия. 1914-1915 гг. М., 1990; Сербия на Голгофе и политика великих держав, 1916 г. М., 1993.
4. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств (Далее - МОЭИ). В 22 томах. М.-Л., 1931-1938. Серия III. В 10 томах. М.-Л., 1935. Т.VI (5 авг. 1914 - 13 янв. 1915) Ч. I. № 206. С.257.
5. Die deutsche Dokumente zum Kriegsausbruch. Charlottenburg, 1919. Bd.III. Dok. 506, 582.
6. В г р а т и а н у V. J. Pentru constința națională. Buc., 1915. P.98 - Цит. по: В и н о г р а д о в В. Н. Указ. соч. С.36.
7. МОЭИ. Т.VIII. Ч.2. №684.
8. Н а j d u Т. Az angolzasz hatalmak és a trianoni határok // Historia. 1990. N 3. 12 old.
9. Ibidem.
10. I o r g a N. Supt trei regi. Buc., 1932. P. 288; M a r g h i l o m a n A. Note politice. Buc., 1927. Vol.II. P. 222.
11. В и н о г р а д о в В. Н. Указ. соч. С.289; См. также: Румыния, страницы истории. 1983. № 2.

12. Balogh S., Geregeley J. (Izsák L.), Jakab S. (Pritz P.), Romicsi I. Magyarország a XX. században. Bp., 1985. 78. old.
13. Lederer I. J. Yugoslavia at the Paris Peace Conference. A study in Frontiermaking. Yale, 1963. P. 234-236.
14. Ormos M. Padovatól Triánoning 1918-1920. Bp., 1983. 380-381. old.
15. Palotás Z. A Triánoni Határok. Bp., 1990. 90. old.
16. Glats F. Die Regelung von Nationalitäten- und Minderheitenkonflikten in Mittel- und Osteuropa. Bp., 1992. S. 51; Kurze Geschichte Siebenbürgens. Bp., 1990. S. 658.
17. АВПРФ. Ф.0512. Оп. I. Д. 107. Л. 58.
18. Anuarul Statistic al Romaniei pe anul 1938 si 1940. P. 480.
19. Hétven Ev. A Romániai magyarság története 1919-1989. Bp., 1990. 1752-1753. old.
20. Kurze Geschichte Siebenbürgens. Bp., 1990. 658. old.
21. Hétven Ev. Op. cit. 24-25. old.
22. Moisuc V. From the Treaty of Trianon (1920) to the Peace Treaty of Paris (1947). Buk., 1991. F. 5; Campus E. Quelques précisions au sujet du Trianon // Revue Roumaine d'Etudes Internationales. Buc., 1990. V. XXIV. N° 1-2. P. 40.
23. Hoijer O. Le Pacte de la Société des Nations. Paris, 1926. P. 330.
24. Politikai Tudomány Intézet, (PTI) Archivuma. F. 685. Jungerth-Arnéthy Mihály Naplója. 1939. 12. VII.; Jungerth - Arnéthy M. Moszkvai Napló. Bp., 1989. 101. o.
25. Juhász G. The Second Vienna Award // Kémpolitikai. Hungary and the World. Bp., 1987. 120-132. old.
26. АВПРФ. Ф.06. Оп. 2. Д. 279. Л. 23. Лл. 16-22. - Запись беседы В. М. Молотова с посланником Румынии Г. Давилеску.
27. Gafencu G. Preliminaires de la guerre à l'Est. De l'accord de Moscou (21 août 1939) aux hostilités en Russie (22 juin 1941). Paris, 1944. P. 402.
28. Deletant D. The Molotov-Ribbentrop Pact and its Consequences for Bessarabia: some Considerations on the Human Rights Implications // Revue Roumaine d'histoire. Buc., 1991. T. XXX. N° 3-4. P. 223.
29. АВПРФ. Ф.077. Оп. 1941. Д. I. Л. 30. - Обзор Полпредства СССР в Будапеште за 1940 г.
30. Documents on German Foreign Policy. Ser. E.X. London. Doc. N° 21; Diplomaciai Iratok Magyarország külpolitikájához 1936-1945. Bp., 1982. V. k. N° 171; Покивайллова Т. А. К истории Второго Венского Арбитража // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 - июнь 1941). М., 1992. С. 63-71; Пущкаш А. И. Венгрия и ее балканские соседи (август 1940 - апрель 1941 г.) // Там же. С. 72-92.

31. G a f e n c o G. Op cit. P. 355.
32. АВПРФ. Ф.125. Оп.22. П.20. Д.35. Л.75; Оп.26; п.23, Д.6. Л.3-4; См. также: П о к и в а й л о в а Т. А. Указ. соч. С.66.
33. G a f e n c o G. Op cit. P. 77.
34. Ibidem.
35. Ibid. P. 78.
36. Ibid. P. 78-79.
37. Ibid. P. 80.
38. Ibid. P. 77.
39. Ibid. P. 79.
40. Ibid. P. 80.
41. Ibid. P. 138-139.
42. Краткая история Румынии. М., 1989. С.365; Краткая история Венгрии. М., 1992. С.402.
43. АВПРФ. Ф.077. Оп.22. П.III. Д.1. 1942. Л.79.
44. Там же. Л.82.
45. Там же. Ф.125. Оп.25. П.23. Д.35. Л.3.
46. Там же. Ф.077. Оп.21. 1941. Д.5. Л.33. - Дневник посланника Шаронова. 28.IV.1941.
47. Там же. Л.45-46.
48. Там же. Л.55. 20 мая 1941 г.
49. Там же.
50. Там же. Л.49. 5 мая 1941 г.
51. Там же. Д.1. Л.4.
52. Там же. Л.95.
53. Amerikai béketervek a háboru utáni Magyarországról. Az Egyesült Államok Külügyminisztériumának titkos iratai. 1942-1944. (Szerk I.Romsics). Typovent-Gödöllő, 1992. 20.o.
54. Franklin D.Roosevelt Library. Hyde Park. Adolf A. Berle Papers. Box 214. Diary. May 2. 1942.
55. Magyar-brit titkos tárgyalások 1943-ban (Szerk G. Juhász). Bp., 1978. 158-159. o.; Foreign Relations of the United States (FRUS). The Conference at Cairo and Teheran 1943. Washington, 1961. P. 880.
56. FRUS. The Conference at Cairo and Teheran 1943. P. 880.
57. Amerikai béketervek ... 280. o.
58. АВПРФ. Ф.077. Оп.23. Д.1. 1943. Л.35-36. - Из дневника посла СССР в Турции Виноградова.
59. Там же. Л.50.
60. Там же. Ф.0512. 1944. Оп.4. Д.207.
61. Там же. - К вопросу о Трансильвании (Записка Вальтера Романа). 28.VII.1944.
62. Там же.
63. Там же. Д.205. 6.VII.1944. Л.1а. - Записка Е.Тарле.
64. Там же. Д.1-27. - О Трансильвании. (Справка). 5.VI.1944.
65. Там же.
66. Там же.
67. Там же.
68. Там же. Л.26.

69. Там же. II.24.
 70. Там же. II.21.
 71. H e t v e n Ev. Op. cit. 50. o.
 72. F ü l ö p M. A Sebestyén-misszió // Világtörténet. 1987. № 3. 143.o.; FRUS. Diplomatic Papers. 1945. Europe. Washington 1967. Vol. V. P. 503.
 73. АБІРФ. Ф.0125. Оп.3 а. Д.4. П.153. Л.114-116.
 74. C s a t á r i D. Forgoszelben. Bp., 1969. 461.o.
 75. АБІРФ. Ф.0125. Оп.34. Д.4. П.131. Л.54-55.
 76. Там же.
 77. Szabad Nép. 1945. 25.XII.
 78. L i p c s e y I. Réczei László feljegyzései 1945 márciusi romániai megbeszéléseiről // Történelmi Szemle. 1984. № 4. 617-627.o.; I d e m. Erdélyi Autonómfiák // Történeti Tanulmányok. Bp., 1990. 49-66. o.
 79. I d e m. Réczei ... 624. o.
 80. S z z a b ő E. Szücs László. Az Erdélyi kérdés 1945-1946-ban // Uj Fórum. 1989. I. 42. o.
 81. A v r a m o v s k i Z. Devet Projekta Ugovora o jugoslavensko-bugarskom savezu i Federaciji (1944-1947) // Istorija 20. veka. Casopis Instituta za savremenu istoriju. Beograd, 1983. № 2. S. 91-124.
 82. V i d a I. A magyar bekeszerződés terüeti kérdesei // Historia. 1987. № 1. 26.o.
 83. АБІРФ. Ф.0125. Оп.33. Д.4. П.127. Л.35.
 84. F ü l ö p M. The failure of Hungarian-Rumanian negotiations on Transilvania in the spring of 1946 // The Hungarian Quarterly. 1990. Vol. XXXI. № 118. P.62-63.
 85. The first session of the Council of Foreign Ministers. London, 1945. Sept.-Okt. // F u l o r M. The Council of Foreign Ministers and the Hungarian Peace Treaty of 1947. London, 1947. P. 103.
 86. Ibid. 103-104. o.
 87. F ü l ö p M. A Sebestyén-misszió // Világtörténet. 1987. № 3. 141-173.o.; I d e m. Transilvania and Great Powers-1945. Danubian Historical Studies. Bp., 1988. Vol. 2. P. 41-50.
 88. АБІРФ. Ф.0125. Оп.33. Д.3. Л.43, 127.
 89. Там же. Д.4. Л. 37.
 90. N a g y F. Küzdelem a vasfüggöny mögött. Bp., 1990. 271. o.
 91. Ibid. 276. o.
 92. F ü l ö p M. The failure of the Hungarian-Rumanian negotiations ... 62-65. o.
 93. L a c h e St., T u t u i Gh. La Romania et la Conference de la Paris (1946). Buc., 1987. P. 202.
 94. АБІРФ. Ф.0125. Оп.34. Д.13. П.130. Л.31.
 95. Там же. Л.32.
 96. B á c s i u N. Agonia României 1944-1948. Cluj-Napoca, 1990. P. 55, 62, 95-96.
 97. АБІРФ. Ф.0125. Оп.34. Д.14. П.130. Л.1.
 98. Там же. Д.16. П.131. Л.18.
 99. Там же. Л.69-70.
 100. Там же. Л.70.

- IOI. Там же. Д.ІЗ. П.ІЗО. Л.43.
 IO2. Там же.
 IO3. Мирный договор с Румынией. М., 1947. С.5-7.
 IO4. Информационный бюллетень ЦК РРП. Управление про-
 ганды и агитации. Декабрь 1948. № 4.
 IO5. V e m e s k ű r t i. I. Edes Erdély. Erdély Kronika
 1916-1967. Бр., 1988. 99. о.; Külpolitika. Бр., 1989. 58.
 IO6. Magyar Nemzet. 1987. 26.IX.
 IO7. Чаушеску Н. Достижения и перспективы Румынии. Доклады, речи, статьи. Июль 1965 - февраль 1969. Избранные тексты. Бухарест, 1969. С.258.
 IO8. Там же. С.257.
 IO9. Сиобау М. Convorbiri cu Mihai I al României. Бис., 1991. P. 212, 325.
 IO10. Ibidem.
 IO11. 20 этнических групп // Румынская панорама. №9-10. С.27; România Muncitoare. 1990. 21.III.
 IO12. См.: Сознательная фальсификация истории под эгидой Венгерской Академии наук // România liberă. 1987. 12.II.
 IO13. Adevărul. 1990. 16, 17, 18, 21.III; România liberă. 1990. 15-30.III.
 IO14. Ibidem.
 IO15. România liberă. 1990. 30.VIII.

X X

X

Данная статья подготовлена при финансовой поддержке
 Международного научного фонда в рамках исследовательско-
 го проекта "Сталинизм в Восточной Европе. 1944-1953".

Э.Г.ЗАДРОЖНИК,

Г.Ю.ХАРЦИЕВА

АЛГОРИТМ РАСПАДА

Основные причины и последствия распада единого чехословацкого государства не просматриваются, если опираться лишь на события сегодняшнего дня и даже на перспективу отношений между составлявшими его нациями. Они выявляются, во-первых, при учете особенностей геополитической ситуации в региональном и европейском масштабе. Во-вторых, в широких рамках взаимодействия интеграционных и сепаратистских тенденций в современном мире. Третий аспект проблемы связан с социальной перспективой как в целом, так и в рамках региона.

Предваряя анализ причин и последствий распада Чехословакии, следует обратить внимание на его общую "формулу" для многонациональных стран Восточной Европы, строящихся на принципе федерализма: их развал вслед за отказом от ориентации на социализм. И здесь возникает еще ряд вопросов. В какой мере это является общей закономерностью? Как соотносятся указанные процессы с тенденциями к этническому сепаратизму в других государствах (проблема басков в Испании, фламандцев и валлонов в Бельгии, Квебека в Канаде)? Насколько применима в этих случаях формула о "Европе наций", выдвинутая Ш. де Голлем и в новых условиях возрожденная М.Тэтчер? В какой степени конструктивен такой путь решения проблемы государственности, уже пройденный Чехословакией? Если же он не конструктивен, то каким силам выгоден? Наконец, в какой степени виновны в происходящих процессах старая и новая элиты, равно как и народные массы?

На все эти вопросы трудно получить однозначный ответ в

рамках намеченной нами темы – историко-политологического анализа превращения Чехо-Словакии в два независимых государства. Но их надо постоянно держать в поле зрения с учетом того, что происшедшее в самом центре Европы безусловно влияет и на перспективы "общеевропейского дома" в целом*.

Обострение национальных противоречий на идеологическом уровне связано во многом с демагогическим употреблением лозунга о "Европе наций". Как упоминалось, он был выдвинут де Голлем, представителем устоявшегося политического образования, для которого не существовала опасность национальных расколов, и направлен против диктуемой "сверху" логики европейской интеграции, предполагающей не только общие экономические, но и военные структуры (типа НАТО). В конце 80-х годов лозунг "Европы наций" был использован и М.Тэтчер с целью отказа от идеи Европейского сообщества (ЕС). Она ратовала за идею нации-государства как некоего культурного единства, готового к сотрудничеству, но суверенного. Демагогическое употребление лозунга "Европы наций" заключается в том, что независимость считается необходимой для каждого народа при любых обстоятельствах – что при более пристальном рассмотрении оказывается платформой для распределения властных полномочий для местной элиты. Результат – дезинтеграция страны, а то и региона, политическая нестабильность, экономический упадок. Дезинтеграция Российской империи, похоже, подняла акции этой концепции в Европе, замечает в своей книге "Месть истории. Восточноевропейские революции и марксизм" известный политолог А.Калданикос¹. Но национальное самоутверждение породило и новые разрушительные импульсы, создающие угрозу Национального сепаратизма, с которым нельзя входить в XXI век.

* Прибегая к данному термину, мы абстрагируемся от толкований в духе как М.С.Горбачева, так и его оппонентов, считая при этом потенциал данной идеи вполне реализуемым, как оказалась осуществимой идея Соединенных Штатов Европы, предложенная К.Каутским в 1914 г., для Европейского сообщества.

Таковой и проявился в Чехо-Словакии.

Если - в краткой ретроспективе - посмотреть на этот процесс, то создается впечатление, что лидеры (элита), с одной стороны, и народ (массы) - с другой, только и были озабочены тем, чтобы не допустить распада страны.

Премьер-министр Чехо-Словакии, а сейчас Чехии В.Клаус тщательно ставил акценты на экономических проблемах. Он не выдвигал политических лозунгов о необходимости распада. Но мозаика его действий и инициатив, его экономическая стратегия предполагали такие предпочтения для Чехии, которые не могли не вызвать некоторого рода невропатической реакции со стороны лидеров Словакии. В ответ они выдвигали программу, иллюзорно предполагавшую решение экономических проблем на "суженном" пространстве.

Это касается действий на макроэкономическом уровне, в ходе которых забывалось, что одно дело свертывать поддерживаемые государством экономические программы в монациональном государстве, например, в Австрии или Швеции (где это, кстати говоря, происходит тоже небеспроблемно), совсем другое - в многонациональном. Во втором случае такое свертывание, на словах обеспечивая равные стартовые условия, по существу создает и углубляет пропасть между регионами*.

Во-вторых, поспешность устремленности к мировому рынку всевозможных новых структур, а не вживаемость в него уже существующих не может не обострить региональные проблемы. Если стремиться в рынок, как прыгнуть в последний вагон отходящего поезда, то неизбежно нужно оттолкнуть более слабого, а это ведет к усилению дисбаланса.

* Важный момент в экономической политике XX в.: ущемляются не страны, а слои. К примеру, крестьяне Франции, производители промышленных товаров в Америке и т.п. Соответственно и компенсации производятся на других основаниях и они легче осуществляются в рамках б о л ь ш о г о государства. Малое - подвержено большим кризисам, помощь может поступить лишь извне. И в этой перспективе Чехии и Словакии будет лишь хуже...

В-третьих, по макроэкономическому сценарию В.Клауса, равно как и других ультрарыночников, все проблемы решаются сменой форм собственности, введением конвертируемой валюты, рынком рабочей силы с каким-то уровнем безработицы и т.п. Все сводится к экономической эффективности. И в этом немалая доля истины. Но далеко не вся. Есть еще и политические приоритеты, общность культурных традиций, место и авторитет страны в регионе, Европе и мире.

Есть морально-политический престиж страны, который, естественно, не может не изменяться в случае ее дробления. А это рано или поздно сказывается и на экономическом потенциале. Все эти моменты не учитывались в программе Клауса, а, может быть, и игнорировались ею. И — как противовес — не могла не возникнуть ситуация измельчения макроэкономических тенденций. Ведь если на макроуровне предполагать разбалансирование во имя любой идеи или направления — свободного рынка, повышения эффективности производства, опоры на частный капитал и т.п. — и при этом закладывать эту идею в программы, то результат предвидеть нетрудно — он будет отрицательным, ибо разрушатся продуктивные экономические связи.

На более низких уровнях экономической политики В.Клаус предпринял ряд действий, усугубляющих региональный дисбаланс, провозглашая стратегию на выживание сильнейших. Все-таки это была "шоковая терапия", вопреки заверениям о постепенности перехода.

Следует подчеркнуть, что в советской и чехословацкой историографии до 1989 г. проблема отношений между чехами и словаками в рамках единого государства решалась на принципах "пролетарского интернационализма". Осторожные выводы делались и западными историками. Лишь небольшая часть историков-эмигрантов, особенно словацких, считала необходимым всемерно поддерживать идею независимого словацкого государства. Реальный опыт 1989 г. и особенно 1992 г. еще не осмыслен и оценить его однозначно невозможно, по крайней мере до конца нынешнего тысячелетия, пока не сформируется "новая

история" страны, точнее двух стран.

История Чехо-Словакии как государства насчитывает всего 75 лет — время жизни одного человека. История чехо-словацкого единства или "взаимности" еще примерно столько же. История же взаимного тяготения народов, населяющих Чехию и Словакию, насчитывает тысячелетие. При этом опять-таки примерно 70 лет (833-906) — в рамках Великоморавской державы существовало на землях нынешних двух государств единое образование². Эти факторы надо постоянно иметь в виду, анализируя вопрос о распаде государства Чехо-Словакии.

Можно сказать, что при "идеологизированном" (без негативных оценок данного термина) подходе история Чехо-Словакии — это, во-первых, некая сумма "воспоминаний о будущем" (о Великоморавской державе); во-вторых, политические комбинации в переходе от монархизма к демократии (формула Т.Г. Масарика, которую сегодня можно конкретизировать как представляющую уход от тоталитаризма); в-третьих, идеи славянского единства как прообраза единения Европы.

Образовавшееся в 1918 г. новое государство не только было признано мировым сообществом, но и динамично развивалось в социально-экономическом плане, входя в десятку высокоиндустриальных стран мира. Такой динамизм скрывал имевшиеся и возникавшие сложности в отношениях между чехами и словаками. И то, что такое движение скрадывало сложности, относило их на второй и даже на третий план, — вполне естественно.

Национальный вопрос в послевоенной Чехословакии? "Такого не существует" — была идеологическая установка правящих кругов, ориентированных на коммунизм в течение 45-летнего периода истории страны (1948-1989 гг.). Эта иллюзия сохранялась — хотя уже частично — и в самом начале "бархатной революции".

С позиций буржуазного демократизма эта идеологическая установка в форме "чехословакизма" разрабатывалась с 1918 по 1939 гг. Она, конечно, не отражала всего богатства жизненных реалий, не охватывала всех сложностей отношений меж-

ду "ведущими" нациями и национальными меньшинствами, включая немцев, венгров, украинцев. Эта идеологическая установка по-разному была воспринята чехами и словаками, а также меньшинствами, особенно образовавшимися из двух прежде господствовавших народов (немцев и венгров). Чехов она устраивала больше всего, большая часть словаков примирилась, но уже с 20-х годов началась упорная борьба за автономию, за признание самобытности словаков. Немецкие депутаты на первом же своем выступлении в парламенте отвергли "сказку о чехословацком народе" и заявили, что никогда не перестанут бороться за свое право на самоопределение. Подобным образом прозвучало тогда и заявление венгров, которые "против своей воли, насильно были вырваны из венгерского тела"³.

Другая позиция — обеспечение права каждой нации на самоопределение — также наличествовала. Она была скорее заимствованной, чем местной — как "чехословакизм" или даже социализм (ведь "социализм с человеческим лицом" — продукт чехословацкой действительности. И закончилась ли эта линия тупиком?). Немецкие районы (Судеты) тяготели в 1918–1938 гг. к Германии. Подкарпатская Русь вела борьбу за свою украинскую идентичность и ориентировалась на советский Восток. Были районы тяготевшие к Венгрии и Польше. Но вся опасность этого процесса открывалась в кризисных ситуациях на уровне государственных структур в 1938, 1992 гг. и в меньшей мере в 1948 и 1968 гг. (были такие кризисы в 1919, 1925, 1933 и 1960 гг.). В это время обнажались, точнее выпячивались, в первую очередь, якобы коренные противоречия между "эксплуататорами"—чехами и "угнетенными"—словаками. Вследствие этого Чехословакия как единая страна перестает существовать. Так было в 1938–1939 гг., так случилось и в 1992–1993 гг. Фундаментальный вопрос в этом плане таков: жизнеспособны ли федеративные (включая дуалистические, как Чехословакия) модели многонационального государства в принципе? Вписываются ли они в перспективу общеевропейского развития? Может быть, для того, чтобы объединиться, надо разъединиться — не по образцу Австрии и Венгрии в результате поражения в

войне 1914–1918 гг., а по примеру Швеции и Норвегии, отказавшихся в 1905 г. от унии?

Вынесем за скобки вопрос об экстремальной цене такого разделения – разрушения не только экономических связей, но и о человеческих жертвах, как это имеет место в Югославии и некоторых районах бывшего СССР. Постараемся разобраться в наиболее спокойном, "бархатном" варианте такого разделения, определить его ретроспективу и перспективу на фоне одобрения или отвержения идеи федерального государства, регионального, а затем и общеевропейского единства.

Обратимся не только к идее, но и к реальности, которую она отражает. А эта реальность заключается в том, что Европа разделилась на три региона: Западная Европа, Центральная Европа и страны бывшего СССР. В каждом из них идет интенсивный поиск региональной идентичности (осознание себя как региона).

И для одного, а то и двух регионов новый смысл приобретает идея славянского единства, подвергаясь тяжелым испытаниям в конце 80-х годов: на фоне политико-экономического и культурного единения Восточная Европа дезинтегрируется. И одна из причин – чрезмерная устремленность к Западу, связанная с забвением своих политических и культурных традиций.

В первом из трех регионов – на Западе Европы – наиболее благополучном экономически и стабильном политически – воплощается идея Соединенных Штатов Европы, высказанная К.Каутским еще в начале XX в.

Кардинально противоположные процессы происходят на Востоке Европы, где, наоборот, рвутся связи, десятилетиями налаживавшиеся и устоявшиеся. С учетом этих факторов и нужно анализировать положение государств третьего из названных регионов – включающем в себя страны Балтии и до Адриатики. В него входит разделившаяся на два государства Чехо-Словакия.

В чем причина такого разделения? Каков его исторический фон? На эти вопросы нельзя ответить, игнорируя тенденции развития региона в целом.

Примечательной особенностью внешнеполитического курса стран этого региона (в основном это государства бывшего социалистического содружества) является резкая переориентация на Запад. При этом наблюдается даже некоторая "состязательность" данных стран в их попытках приблизиться к Западу даже ценой потери региональной идентичности. Эти процессы нашли свое отражение во внутривнутриполитических изменениях ряда государств. В первую очередь, это касается Чехо-Словакии. Хотелось бы подчеркнуть, что события, происходящие в ней, часто служили как бы сигналом о кризисе в рамках всего Европейского континента. Достаточно вспомнить Мюнхен 1938 г. и Февраль 1948 г. — события, приведшие к резкому размежеванию сил в Европе.

Разумеется, ситуация 1993 г. не повторяет ситуаций 30- и 40-х годов, но тем не менее, на наш взгляд, распад единого государства свидетельствует о возможности создания и укрепления нового рода кордона между Востоком и Западом Европы. Слова о торжестве демократии, о свободном выборе, о похожести рыночных отношений не отменяет этой реалии, которая выражается в ориентации на политическую стабильность и экономическое развитие в одном крыле Европы, в неустойчивости того и другого во втором крыле и в поиске новой идентичности в поясе государств между ними. Результаты этого поиска, на наш взгляд, кардинально важны для судеб "общеевропейского дома" и мира в целом. Хотя это не осознается в должной мере сегодня, когда политическую жизнь в ряде стран данного региона можно уподобить полыханию костров амбиций и претензий.

Следует отметить, что проблема региональных особенностей в отечественной историографии основательно искажена несостоятельной идеей-мифом о "социалистическом лагере", "социалистическом содружестве". Во времена своего становления эта идея во многом заменила идею славянского единства. И та, и другая имели явную региональную привязку и были ориентированы на союз с мощной силой на Востоке — в лице России СССР. После 1989 г. такие идеи, как представляется, слишком

поспешно сдаются в исторический архив. Тем более, что проблема новых форм регионального единения не снимается. Политические реальности — появление и разделение на группы новых государств в бывшем СССР осложняет и обостряет ее актуальность. Достаточно вспомнить хотя бы о странах Балтии.

Общая оценка такова: в принципе федеративное государство любой части Европы возможно, более того, оно в большей мере отвечает задачам вступления в стадию постиндустриального общества и стандартам демократического его обустройства. Что же касается "революционного распада" таких государств, то его можно осознать, опираясь на открытый в свое время П.Б.Струве парадокс исторического развития России: революция — это реакция. Это не новояз, по Оруэллу, а результат конкретного анализа тенденций непрерывного экономического развития и принципиальной прерываемости, приносимой политической революцией. В плоскости национального вопроса — это пренебрежение устоявшимися связями "центра" и "окраин" — в пользу самостоятельности последних.

Всеми общественными силами Чехо-Словакии признавалось, что прокламируемая цель последней (1989 г.) революции и меры по ее осуществлению — социальное развитие по западному образцу, вхождение страны в фазу постиндустриального развития экономически целостной и политически сбалансированной. Но одновременно в Чехо-Словакии и в каждой из ее составных частей имелись политические силы, обуславливавшие этот процесс достижением своих целей. Эти цели носили партикуляристский, если не сепаратистский характер. Вследствие этого они противопоставлялись реальным или вымышленным целям оппонентов, способствуя эскалации конфликтов между ними. Благоговение этих целей можно признать, лишь встав на позиции их носителей. Региональная же или общеевропейская перспектива с возможным (и неизбежным, если предсказывать тенденцию экономического развития, а не стагнации) подключением к ней стран бывшего СССР — делает более предпочтительным вхождение федеративной страны, чем ее составляющих.

Поэтому можно предполагать: Чехо-Словакия входила бы в Европейское Сообщество дольше и с большими затруднениями, чем будет входить "развитая" Чехия и более "отсталая" Словакия. Но этот тактический выигрыш усугубляет стратегическую разобщенность между Востоком и Западом, что раньше или позже скажется на отдельных частях страны.

Предельно упрощая ситуацию, можно сказать: Чехия и Словакия, успешно достигнув каждая своих целей, завтра-послезавтра проиграют из-за отсутствия единства. Дело в том, на какие методы решения проблем ориентироваться.

Различие в темпах экономического развития регионов и частей страны — обычное дело. В Европе есть свой "юг" и свой "восток". В Италии есть свой "юг", а в Германии — "восток". Но и тенденция к общеевропейской интеграции предусматривает не отбрасывание, а подтягивание их. В Восточной же Европе доминирует тенденция взаимного отбрасывания, отталкивания. Деструктивность ее последствий видна невооруженным глазом. Чехо-Словакия представляет собой страну, где этот поворот мог быть осуществлен вспять в рамках региона. Поворот экономически более чем оправдан, но верх берут сепаратистские тенденции.

С оглядкой на уроки истории будут рассматриваться возможные трактовки процесса распада единого государства с учетом перспективы идеи общеевропейского дома, которая в обозримом будущем, на наш взгляд, станет более весомой.

Следует подчеркнуть, что с середины XIX в. то, что английский историк Дж. Моррисон называет формулой Чехословакии, во многом "побуждалось потребностью чехов в словаках для противостояния многочисленному немецкому меньшинству и предпочтением словаками союза с чехами политике мадьяризации"⁴. В дальнейшем она эволюционировала и над ее разгадкой будет трудиться еще не одно поколение историков. Исно, что однозначные ответы здесь неприемлемы, как ясно и то, что без учета внешних воздействий, которых в центре Европы никак нельзя избежать, о ней будет невозможно даже составить адекватного представления, не говоря уже о прогнозе.

С учетом этой формулы сделаем предельно краткий экскурс в историю взаимоотношений чехов и словаков, выделив периоды взаимного притяжения и взаимного отторжения.

В истории взаимопритяжения чехов и словаков в новейшее время четко просматриваются две кульминационные точки: 1918-й и 1945-й годы.

28 октября 1918 г. на развалинах Австро-Венгрии возникла Чехословацкая республика, создание которой было освящено идеей чехословакизма. Что же явилось побудительным мотивом, главной движущей силой взаимопритяжения чехов и словаков в тот конкретный исторический период? Идея славянского единства в сочетании с потенциалом модернизации и развитием демократии в стране. Страна выглядела идеальным местом для сочетания этих тенденций и во многом была таковым, на что мог ориентироваться в перспективе и регион в целом.

Известно, что среди словаков наиболее ясно перспективу единого чехословацкого государства видели гласисты, ранее обучавшиеся в Чехии словаки, группировавшиеся вокруг журнала "Глас". Но эта идея не была чуждой и словацким националистам, лидер которых А.Глинка заявлял 24 мая 1918 г.: "Для нас абсолютно необходимо решить, что надо делать: продолжать союз с венграми или идти с чехами. Давайте же не будем избегать вопроса и скажем открыто, что мы за чехословацкую ориентацию. Тысячелетний брак с Венгрией неудачен. Необходим развод"⁵. Это говорил политик. Широкие массы осознали весь потенциал идеи гораздо позже, во время осуществления аграрной реформы.

Политическому гению Т.Г.Масарика удалось найти весомые формулы для нового государства в виде Чехословацкой республики. На Парижской мирной конференции (1919-1920 гг.) позиция чехов была ясна и рациональна: одни они малы по численности, объединившись же со словаками, можно создать Чехословакию как самостоятельное государство-преемник определенной части Габсбургской империи. Таково было воплощение "формулы Чехословакии" в тот период. Важно отметить, что

чехословацкий президент видел в своей стране прообраз славянского единства. Новое государство в основе своей имело две опоры – историческое право, направленное против Австрии, и принцип национальности, ориентированный против Венгрии.

Вторая кульминационная точка: 1945-й год – воссоздание после разгрома фашизма Чехословацкой Республики (ЧСР). Содержание "формулы Чехословакии" к этому времени в новых исторических условиях изменилось: она становится воплощением совместной антифашистской борьбы чешского и словацкого народов, широкого участия коммунистов и некоммунистов в Словацком Национальном восстании 1944 г. Следует подчеркнуть, что это восстание выглядело как выступление словаков не за собственное национальное государство, а за восстановление союза с чехами в едином государстве. "Это был редкий случай в истории, когда народ пошел на революцию против своего собственного национального государства и смел его как преграду на пути восстановления союза с чехами в едином чехословацком государстве"⁶.

Таковы кульминационные точки взаимоприятия, и историческая память народов двух наций не может не сохранять их сегодня.

Однако надо всегда помнить, что в XX в. Чехословакия как единое государство испытывала колоссальные перегрузки. Можно постоянно подчеркивать: эти перегрузки связаны в первую очередь с навязчиво повторявшимися кризисами чехословацкой государственности. Можно условно выделить четыре кульминационные точки этих кризисов, представляющих собой этот процесс отторжения двух наций в XX в. – они таковы: первая (16 июня 1919 г.) – образование Советской Словацкой Республики; вторая (14 марта 1939 г.) – образование Словацкой республики, независимого государства. В качестве противовеса в среде словацких коммунистов на рубеже 1940–1941 гг. появляется лозунг "За Советскую Словакию" в составе СССР; третья – 1968-й год; четвертая (январь 1993 г.) – создание двух независимых государств Чехии и Словакии.

Объединяет названные выше даты и связанные с ним собы-

тия, прежде всего, экстремальность условий, в которых происходит отвержение или крушение идеи чехословацкой государственности. Подчеркнем, что все эти кризисы давали более чем достаточно оснований для противостояния "чехизма" и "словакизма". Таким образом, едва начав осуществляться (октябрь 1918 г.), идея государственного единства чехов и словаков подверглась серьезным испытаниям (июнь 1919 г.). В этой череде кризисов государственности и можно, на наш взгляд, выявить энергию алгоритма* и для сегодняшнего распада единого государства в бывшей Чехословакии.

Как отмечают западные историки, "первоначальная эйфория от создания нового государства не могла не лишиться позолоты, скрывавшей различия, на которые часто и явно делала акцент чешская сторона"⁷. В некоторых из ее установок заявлялось, что словаки были отсталым, глубоко религиозным народом, не избавившимся от феодально-аграрных представлений и порядков; что им не был присущ инстинкт предпринимательства, а их бизнес находился под контролем венгров, евреев и немцев. Чехи же в таких рассуждениях представлялись экономически и культурно процветающей нацией, скорее свободомыслящими, нежели строгими католиками, с более высоким уровнем социальной дифференциации.

С самого начала привычный страх перед венграми и нехватка чиновников обрекли Словакию на усиление линии на централизацию — вопреки необходимости здоровой децентрализации в управлении. Действительно, небольшому числу грамотных и преданных национальной идее словаков была не под силу "геркулесова задача создания правительства и государственной машины из ничего"⁸. Из Чехии пришли несколько тысяч добровольцев-патристов, без которых, например, просто не работали железные дороги. Чехов приветствовали еще и потому, что в июле 1919 г. они помогли отразить вторжение венгров, инспи-

* Алгоритм — набор правил, позволяющих строго механически и с определенной последовательностью операций решать любую конкретную задачу из класса однотипных.

рированное националистическими чувствами. Но все же многие забывали, что Словакия преобразалась ради самой себя, а не ради Чехии⁹.

Чешских чиновников и учителей поначалу приветствовали - ведь они заменяли ассимиляторов-венгров. Но в дальнейшем их миссионерское рвение, колонизаторские установки и даже импульсы завоевательства оттолкнули от них массы. Чехи стремились закрепить свои позиции также в полиции, армии, бизнесе, нередко оттесняя образованных словаков. "Однако громкие национальные призывы и обвинения чешских захватчиков сводились к желанию занять освободившееся кресло"¹⁰. Политика официальных властей Чехословакии вела к колонизации Словакии пришедшим чешским населением. Например, чехи занимали места проводников на железной дороге, клерков и даже дворников, с которыми вполне могли справиться и словаки. Ведь это не судьи или университетские преподаватели, которых надо готовить годами. Предприниматели хищнически грабили сырье, поддерживали высокий уровень безработицы. Отсюда - непрекращавшаяся эмиграция словаков по экономическим мотивам. Число чехов в Словакии в 1918 г. составляло 7 тысяч, а в 1921 г. - достигло 71 тыс. человек¹¹.

Конечно, большинство чехов верили в идею чехословакизма, утверждавшую близость двух наций, их языка, исторических корней и т.д. В Словакии лишь "чехословакофилы" (они, разумеется, не были в большинстве) считали, что словаки случайно отделились от "чехословацкого народа". "Большинство же считали себя отдельной нацией со своим языком и они ратовали за те же права в новом государстве, что и чехи"¹².

К концу 30-х годов Чехословакия оказалась в такой ситуации, в которой проблема единого государства стала решаться в жестких условиях внешнего давления. Речь идет прежде всего о немецком меньшинстве. Т.Г. Масарик постоянно призывал к терпимости в отношении проживавших в Чехии немцев как до создания государства, так и в годы своего президентства. Он повторял, что немцы должны чувствовать себя как дома. Но не просто быть здесь дома. Масарик "не призывал к превраще-

нию национального государства в государство национальностей"¹³. Однако судетские немцы, тяготевшие к Германии, разгрызли карту "национальной ущемленности", многие из них стали нацистами. Был ли возможен другой вариант? Пожалуй, да. В 1929 г. чешских социал-демократов пригласили участвовать в правительстве, но они дали согласие с условием, что это приглашение распространится и на немецкую социал-демократическую партию"¹⁴. Последней нелегко было отказаться от некоторых национальных пристрастий, но она вошла в правительство с целью защиты интересов рабочего класса, а ее лидер доктор Чех стал министром социального обеспечения. Это — светлое пятно в отношениях двух наций, затемненное национал-социалистами 9 лет спустя.

Анализируя историю реализации принципа национального самоопределения на протяжении четверти века, английские историки признают, что особо зловещие плоды он принес в Югославии и Чехословакии. Корни сегодняшних бед они видят в политике В. Вильсона. Провозглашенное в его 14-ти принципах право на самоопределение "посеяло зубы дракона"¹⁵. В конце 30-х годов в Чехословакии нация была принесена в жертву во имя "самоопределения народа" — судетских немцев"¹⁶. Государственный секретарь США при Вильсоне и его критик Роберт Лансинг называл принцип самоопределения наций "политическим динамитом".

Появление независимого словацкого государства и его существование с 1939 по 1945 гг. остается наиболее сложным вопросом, вызывающим противоречивые интерпретации и возбуждающим бурные эмоции"¹⁷. Одни видят в нем исторический шаг вперед, кульминацию национальной борьбы, начавшейся задолго до 1914 г. и не прекращавшейся в годы первой республики. Другие считают его государством-сателлитом, контролируемым Берлином, клерофашистским и враждебным устоям чехословацкой демократии. Есть мнение и о том, что создание государства было вызвано желанием словаков избежать судьбы чехов, т.е. оккупации"¹⁸.

Хотя во время войны в Словакии развился каждый из секто-

ров — экономический, социальный, культурный, однако ценой была утраченная демократия, жесткий контроль со стороны клерикалов, преследование словацких евреев. Национальная же независимость была скорее формальной, чем реальной.

Программа правительства Национального фронта чехов и словаков (апрель 1945 г.) исходила из признания самобытности словацкой нации и ее национальных органов как носителей действительного равноправия чехов и словаков в новом государстве. Однако в программе не затрагивался вопрос о форме будущего государственного устройства, а также не определялась компетенция общегосударственных и словацких органов власти¹⁹. Эдвард Бенеш, отстаивавший свою концепцию "единой чехословацкой нации", вынужден был признать положения Кошицкой программы.

Однако связанная с этим эйфория закончилась в 1948 г. Цикл повторился в 1968 г. и породил новую эйфорию. При Готвальде и Новотном превалировала асимметричная модель, когда решения по Словакии принимались в Праге. Более национально ориентированный курс, связанный с именами Г. Гусака, В. Клементиса и Л. Новомеского, отвергался и был осужден в начале 50-х годов.

Законом от 28 октября 1968 г. (в день 50-летия образования Чехословакии) была создана федеративная республика. Но, придя к власти после подавления "пражской весны", Гусак усиливал именно центральные органы. Вновь возникли старые централистские болезни. Новым была убежденность чехов в доминировании словаков в центральных органах, и недовольство стало проявляться с двух сторон.

Западные исследователи отмечают, что до 1938 г. "чехословацкая рыночная экономика оказалась неспособной поднять Словакию до уровня чешских земель", но ведь этого не смогли осуществить и коммунисты²⁰. Кроме того, как подчеркивают некоторые историки, чешская политика со своим патернализмом очень опаздывала с усвоением словацких проблем и потребностей.

Данный далеко не полный исторический экскурс многое

объясняет в событиях "бархатного развода". Фактически развалилась страна — во многом вопреки воле ее граждан. Амбициозные политики обвиняют в этом развале друг друга, но делают это более страстно, когда обосновывают линию на сепаратизм.

Мировое сообщество если не встревожено, то обескуражено происходящими процессами, не веря в целом в их благоприятный исход. Со страниц журналов и газет все не сходит имя В. Гавела, но появились новые характеристики. Подчеркивается, что он не проявил политической мудрости и гибкости, дополненной рутинными политическими и юридическими процедурами в защиту конституции именно Чехо-Словакии. Еще в июне-июле 1992 г. многие чехи и словаки надеялись, что Гавел удержит страну от распада. Однако "приверженцы Клауса, аккуратно одетые и состоятельные люди, исповедующие философию свободного рынка, считали лучшим выходом именно разделение. Это же касается и шахтеров Словакии, аплодирующих Мечъяру, начертавшему на своем знамени лозунг борьбы с "экономическим экспансионизмом" Клауса"²¹.

"Капитализм и демократия расширяют пропасть между чехами и словаками, давая начало периоду необузданной нестабильности в Чехословакии"²², — писал журнал "Ньюсуик", как будто защищая социализм. Естественно, вряд ли американские журналисты выступали за возвращение социализма, но им свойственна была констатация факта: было так, а стало так... И дальше оценки журнала не отличались "деликатностью": менее чем через три года после прихода к власти В. Гавела и провозглашения им идеала "интеллектуального, культурного и подлинно гуманного государства" страна встретила жесткую реальность. Она — в разделенном обществе без общих устремлений, с коррупцией в общественной жизни, с непрекращающимися обвинениями в адрес коммунистического прошлого. Страна приближается к XXI веку, оборачиваясь назад, на "старые грехи". Не для того ли на них обращается такое пристальное внимание, чтобы новые лидеры безбоязненно преследовали свои личные цели? Ведь всем ясно, что экономическая

цена развода будет чрезвычайно высокой, поддержка извне ослабевает, а уже проведенные преобразования в экономике снизят свою эффективность. Падает международный авторитет страны, а ее лидеры заняты разъяснениями неизбежности распада, как будто их инициатива принципиально не может быть направлена на поиск путей единства²³. Так характеризовал ситуацию журнал "Ньюсуик".

Клаусу удалось создать имидж человека, ориентированного в первую очередь на экономические проблемы. Политику он как бы отдал на откуп Мечъяру. Но "отец экономической реформы" проявил себя как сверхжесткий политик, умело разгравивший карту сепаратизма и поставивший под контроль президента Гавела. Естественно, именно он определял регламент "развода" в ключевой – экономической сфере.

Западная пресса уловила моменты подозрительности и взаимных обвинений чешских и словацких лидеров при распаде страны. Так, газета "Монд" опубликовала 7 июля 1992 г. интервью с В.Мечъяром. Словацкий политик, в частности, утверждал, что в распаде Чехо-Словакии повинны чехи, подталкивающие Словакию к независимости, хотя последняя к ней пока не готова "в полном объеме". Невозможно, например, быстро создать свой собственный центральный банк и т.д. В опубликованном в той же газете спустя десять дней интервью Клауса отмечается неприятие им идей конфедерации и говорится о наличии сепаратистских тенденций в Словакии²⁴.

В июне 1992 г. на недвусмысленный вопрос: "Высказываетесь ли Вы за разделение Чехо-Словакии на самостоятельные чешское и словацкое государства?" в Чешской республике 35,5% опрошенных ответили "да", а 64,5% высказались против. В Словакии соответственно – 34,9% и 65,1%. Однако уже месяц спустя в Чешской республике 43,7% ответили "да", 56,3% – "нет"; в Словакии соответственно 36,8 и 63,2%. Более половины опрошенных были убеждены, что распад состоится²⁵.

Экономические трудности в связи с этим не вызвали сомнений ни у кого. Однако не только националистические лиде-

ры, но и сам Мечъяр давали упрощенные ответы, видя в независимости Словакии единственный выход для народа, находившегося "под тысячелетним венгерским игом, попавшим затем под тяжелую руку администрации Праги на 73 года"²⁶. Словаки должны освободиться от этого, — призывали политики, — не представляя себе, чего это будет стоить.

Клаус и Мечъяр декларировали прямо противоположные цели. Гражданская демократическая партия была за союз, а Движение за демократическую Словакию — за разъединение. Клаус выступал за жесткие принципы свободного рынка; в то время как Мечъяр (бывший коммунист) — против шоковой терапии. Клаус был за избрание Гавела президентом Чехо-Словакии, а Мечъяр — против.

Конечно, Словакия с населением в 5,3 млн человек (при этом 300 тыс. словаков живут в Чехии и лишь 50 тыс. чехов в Словакии) более крупная страна, чем Ирландия или Норвегия, не говоря уже о странах Балтии. Фактом является и то, что историческая судьба не была благосклонна к словацкому народу. Но "разрыв обойдется дорого именно Словакии"²⁷. В ней в настоящее время большая безработица, которая будет усиливаться в результате экономического дисбаланса в развитии. Вряд ли сюда хлынут иностранные инвестиции (Словакия и ранее получала их не более 10%). Международный валютный фонд (МВФ) прохладно относится к перспективе пересмотра программы помощи. А Чехия, избавившись от Словакии, может на какое-то время резко продвинуться вперед, хотя, повторимся, это будет лишь тактический выигрыш.

Непроста ситуация и с венграми, которых в Словакии, по данным Федерального статистического управления ЧССР за 1991 г. около 570 тыс. человек. "Словацкие венгры" были недовольны своим положением еще до распада ЧССР, считая недостаточным тот минимум национальных прав, которым они пользовались в течение десятилетий (заметим в скобках, что в самой Венгрии вплоть до лета 1993 г. не было закона о национальных меньшинствах, а ее официальные представители весьма неохотно касались темы положения "венгерских

словаков").

В апреле 1992 г. группа депутатов Словацкого Национального Совета венгерской национальности предложила свой проект решения проблемы национальных меньшинств, в котором, в частности, содержалось требование условий для добровольного объединения в регионы, где высшим органом управления мог бы стать совет национальных меньшинств, т.е. речь идет о национально-территориальной автономии (по типу области Южный Тироль в Италии, имеющей свой собственный парламент). Отчасти подобные выступления связаны с опасениями венгров, что в независимой Словакии у них будет меньше прав и возможностей, чем ранее.

Словацкая конституция предусматривает соблюдение гражданских и языковых прав национальных меньшинств и этнических групп при условии, что они "не угрожают суверенитету и территориальной целостности и не способствуют дискриминации остальной части населения". Необходимо, однако, чтобы все провозглашаемое претворялось в жизнь, что, в свою очередь, невозможно без последовательного преодоления стереотипов как на словацкой, так и на венгерской стороне и без стабилизации экономической и политической обстановки во вновь образовавшемся государстве.

Начало 90-х годов — это время резкого обострения национального вопроса без явного давления извне. Трудно, например, обвинить в насильственном расчленении страны немцев (как было в 1938–1939 гг.) или же СССР. На волю вырвались силы популистского национализма местного происхождения. Так, по мнению журнала "Ньюсуик", он в особой мере присущ Мечъяру с его способностью сочетать правые и левые лозунги. Но такой популизм имеет короткое дыхание²⁸. Он игнорирует реальности, складывающиеся небеспроблемно, но неуклонно в Западной Европе. Действительно, констатирует журнал, Словакия будет принадлежать себе самой²⁹. Однако, альтернативой этому является вступление в содружество с чехами, венграми, поляками, которые, похоже, будут первыми присоединяться к Европе. Словакия может сделать

"прыжок назад, в толпящийся второй ярус беспокойных наций с малыми возможностями поддерживать у себя мир"³⁰.

Распад Чехо-Словакии — сокрушительное поражение дела Т.Г.Масарика. При всех издержках, включая известную приверженность "чехословакизму" и отрицание культурно-политической специфики Словакии, оно было т р а н с н а - ц и о н а л ь н о и содержало проект е д и н е н и я Европы, осуществляющийся сегодня на Западе, несмотря на то, что он выдвинут в Центре Европы. Это поначалу признавал и В.Гавел, по мнению многих интеллектуалов и политиков, духовный преемник первого президента Чехословакии. Правда, настораживало то, что у Гавела все-таки недоставало конструктивных идей относительно будущего страны и каждой из двух ее частей.

Последствия распада Чехо-Словакии весьма удручающи на геополитическом, региональном и местном уровнях.

Философ И.Свитак неоднократно подчеркивал, что Чехословакия служит м о с т о м — между Востоком и Западом. Причем мостом, возводимым на зыбком грунте³¹.

Образно говоря, у этого моста были две опоры — Чехия, ориентированная больше на Запад, и Словакия, соответственно, на Восток. Они именно ориентированы, а не в полной мере интегрированы. И как раз в этом уникальность и богатство их исторической судьбы. Страна отказалась от такой судьбы, чрезмерно поддавшись процессам с коротким историческим дыханием во имя соображений о тактических выгодах.

Необходимость такого моста выявится неизбежно после стабилизации отношений между Россией (с сопредельными независимыми государствами) и объединяющейся Западной Европой. Если же такое улучшение не предвидится, а экономически между ними будет углубляться пропасть — и Чехии, и Словакии может быть уготована роль государств "санитарного кордона". Выгод от такого статуса трудно ожидать. И чем определеннее будет "большой санитарный кордон" между Востоком и Западом, тем интенсивнее он станет воздействовать на "кордон малый" — между Чехией и Словакией. Как подчеркивал И.Дин-

стбір, Словакия может стать недостающим звеном в целом поясе европейской нестабильности — от Балтии до Адриатики.

В р е г и о н а л ь н о м плане — распад Чехо-Словакии означает разрушение осей Север-Юг и Восток-Запад. Польше труднее будет проводить экономическую политику на ее южных границах, Венгрии — на северных. Намечавшиеся перспективы Вишеградской тройки осложнились.

Что же касается второй оси, то, естественно, Словения, Венгрия, Чехия быстрее приблизятся к Западу (оттесняя при этом Польшу). Но это приближение будет похожим скорее на непреодолимое притяжение большим движущимся кораблем небольших суденышек.

На м е с т н о м уровне не удастся избежать процессов, условно говоря, "чехизации" некоторых частей Словакии (т.е. ускоренного развития этих частей за счет других) и "словакизации" Чехии (ряд ее регионов могут отстать в темпах развития из-за прервавшихся связей). Возрастет значение статуса национальных меньшинств, в первую очередь, венгерского в Словакии. Кроме того, обострится политическая борьба внутри новых государств, ибо, как показывает новейшая история региона, чем меньше становится страна, тем больше в ней амбициозных политиков, считающих себя способными защищать интересы народа (народов), тем яростнее заявляют свои позиции многочисленные партии. Даже без кровавого югославского исхода это неутешительная перспектива.

Почему Чехо-Словакия взяла в качестве образца опыт СССР, а не Европейского сообщества? В вопросе содержится тот элемент иррационального в истории, без чего она, собственно, не была бы историей.

В заключение несколько соображений о поиске новой перспективы восточноевропейского единства — уже с учетом существования Чехии и Словакии как независимых государств. Речь идет о превращении "Вишеградской тройки" в "четверку", что, на наш взгляд, явно связано с повышением уровня амбиций, в первую очередь — Чехии. До этого три страны сохраняли примерно равные — хотя и по разным причинам — шансы вхождения

в ЕС (вопроса о сроках мы не касаемся): Венгрия – вследствие наибольшего продвижения по пути к свободному рынку, Польша – ввиду своей репутации как наиболее смелой в политическом отношении страны региона, а Чехо-Словакия – как экономически развитое государство. После распада Чехо-Словакии всех опережает Чехия, но ценой утраты политического имиджа*.

Конечно, национальный "эгоизм" этим не ограничивается. Чехия вполне могла стать "мастерской" Восточной Европы, а остальные страны – всего лишь рынком сбыта и более дешевой рабочей силы. Но не будет ли она вследствие этого одновременно и пунктом отчуждения Восточной и Западной Европы? Не появится ли здесь "очаг зависти", столь опасный в нестабильном мире?

За нынешними политическими шорами данные перспективы с трудом просматриваются, ибо они пока во мгле. Но любая комбинация: оторвавшаяся Чехия – и отстающие в разной мере Венгрия, Польша, Словакия; оторвавшиеся Чехия и Венгрия или даже оторвавшаяся тройка – без Словакии – конечно же, не облегчает дело созидания общеевропейского единства.

В целом неявно оформленную концепцию раздела страны можно строить по схеме: экономические посылки – политические следствия. Первую часть работы делал Клаус, вторую – Мачьяр. Им обоим противодействовал Гавел при молчании народов.

Состоялось очередное распытие чехо-словацкой идеи, которыми так богат XX век...

Нельзя сбрасывать со счетов психологического воздействия распада Чехо-Словакии на европейское и мировое сообщество, которое сегодня опасается новых очагов напряженности.

Наш прогноз заключается в том, что Чехия и Словакия будут вынуждены проявлять склонность к сближению, но это с логической закономерностью и психологической убедительно-

* Образно говоря, в ЕС идет не семья, а "облегченный" после развода муж, снявший с себя часть обязанностей и обязательств. Даже если он будет принят сегодня, его "ущербность" будет подчеркиваться завтра.

стью поставит вопрос: а зачем нужно было разъединяться?

Внешнеполитический курс, равно как и "идеи", во имя которых совершился распад, подвергнутся на Западе вследствие этого тяжелейшим испытаниям - после первоначальной "эйфории узнавания" новых государств.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Callinicos A. *Revenge of History. Marxism and East European Revolutions*. London, 1992; См. также: Е д е м с к и й А., З а д о р о ж н ю к Э. Конец и новое начало? // Свободная мысль. 1993. № 6. С.113-116.

2. Исходя из этого, известный чехословацкий историк-диссидент, проживающий с 1980 г. в Париже, где издавал журнал "Диалоги", Я.Тесарж предложил концепцию, которую определил как новое понимание чешского патриотизма и чехо-словацкой государственной идеи. И то, и другое, по его мнению, должно основываться на кирилло-мефодиевской идее, так как "чешское христианство началось не с немецкого коллаборанта (имеется в виду Я.Тус), произведенного в первого чешского национального святого, а с крещения чешского государя св. Мефодием". По его мнению, малопонятно, почему Масарик игнорировал кирилло-мефодиевскую идею. (См.:*Literárny týždeník*. 1991. № 41).

В происхождении "самоубийственной" идеи чехо-словацкого развода он обвиняет диссидентскую (в основном чешскую) историческую публицистику, в ряду которой особенно выделяет работу: P i t t h a r t P., O t a h a l M., P ř i h o d a P. *Čechové v novodobých dějinách*. Pr., 1991.

3. *Výber*. 1992. № 46. S. 19.

4. *Czech and Slovak Experience. Selected papers from Fourth World congress for Soviet and East European studies*. Harrogate, 1990 (Ed. by J.Morrison). 1992. P. 4.

5. *Slovensko. Dejiny*. Br., 1971. S. 637.

6. B o s s a k E. *Slovaks and Czechs: An uneasy coexistence // Czechoslovakia. 1918-1988. Seventy years from independence* (Ed. by G.Skilling). Oxford, 1991. P. 77.

7. *Ibid*. P. 67.

8. S e t t o n - W a t s o n R. *Czechoslovakia and Slovak Problem // Slovakia then and now. Political survey*. London-Praha, 1931. P. 33-34.

9. *Ibid*. P. 31-33.

10. *Ibid*. P. 34.

11. B o s a k E. *Op. cit.* P. 73.

12. *Ibid*. P. 74.

13. F e l a k J. *Slovak considerations of Slovak question: Ludak, agrarian and communist view in Interwar Czechoslovakia // Czech and Slovak experience ...* P. 164.

14. Ibid. P. 176.
15. Czechoslovakia. 1918-1988. Seventy years from independence ...
16. Ibidem.
17. В июле 1990 г. Президиум Словацкого Национального Совета возложил на независимую комиссию историков, политологов и юристов задачу комплексной оценки всех проблем и аспектов истории Словакии и Центральной Европы в период 1939-1945 гг. См.: *Sas*. 1990. 18.VII.
18. См., например: *D'urica M. Slovenský národ a jeho štátnosť*. Br., 1990; *Jozef Tiso: Slovenský kňaz a štátnik*. 1887-1939. Martin, 1992.
19. Краткая история Чехословакии. М., 1988. С.381-382.
20. *Bosak E.* Op. cit. P. 158.
21. *Newsweek*. 1992. 22. VI.
22. Ibidem.
23. Ibidem.
24. *Monde*, 1992. 16.VII.
25. *Lidové noviny*. 1992. 31.VII.
26. *Felak J.* Op. cit.
27. *Newsweek*. 1992. 25. IX.
28. *Newsweek*. 1992. 22. VI.
29. Ibidem.
30. Ibidem.
31. *Svitak I. Ztracene iluze*. Pr., 1990.

Б.Н.БИЛУНОВ

К ИСТОРИИ МАКЕДОНСКОГО ВОПРОСА

Начало 90-х годов ознаменовалось резким обострением межнациональных отношений в балканских странах, особенно в республиках бывшей Югославии. После утраты компартиями этих стран господствующего положения в них существенно изменилась общественно-политическая ситуация, повысилось значение национальных проблем. Новые и старые проблемы бывшего "порохового погреба Европы" переплелись в клубке внутренних и международных противоречий. Динамика развития событий на Балканах, не отличающегося политической устойчивостью, сопровождается катализирующим воздействием одних конфликтов на другие.

Среди старых балканских проблем значительное место занимает так называемый македонский вопрос, постоянными участниками длительного существования которого являются Болгария, Греция, Сербия, а после 1944 г. и бывшая югославская республика Македония. Его сложность связана с нерешенностью и трудной разрешимостью ряда вопросов истории Македонии, политизированными наслоениями в их освещении.

В советское время эта тематика у нас практически не изучалась. Чаще всего она сознательно замалчивалась в силу болезненной реакции балканских государств, их попыток придать политическое значение любым публикациям в СССР по этому вопросу. Официальная точка зрения советской стороны была изложена в статье "Македония", помещенной в 15-м томе "Большой Советской Энциклопедии". В ней обозначен своеобразный исторический водораздел - 1878 г., точнее, решения Берлинского конгресса, определившие политические границы на Балканах после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. До того времени отмечался болгарский, по преимуществу, характер этнического развития славянского населения Македонии, а после - медленное и противоречивое складывание маке-

донского национального самосознания, окончательное оформление которого произошло только после второй мировой войны. Первая часть этой концепции (до 1878 г.) одобрительно оценивалась в Болгарии, тогда как вторая, особенно в отношении периода 1878–1944 гг., подвергалась критике. В Югославии, наоборот, критиковалось изложение событий до 1878 г. В Греции отмечалось постоянное присутствие греков во всех частях Македонии, высказывались возражения против использования этнонима "македонцы" и т.д. Иначе говоря, советская концепция истории македонского вопроса не была принята балканскими странами. Здесь необходимо сделать оговорку. Дело в том, что наряду с официальной статьей в "ЕСЭ" имелись и попутные, весьма противоречивые, оценки македонской проблематики при освещении внешней политики России, СССР, истории Болгарии, Греции, Югославии, культуры балканских народов, их литературы и языка. Достаточно упомянуть, что в советских публикациях сосуществовали полярные позиции относительно македонского литературного языка: от указаний на складывание этого славянского языка в середине XIX в. до отрицания его существования в качестве самостоятельного. Научная неразработанность македонской проблематики в советском славяноведении и балканистике, политико-административное сдерживание публикаций привели к тому, что эта своеобразная "фигура умолчания" превратилась в "белое пятно" истории России и СССР, роль которых в македонском вопросе проявлялась достаточно заметно прямым или косвенным образом.

Изменения в отечественной науке, а также и динамичный характер политических процессов на Балканах вызывают необходимость заполнения "македонского пробела", обобщения научной информации по этому вопросу.

Поскольку македонский вопрос представляет собой тесное переплетение территориальных и этнических проблем, целесообразно их взаимосвязанное рассмотрение.

Историко-географические представления о Македонии менялись на протяжении веков, современное понимание географиче-

ской области Македония утвердилось в XIX в. В настоящее время обычно выделяют три части: Эгейская Македония, входящая в состав Греции, Пиринская Македония — в составе Болгарии, Вардарская Македония, являвшаяся основой бывшей югославской республики Македонии. В пропорциональном отношении Эгейская Македония охватывает более половины географической области, Вардарская Македония — примерно одну треть, Пиринская Македония — десятую часть. Соответственно: 35.230 км², 25.713 км², 6.798 км².

Македония составляет один из подрегионов Балканского полуострова. Равнинно-горная поверхность Македонии имеет естественные границы на севере, западе и отчасти на юге. Северная граница в значительной мере совпадает с условной линией разграничения северной (придунайской) и южной (средиземноморской) частей Балканского полуострова. Западная граница в большей части проходит по линии разграничения полуострова в меридиальном отношении на западную и восточную части. Южная граница Македонии соприкасается с греческой областью Фессалия. С небольшими отклонениями эти рубежи считаются общепризнанными. Восточная граница Македонии не представляет собой ландшафтного рубежа и чаще определяется бассейном реки Неста (Места). Общая ее площадь составляет 67.741 км².

Сам термин Македония возник как обозначение географической области, называвшейся прежде Эматия, и древнего рабовладельческого государства (У-II вв. до н.э.). Последнее проводило активную внешнюю политику, достигало существенного расширения своих границ, особенно во время правления Филиппа II Македонского (359—336 гг. до н.э.), подчинившего всю Грецию, и Александра Македонского (336—323 гг. до н.э.), создавшего мировую державу. Этнический состав македонян по сей день вызывает разноречивые оценки, достаточно распространена точка зрения о их происхождении в результате смешения древних этнических элементов фракийского, иллирийского и греческого характера. Длительная борьба греческих полисов против Македонии привела к ее по-

режению, резкому сужению ее границ. В 168 г. до н.э. Македония была завоевана Римом, и позднее превращена в одноименную провинцию Римской империи. С 395 г. н.э. эта провинция, приблизительно совпадавшая с границами Македонии начального периода правления Филиппа II, вошла в состав Восточной Римской империи (Византии).

В VI—VII вв. массовый характер приняло проникновение на Балканы славянских племен. Оно распространилось на большую часть византийских провинций, в том числе и Македонию. Этническое родство славянских племен, еще не сложившихся в то время в отдельные народности и сохранявших определенное языковое единство при наличии диалектных различий, позволяет говорить об общем характере возникших на Балканах племенных славянских образований — Славиний.

Сложный процесс этногенеза болгарской народности, аккумулировавший славянские племена восточной части Балкан, тюрко-болгарские племена, а также автохтонное фракийское население, протекал на протяжении столетий. Славянское население Македонии оказывалось в различных государствах, в том числе и Болгарском царстве, этноним "болгары", вытеснившийся в византийских источниках общее обозначение "славяне", распространился и на македонских славян. Региональные особенности, включая слабое присутствие протоболгарского (тюрко-язычного) элемента и более тесное взаимодействие с греческим этносом, имелись в Македонии, но при нынешнем состоянии научных исследований этого вопроса нет оснований отграничивать это явление от подобных особенностей, характерных для раннефеодальных народностей.

В Византийской империи сохранялись исторические воспоминания о Македонской державе. Однако сама провинция фактически утратила свое обозначение "Македония". В то же время в административно-территориальном устройстве Византии в конце VIII в. появилась тема (тема — войсковая часть или территория ее расположения) с названием "Македония" в юго-восточной части Балканского полуострова с центром в г. Андрианополь (Эдирне). Употребление этого названия было

связано с наличием переселенцев из Македонии и стремлением византийских властей сохранить преемственность традиций в условиях славянского натиска. Это совсем не совпадающее с современными представлениями о Македонии обозначение историко-географической области имело достаточно широкое распространение в средние века, в том числе и после падения Византии.

Вопрос об этнической, языковой и культурной основе славянского населения Македонии приобретает широкое звучание в связи с деятельностью в IX в. славянских просветителей Кирилла и Мефодия. Дело создателей славянской азбуки на протяжении веков привлекает внимание исследователей. В "кирилло-мефодиевской" проблеме имеется немало дискуссионных вопросов. Но наиболее острым остается вопрос о языковой принадлежности первых переводов "священных книг", их роли в языковом и литературном развитии балканских славян. В отечественном славяноведении отмечается прежде всего общеславянское значение результатов деятельности Кирилла и Мефодия. В болгарской научной литературе подчеркивается их роль в качестве основоположников древнеболгарской литературы, оказавшей затем мощное воздействие на культуру других славянских народов. В то же время в бывшей югославской республике Македонии язык Кирилла и Мефодия определяется как македонский.

Запутанный характер имели также государственно-территориальные изменения в X в. После завоевания восточных земель Первого Болгарского царства на территории Македонии возникло новое государственное образование, известное в отечественной историографии и византиноведении под названием Западно-Болгарского царства (970-1018 гг.). В историографии бывшей югославской республики Македонии оно рассматривается как специфически македонское государство и именуется "держава Самуила".

В XI-XII вв. Македония находилась под властью Византии. С воссозданием в 1186 г. болгарской государственности происходило ее территориальное расширение. Во Второе Болгарс-

кое царство вновь вошли и македонские земли.

По сведениям разнообразных источников, славянское население Македонии во времена феодальной раздробленности продолжало сохранять болгарское самосознание. Соотношение славянского и греческого населения постоянно менялось в пользу первого. Долю же албанцев и влахов (романизированного пастушеского населения) среди македонских жителей не представляется возможным определить.

В середине XIV в. Македония была покорена "царем сербов и греков" Стефаном Душаном (1331-1355 гг.). Его знаменитый "Законник" был принят в 1349 г. в г. Скопле (Скопье), царская резиденция часто размещалась в г. Прилепе. Однако уже в конце XIV в. Македония перешла под власть Османской империи. Османское завоевание привело к усилению пестроты этнического состава населения: помимо турок-османов в городских центрах Македонии увеличилось число албанцев.

В развернувшейся в начале XIX в. борьбе болгарского народа против османского политического гнета и греческого церковного засилья уроженцы Македонии играли активную роль. Региональные особенности, проявлявшиеся в той или иной мере, осознавались ими как отличительные черты одного из течений единого потока освободительного движения болгар.

Традиционно считается, что начало возникновению македонского вопроса положил 1878 г. Завершившаяся в этом году русско-турецкая война привела к подписанию Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора, предусматривавшего создание Болгарского автономного княжества в границах от Дуная до Эгейского моря и от Черного моря до Охридского озера. Однако западноевропейские державы, опасавшиеся усиления позиций России на Балканах, на состоявшемся в том же, 1878-м г., Берлинском конгрессе разделили Сан-Стефанскую Болгарию на три части: Болгарское автономное княжество, ограниченное Мизией и Софийским санджаком, Восточную Румелию, Фракийскую область с центром в г. Пловдиве, получившую права территориально-административной автономии, и Македо-

нию, которая наряду с частью Фракии была возвращена в прежнее положение турецкой провинции с туманными обещаниями будущего реформирования. Протесты населения балканских стран, в том числе и локальные вооруженные выступления, не привели к каким бы то ни было результатам.

В отечественной историографии подчеркивается прогрессивное значение восстановления болгарской государственности, при этом обращается внимание на "берлинское урезание" итогов русско-турецкой войны. В болгарской литературе позитивно оцениваются решения, принятые в г. Сан-Стефано, а Берлинский трактат рассматривается как бомба замедленного действия, как несправедливое решение болгарского национального вопроса. В историографии югославской республики Македонии Сан-Стефанский и Берлинский договоры оцениваются негативно: согласно первому, как указывается, македонский народ был передан под болгарское иго, а согласно второму - возвращен под иго османское.

Здесь необходимо отметить, что в научной и публицистической литературе македонский вопрос ставился и ранее. Так, в соответствии с мнением П. Славейкова, редактора болгарской константинопольской газеты "Македония", македонский вопрос существовал подспудно в 60-70-е годы XIX столетия, когда отдельные романтически настроенные македонцы, считавшие себя истинными потомками Александра Македонского, стали отличать себя от болгар. П. Славейков видел в этом стремление "разделить еще неустроенный народ". Это, вероятно, являлось следствием эллинофильства или даже грекомании, свойственных для болгарского Просвещения на раннем этапе. Масштабы этих и подобных им явлений в сфере национального самосознания с трудом поддаются "клиометрии". Они вызывают самые разные оценки, что объясняется исходными различиями и объективно существующими трудностями, связанными в том числе и с наличием противоречивых источников.

В Болгарском княжестве, осуществившем в 1885 г. воссоединение с Восточной Румелией, задача воссоздания Сан-Стефанской Болгарии получила широкое общественное звучание. В

самом княжестве активно действовали выходцы из македонских земель, игравшие значительную роль в политике, культуре и науке Болгарии.

В 1893 г. в г.Салониках была создана Внутренняя македоно-одринская революционная организация (ВМОРО), лидеры которой Д.Груев, Х.Татарчев, П.Попарсов выступали за революционный путь достижения автономии Македонии и Одринского (Адрианопольского) края. При этом не придавалось значения национальности участников движения. ВМОРО образовала сеть местных комитетов и свои вооруженные отряды — четы в главе с Г.Делчевым. Подобные четы организовывались также правительственными органами или близкими к ним организациями Болгарии, Сербии, Греции, что обостряло внутреннее положение. Борьба зачастую велась не столько с османским режимом, сколько между различными четами и прежде всего против чет ВМОРО. Проболгарский характер данной организации не препятствовал появлению и распространению сознания известной политической обособленности интересов македонского движения. Постепенно идея борьбы за самостоятельный путь развития Македонии оформилась в лозунге, выдвинутом ВМОРО в 1896 г., — "Македония для македонцев!".

Конкурентная борьба Болгарии, Греции, Сербии, а также Румынии, осылавшейся на наличие владшского населения в Македонии, неблагоприятно воздействовала на внутреннее положение в македонском освободительном движении. Для болгарских политиков того времени политическая автономия Македонии была вполне приемлемым лозунгом, означавшим осуществление первого шага на пути последующего присоединения к Болгарскому княжеству. В этой связи можно рассматривать и возникновение так называемого "верховизма" как линии правящих кругов Болгарии на подчинение македонского движения своим интересам. На первом съезде различных македонских обществ в марте 1895 г. в г.Софии был учрежден Македонский комитет, выступавший за "политическую автономию" области. На втором съезде в декабре того же года он стал называться "Верховный македонский комитет". Во главе его стояли болгар-

ские генералы, в мае 1899 г. было создано и Заграничное представительство комитета во главе с Б.Сарафовым.

В данном случае интересы Болгарии сталкивались с такими же со стороны Греции, Сербии. Для обоснования тех или иных прав на Македонию мобилизовывались все средства пропаганды и науки, ангажировались зарубежные средства массовой информации, приглашались и щедро оплачивались специальные корреспонденты из разных стран. Пестроту позиций показывают, например, факты появления в России печатных работ о болгарском характере Македонии, о "южно-сербском составе" ее населения, издание газеты "Восток" для защиты греческих интересов в Македонии и т.д.

В начале XX в. распространение получила также концепция существования самостоятельной македонской нации. Еще в 1894 г. в г. Петербурге вышел "Македоно-славянский сборник", отстаивавший эту линию. Но, пожалуй, наибольшую известность приобрела деятельность К.Мисиркова (1874 - 1926 гг.)^{*}.

X X X

Безвременная кончина Б.Н.Билунова (1946-1992 гг.) не позволила ему завершить работу над этой статьей. Б.Н. Билунов был одним из немногих, кто в годы "всеобщего умолчания" обращался к истории македонского вопроса в лекционном курсе в МГУ по истории Болгарии, исторической географии и др., который он вел с 1974 г. Хотя статья "К истории македонского вопроса" осталась незавершенной, она дает представление в целом о концепции покойного нашего коллеги, равно как и о том, с какими трудностями было сопряжено в недавнем прошлом само изучение и освещение одной из сложнейших проблем международных отношений "порохового погреба" Европы.

^{*} На этом текст Б.Н.Билунова обрывается.

Л.И.ЖИЛА

ПРОБЛЕМЫ БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ МАКЕДОНИИ

Со времени окончания второй мировой войны и до 90-х годов для обозначения на карте стран Восточной Европы можно было ограничиваться исключительно одним цветом – красным. Но это единообразие уже в прошлом. Цвет "коммунистических" режимов сменила пестрота национальных красок, ибо так называемые "классовые" государства вновь обрели национальное лицо, в результате распада федеративных объединений появились новые суверенные государства. Среди них – бывшая югославская республика Македония.

Создание независимого, самостоятельного "национального государства македонского народа" было провозглашено парламентом республики (Собранием) 17 сентября 1991 г. Основанием для этого послужили результаты проведенного 8 сентября 1991 г. референдума, на котором "за" суверенитет республики высказалось 1.021.981 избирателей, что составило 68,32% от общего их числа (1.495.807) или 95,08% от принявших участие в голосовании, "против" – 38.896, соответственно, 2,61% или 3,63%. Волеизъявление населения на референдуме и решение Собрания от 17 сентября 1991 г. нашли свое отражение в Конституции, принятой 17 ноября 1991 г. "Республика Македония, – говорится в ст. 1-й Основного закона, – является суверенным, самостоятельным, демократическим и социальным государством"¹.

Однако суверенитет, имея две стороны: государственно- и международно-правовую, считается полным только после признания его другими странами и международными организациями. Вопрос о последнем органы высшей государственной власти республики поставили в конце декабря 1991 г., после того как 17 декабря на заседании министров иностранных дел стран-членов Европейского сообщества (ЕС) в Брюсселе были опреде-

лены критерии признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе. Собрание 19 декабря 1991 г. приняло специальную декларацию о безусловной поддержке требований ЕС (уважать положения Устава ООН, гарантировать права этническим и национальным группам, придерживаться принципа нерушимости границ и т.д.) и готовности к безоговорочному их выполнению². Вслед за тем, 29 декабря, республика представила в Арбитражную комиссию Конференции по Югославии заявление с просьбой о признании, ответив утвердительно, как то предусматривалось Брюссельской декларацией, на поставленные ЕС вопросы. Следуя неукоснительно предписаниям Европейского сообщества, парламент республики 6 января 1992 г. внес следующее дополнение в Конституцию 17 ноября 1991 г.: "Республика Македония не имеет территориальных претензий к соседним государствам".

Тем не менее вопрос о признании суверенитета бывшей югославской республики Македонии повис в воздухе. Основным препятствием стала позиция одного из членов ЕС и граничащих с республикой государств – Греции (в Брюссельской декларации о критериях признания новых государств Восточной Европы оговаривалось, что при рассмотрении вопроса о признании будут учитываться, среди прочего, и мнения соседних государств). Греция настаивала и настаивает на отказе республики от имени собственного "Македония"³, а также от таких, фигурирующих в качестве государственных, символов, как Вергинская звезда македонской династии древнего государства Македонии – ее изображение присутствует, в частности, на флаге страны. Греческая сторона ставит в зависимость от этого решение вопроса о признании республики. Она ссылается на то, что использование относящихся к "национальному и культурному наследию эллинов" наименования и символов означает в действительности завуалированные территориальные претензии к Греции, а, следовательно, угрозу ее государственной и национальной безопасности.

Таким образом, внесенное в Брюссельскую декларацию о Югославии требование к каждой республике взять на себя "обя-

зательство не вести враждебную пропаганду против любой соседней страны, члена ЕС, включая и использование таких названий, которые подразумевают территориальные претензии"⁴, относилось непосредственно к бывшей югославской республике Македонии. Однако в декларации Собрания от 19 декабря 1991 и обращении республики в Арбитражную комиссию, содержащих одобрение критериев признания новых государств Восточной Европы в целом, данное конкретное положение было обойдено молчанием. Республика ограничилась заверениями в приверженности принципу нерушимости границ и предоставлением конституционных гарантий путем внесения в основной закон указанного выше дополнения. Но этого оказалось недостаточно.

В феврале 1992 г. страны-члены Европейского сообщества на конференции, состоявшейся в г. Лиссабоне, уже прямо, без обиняков заявили о своей готовности признать республику при условии изменения ею своего названия, точнее, исключения из него имени собственного "Македония". Расценив подобное решение вопроса как абсолютно неприемлемое, республика отказалась принять его. В марте 1992 г. проблема признания бывших республик Югославии была обсуждена государствами ЕС совместно с США. Относительно Республики Македонии "стороны договорились позитивно рассмотреть вопрос о ее признании", как только проблемы, имеющиеся у ЕС в отношении нее, будут разрешены⁵.

В результате сложилась тупиковая ситуация. Страны ЕС и США согласны признать бывшую югославскую республику Македонию, но для этого необходимо: либо, чтобы она изменила свое название и вызывающую споры государственную символику, либо, чтобы Греция отказалась от выдвинутых ею требований. Но ни та, ни другая не считают для себя возможным пойти на указанные уступки.

Основными доводами в "системе защиты" бывшей югославской республики Македонии являются следующие. Во-первых, имя собственное "Македония" соответствует географическому положению страны, ее месту на Балканском полуострове и, что самое главное, самоопределению большей части населения - сог-

ласно официальным данным за 1991 г., к "македонцам" себя относят 1.314.283 из 2.033.964 жителей республики, т.е. 64,6%. Во-вторых, на референдуме 8 сентября 1991 г. большинство граждан страны, независимо от национальной принадлежности, высказалось за создание суверенного государства под совершенно конкретным названием - "Республика Македония", а не под каким-либо другим. Игнорирование данного факта означает на деле нарушение принципов справедливости и демократии. В-третьих, изменение наименования республики не решит существующих проблем, а только усугубит и без того напряженную обстановку в регионе.

Приведенные выше положения Греция не считает убедительными. Ее контраргументы таковы. Республика занимает лишь часть историко-географической области Македонии, и то не большую, - 26.494 км², тогда как к Греции относится территория площадью 35.230 км². О "македонской нации" не приходится говорить, так как ее не существует в природе. Кроме того, именно сохранение за республикой ее настоящего наименования представляет собой реальную угрозу миру и стабильности в регионе, а не наоборот. Обладание им предоставляет республике основание для территориальных претензий к граничащим с ней государствам: Албании, Болгарии, Греции, Сербии, - ведь каждое из них включает в себя отдельные части Македонии. Твердые гарантии того, что республика не воспользуется этим обстоятельством и не постарается рано или поздно объединить под своей эгидой все земли Македонии, отсутствуют.

Трудно сказать, имеется ли вообще тезис, в ответ на который противоположная сторона не выдвинула бы антитезис. Таким образом дискуссия движется по кругу. Возникшая ситуация не нова. Например, в 1913 г., после завершения Балканских войн, но до подписания Бухарестского мирного договора, Общество славянского научного единения, пытавшееся воплотить идею славянского единства через объединение ученых славянских стран, провело ряд заседаний, на которых с тем, что бы вынести беспристрастное суждение по существу дела, заслу-

шало доводы основных участников полемики относительно Македонии, тогда Болгарии и Сербии, а также сторонников создания независимой Македонии и российских ученых (среди выступавших были А.Белич, И.Шимманов, П.А.Лавров и др.). После чего, как указывалось в итоговой резолюции, оно "пришло к убеждению, что вопрос так осложнился в течение вековой истории, филологические и этнографические предпосылки спора столь сложны, противоречивы и разнородны, национальные страсти в Болгарии и Сербии разгорелись так сильно, а в самой Македонии имеется столько разногласий, что трудно до чрезвычайности найти выход из создавшегося положения, справедливый по существу и приемлемый для всех участников дела ... Общество видит единственный исход из создавшегося положения в немедленном обращении к арбитражу"⁶.

Предложение Общества славянского научного единения не утратило своей актуальности. В качестве арбитра в настоящее время выступает ООН. Выполняя свои функции, Совет Безопасности ООН в июне 1993 г. обязал Грецию и бывшую югославскую республику Македонию до открытия 21 сентября 1993 г. 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН путем переговоров разрешить существующие между ними противоречия. Однако переговоры по просьбе Греции в связи с имевшими там место выборами в парламент страны были отложены. Пришедшее к власти в результате выборов в октябре 1993 г. правительство, возглавляемое А.Папандреу, первым делом известило генерального секретаря ООН о своей позиции относительно вопроса о признании бывшей югославской республики Македонии. В письме министра иностранных дел Греции по этому поводу было особо отмечено: "Мой долг еще раз и недвусмысленно подчеркнуть, что греческая власть и греческий народ никогда не признают государство, чье название содержит имя "Македония" или какое-либо производное от него, потому что подобное название является источником причин, мешающих установлению миролюбивых отношений и дестабилизирующих обстановку в регионе"⁷.

Категоричность и непримиримость позиции новой власти в

Греции по вопросу о признании бывшей югославской республики Македонии вызвали у ее партнеров по ЕС обратную реакцию, что привело к возникновению серьезных трений между ними.

Будет ли в конечном итоге найден приемлемый для всех сторон выход из сложившегося положения, — покажет время.

Что же касается других граничащих с республикой государств, то в качестве предварительного условия признания ее суверенитета Албания настаивает на выполнении требований албанского национального меньшинства, Сербия — на предоставлении гарантий соблюдения прав и свобод проживающих там сербов, причем данные Сербии и республики относительно их численности расходятся значительно. Единственной из соседних стран, официально признавших республику, до сих пор остается только Болгария. Тем не менее отношения между ними по-прежнему находятся на точке замерзания. Причина в том, что Болгария, рассматривая славянское население республики как болгарское⁸, отрицает факт существования самостоятельной македонской нации.

При этом каждая из сторон, апеллируя к общественному мнению, чаще всего ссылается на историю. Данное явление вполне закономерно. Именно из прошлого проистекает большая часть сегодняшних проблем бывшей югославской республики Македонии, включая и ее разногласия с соседними государствами. Речь в первую очередь идет о прошлом Македонии, одной из историко-географических областей Балканского полуострова.

Македония занимает приблизительно 1/7 часть всей территории полуострова, что составляет чуть более 68.000 км². Естественные границы области проходят следующим образом: восточная — по реке Неста (Места), от ее устья до гор Рила, включая западную часть Родоп; северная — от гор Рила, пересекая реку Стримон (Струма) выше города Горна Джумая (Благоевград в течение почти 40 последних лет), до водораздела рек Вардара и Моравы; западная — от указанного водораздела, следуя через гору Шар, реку Черный Дрин, между Охридским и Преспанским озерами, с одной стороны, и Корчской котловиной,

с другой, до реки Альякмон (Бистрица); южная, соприкасаясь с греческой областью Фессалией, — по реке Альякмон, охватывая горный массив Олимп, до залива Термаикос (Салоникского залива).

В политико-географическом смысле Македония не представляет собой единого целого. Южная и юго-восточная ее части общей площадью примерно 35.230 км², как уже отмечалось, относятся к Греции, центральная (26.494 км²) — к бывшей югославской республике Македонии, восточная (6.789 км²) — к Болгарии, западная — к Албании и Сербии, точнее, автономному краю Косово. Различные зоны Македонии в соответствии с месторасположением имеют свои топонимы. Южная часть именуется "Эгейской Македонией", центральная — "Вардарской", восточная — "Пиринской". Несмотря на то, что эти названия употребляются часто, общепринятыми они не являются.

Заселение территории Македонии произошло во время неолита. Складывание на ней первого государственного объединения — в V в. до н.э. Древнее государство Македония, пережив периоды подъема (в IV в. до н.э. оно было превращено Александром Македонским в мировую державу) и упадка, во II в. до н.э. попало под власть Римской империи. Последняя впоследствии учредила одноименную провинцию. Она разместилась приблизительно на той территории, которую занимало македонское государство в начале правления Филиппа II (359—336 гг. до н.э.), т.е. до подчинения им своему влиянию Пеонии, Фессалии, Фокиды, Халкидики, Фракии. Затем, в 395 г. н.э., уже провинция Македония была включена в состав Восточной Римской империи (Византии). Вслед за опустошительными походами готов и гуннов на территории Македонии появились славянские племена (сагудаты, ринкины и др.). Они утвердились на Балканах в VII в. В том же столетии в районе города Битола осело протоболгарское племя хана Кубера (Кувера). В VIII в. Византии в некоторой степени удалось вернуть свою власть над утраченной ранее территорией, а вместе с ней и название "Македония". Только теперь "Македонией" именовалась тема — военно-административная единица,

расположенная в юго-восточной части Балканского полуострова с центром в г. Андрианополе (Эдирне).

Таким образом, имя собственное "Македония" использовалось в разные времена для обозначения древнего государства, провинции Римской империи, темы Византийской империи. Причем границы перечисленных объединений были иными, нежели историко-географической области Македонии, современные представления о которой сформировались только в XIX в. Это обстоятельство нередко создает путаницу при рассмотрении вопросов, относящихся к истории Македонии.

В 70-е годы X в., после завоевания Византией Восточной Болгарии, на территории Македонии, входившей со второй половины IX в. в состав Первого Болгарского царства, возникло государство, известное как держава Самуила или Западно-Болгарское царство. Итогом проходивших в течение длительного времени с переменным успехом войн с Византией явилось его падение в 1018 г. В XI-XII вв. восстания и бесконечные войны буквально опустошили принадлежавшие в это время Византийской империи земли Македонии. Заселение обезлюдивших местностей произошло частично за счет печенегов, узов и др. этнических элементов. В начале XIII в. большая часть территории Македонии отошла к Эпирскому государству, которое было основано в 1204 г. участниками IV крестового похода. После поражения в 1230 г. в битве под Клокотнице Эпирское государство уступило ее Второму Болгарскому царству, образованному в 1187 г. Однако вскоре восстановленная в 1261 г. Византийская империя вновь подчинила земли Македонии своему влиянию. С конца XIII в. территория Македонии превратилась фактически в пограничную зону, а соответственно, в арену борьбы между Византией и Сербией. В 1345 г. Сербии удалось окончательно вытеснить Византию из данного региона. Вследствие чего Македония стала составной частью державы Стефана Душана, провозгласившего себя "царем сербов и греков".

В конце XV в. она, в основном, уже была включена в состав Османской империи, в рамках которой оставалась вплоть до XX в. Только начавшаяся в 1912 г. война стран Балканско-

го союза (Болгарии, Греции, Сербии, Черногории) против Османской империи привела к отказу последней от Македонии, но, вместе с тем, к потере ее целостности. Передача приблизительно 51,57% территории области Греции, 38,32% - Сербии, 10,11% - Болгарии предусматривалась Бухарестским мирным договором 1913 г., заключенным в результате 2-й Балканской войны - войны между недавними союзниками (Болгарией, с одной стороны, Грецией, Сербией, Черногорией, а также Румынией, Турцией - с другой). Последовавшая затем первая мировая война не принесла кардинальных перемен. Заняв в 1915 г. отошедшую к Сербии по Бухарестскому договору территорию Македонии, болгарские войска в 1918 г. оставили ее. Согласно решению Парижской мирной конференции, закрепленному Нейским мирным договором 1919 г., Болгария вынуждена была уступить Сербии часть принадлежавшей ей зоны Македонии (Струмичскую область).

Установившиеся таким образом в регионе границы вторая мировая война не изменила, - Парижский мирный договор 1947 г. подтвердил их. Можно было бы констатировать схожесть ситуации с таковой периода первой мировой войны, если бы не одно, за исключением смены политических режимов в Болгарии и Югославии, существеннейшее обстоятельство. Таковым явилось провозглашение 2 августа 1944 г. Антифашистским собранием народного освобождения Македонии создания на территории сербской части области в качестве субъекта федеративной Югославии нового государственного объединения - Республики Македонии. В 1991 г. с распадом федерации республика, начав существование как суверенное государство, открыла новую страницу своей истории и не считаться с этим фактом, независимо от отношения к нему, невозможно.

Изменение состояний Македонии, к какому бы периоду они ни относились, не проходили бесследно, отражаясь, в частности, на этническом составе населения. До раздела в 1913 г. территории Македонии на ней проживали греки, турки, албанцы, влахи, евреи, армяне, цыгане и др. Количественно преобладали

славяне, являвшиеся по вероисповеданию христианами (принятие христианства пришлось на вторую половину IX в.), а также мусульманами (частичная исламизация славян произошла после завоевания Македонии Османской империей). Значительное их большинство в силу исторического прошлого данного региона определяло себя как болгары. Что же касается использования имени собственного "македонци", то преимущественно им обозначалась региональная принадлежность, по крайней мере, в качестве этнонима оно не употреблялось до конца XIX в. Вместе с тем в массе своей выраженным национальным сознанием славянское население не обладало. "Все македонские славяне, составляющие подавляющее большинство населения, исключительно называют себя "болгарами" ...; но чем более знакомился я с македонскими деревнями, тем более удостоверивался, что в массе сельского населения совершенно отсутствует чувство истинно народного самосознания и гордости своим прошлым"¹⁰, — данное замечание С.И.Верковича являлось достаточно общим местом в исследованиях конца XIX — начала XX в., затрагивавших подобные проблемы.

Необходимо учитывать, что длительное время христианское славянское население находилось под греческим духовным влиянием. Немалая, если не основная, роль в этом принадлежала церкви. В XI—XVIII вв. славянское население Македонии относилось к учрежденному в 1018 г. Охридскому архиепископству, которое практически с самого начала своего существования было эллинизировано: в нем преобладал греческий клир, богослужение велось на греческом языке и т.д. В 1767 г., после ликвидации Охридского архиепископства, его епархии — в XVIII в. их насчитывалось 14 (10 — в Македонии и 4 — в Албании) — отошли непосредственно к греческой церковной организации — Константинопольской патриархии. С деятельностью патриархии греческое влияние еще более возросло и укрепилось. Об этом свидетельствовали случаи самоидентификации славян с греками. В XIX в., однако, события приобрели иной ход. Накопившееся недовольство злоупотреб-

лениями со стороны духовенства, греческого по преимуществу, привело к изменению отношения славянского населения к Константинопольской патриархии. Патриархия стала восприниматься им в качестве подавляющего, притесняющего органа, обеспечивающего за счет славян привилегированное положение греков в Османской империи.

Неприятие Константинопольской патриархии, порожденное прежде всего, социально-экономическими причинами¹¹, постепенно, в силу ее характера, трансформировалось в развернувшийся уже после обретения Грецией независимости этнический конфликт, по форме выражения и по сути. В ходе последнего в 40-50-х годах XIX в. на основе осознания различий национальных интересов возникло требование образования болгарской автокефальной церковной организации. Борьба за его осуществление славянского населения Македонии (большая часть которого, как отмечалось, относилась к болгарам), наряду с таковым Мизии и Фракии во многом способствовала формированию болгарского национального сознания прямо пропорционально вытеснению греческого влияния. Необходимые предпосылки для углубления данного процесса появились с учреждением в 1870 г., в соответствии с султанским ферманом, церковного округа, обладающего определенной самостоятельностью, — Болгарского экзархата (из македонских епархий в него вошли первоначально Велесская, затем, в 1872 г., согласно итогам проведенного среди местных жителей плебисцита, епархии Скопле (Скопье) и Охрида). Экзархату, ведавшему церковно-школьными делами, действительно удалось за весьма короткий период времени достичь заметного прогресса в утверждении болгарского национального сознания среди славянского населения Македонии. И это несмотря на постоянное противодействие со стороны, в первую очередь, Константинопольской патриархии, "законное" основание для которого предоставил, объявив болгарскую церковную организацию схизматической, состоявшийся в 1872 г. Вселенский собор.

Тем не менее конечный результат зависел не столько от активности экзархата, сколько от решения вопроса о перспек-

тивах (в случае возникновения независимого болгарского государства) включения в него Македонии. Представленный на Константинопольской конференции послов великих держав 1876 г. проект создания двух болгарских автономных областей с центрами в городах Тырново и Софии, независимо от того, что рекомендации данного совещания были отклонены султаном, позволял, пусть в самой незначительной степени, рассчитывать на возможность благоприятного для Болгарии исхода — проект предполагал проведение западной границы одной из областей по пограничной линии Болгарского экзархата. Однако пересмотр Берлинским конгрессом 1878 г. Сан-Стефанского предварительного договора, предусматривавшего образование княжества Болгарии в пределах от Дуная до Эгейского моря и от Черного моря до Охридского озера, а также развернувшиеся вокруг него события не оставили ни малейшего повода для сохранения подобных надежд. Стало очевидным, что балканские и великие державы не допустят этого ни в коем случае.

Постижение безысходности положения на фоне открытого противостояния в регионе возникших национальных государств Болгарии, Греции, Сербии — обусловило, с одной стороны, приостановку процесса формирования болгарского национального сознания среди славянского населения Македонии, а с другой — появление на этой почве концепции македонизма, строившейся вокруг лозунга "Македония для македонцев". Причем по мере усиления соперничества между балканскими странами, значительно осложнявшего и без того тяжелое положение местных жителей, все большее распространение среди них получали идеи создания самостоятельного государства, а также этнической самобытности славянского населения Македонии (последняя, как считается, нашла свое законченное выражение в опубликованной в 1903 г. книге К. Мисиркова "О македонских делах"). Произшедший раздел Македонии многократно усугубил данный разброд. После него каждая из сторон (за исключением, правда, Болгарии, наиболее обделенной) приступила к деятельности по закреплению за собой обретенных территорий.

Что касается Греции, то она пошла по пути вытеснения "этнически чуждых" ей славян, турок, албанцев и др. В соответствии со специальными конвенциями, заключенными на основе Нейиского и Лозаннского мирных договоров¹², Греция в 20-х годах произвела обмен населением с Болгарией и Турцией. В итоге в Эгейскую Македонию прибыло примерно 670 тыс. греков¹³: 250 тыс. из Болгарии и 430 тыс. из 1,4 млн (т.е. треть) переселившихся в Грецию из Малой Азии, Восточной Фракии и с Черноморского побережья. В свою очередь, из Греции перебралось приблизительно 450 тыс. мусульман (после чего к 1925 г. в Эгейской Македонии осталось только около 2 тыс. албанцев), а также более 66 тыс. славян, присоединившихся к 145-150 тыс. беженцев 1912-1919 гг. Таким образом, в результате имевших в 20-х годах место пертурбаций Эгейская Македония приобрела относительную этническую однородность, что позволило изменить также ее топонимику: в соответствии со специальным законом от 1926 г. славянские названия городов, рек и т.д. были заменены на греческие¹⁴.

Дальнейшие перемены в этническом облике южной и юго-восточной части Македонии уже не являлись напрямую связанными с политикой официальных властей Греции. Их принесли войны - вторая мировая и гражданская (1946-1949 гг.). В конце первой вместе с болгарскими и итальянскими войсками Эгейскую Македонию покинула та часть славянского и албанского населения, которая в годы войны оказывала им содействие. Затем, в конце 40-х годов, за ними последовало около 50 тыс. лиц славянского происхождения, опасавшихся репрессий за сотрудничество в годы гражданской войны с Демократической армией. Следует отметить, что эту армию поддерживал во время гражданской войны большинство славянского населения Греции. Например, в 1947 г. более половины бойцов только регулярных ее соединений составляли славяне¹⁵. Это обстоятельство было вызвано тем, что Демократическая армия бралась в случае победы предоставить необходимые права и свободы национальным меньшинствам¹⁶, тогда как политика находившейся у власти Народной партии базировалась на тезисе:

"единое государство, единая нация, единый язык". Сама же война, по сведениям С.Киселиновского, исследователя бывшей югославской республики Македонии, стоила славянскому населению Греции 20.000 жизней¹⁷.

В настоящее время в Эгейской Македонии насчитывают от 20 до 50 тыс. славян. Большая их часть идентифицирует себя с греками. Но есть среди них и те, которые определяют себя в качестве македонцев. В середине 80-х годов незначительное число последних "активизировалось политически и начало защищать права македонского меньшинства в Греции"¹⁸. В 1984 г. они объединились в "Движение за гражданские и национальные права македонцев в Эгейской Македонии" и "Центральный организационный комитет гражданских прав македонцев".

По-другому сложилась ситуация в Вардарской Македонии. Приобретая данную территорию, Сербия попыталась закрепить ее за собой, через решение вопроса о национальном самоопределении местного славянского населения, а именно: путем утверждения среди него сербского национального сознания. Для достижения результата Сербия затратила немалые усилия. Вардарская Македония стала именоваться "Южной Сербией"; фамильные окончания - "ов", - "ев" в обязательном порядке менялись на - "ич"; новорожденные получали только сербские имена - в церкви был разослан специальный список; сербский объявлялся официальным языком, на нем велось преподавание в школах; сербские власти произвели "перегруппировку среди носителей национального сознания" - священников, учителей, служащих: многие были отправлены из Вардарской Македонии в Сербию, а оттуда на их место присланы другие; в рамках осуществления аграрной реформы на землях Вардарской Македонии расселялись сербские колонисты и т.д. Тем не менее, в силу целого комплекса факторов, Сербии удалось добиться подобными мерами только вытеснения элементов болгарского национального сознания. "Привить" сербское национальное сознание большинству славянского населения Вардарской Македонии она не смогла. Образовавшись таким образом вакуум постепенно стала за

полнять идея самобытности славянского населения Македонии, распространению которой способствовала, в частности, деятельность Коминтерна, строившаяся с начала 30-х годов на постулате наличия македонской нации. В одном из докладов за 1938 г. тогдашнему премьер-министру М. Стоядиновичу было подчеркнуто, что "особенно с подписанием югославо-болгарского пакта"¹⁹ "наступило новое время", "исчезли былые желания относительно Болгарии", "как в Скопье, так и в других более крупных городах в Южной Сербии, среди молодой интеллигенции распространяется идея о создании автономной Македонии в рамках Югославии: пропагандируется какой-то местный патриотизм, говорится о сохранении македонского языка, о возвращении македонской культуры, об организации македонцев, разбросанных по всей Югославии и т.д."²⁰ Однако только провозглашение в 1944 г. Республики Македонии как составной части Югославии превратило данную тенденцию в безусловно доминирующую, придав ей необходимую динамику и всеохватывающий характер.

Болгарии в отличие от Греции и Сербии пришлось решать проблемы иного рода. Для нее невозможность объединить под своей эгидой Македонию явилось "национальной катастрофой" с вытекавшими отсюда последствиями. Что же касается непосредственно Пиринской Македонии, то включение ее в границы Болгарии создало благоприятные условия для завершения замедлившегося после Берлинского конгресса 1878 г. процесса складывания у местного славянского населения болгарского национального сознания. Хотя, учитывая общую обстановку, далеко не идеальные. Соперничество и борьба составлявших движение за освобождение Македонии многочисленных группировок, неудовлетворительное положение беженцев, деятельность опять-таки Коминтерна и т.д., — все здесь играло свою роль. Но имевшие место препятствия не были определяющими.

Своеобразным показателем наличия у населения Пиринской Македонии уже достаточно устойчивого национального сознания явилась его реакция на события конца 40-х годов. После окончания второй мировой войны пришедшая к власти БКП, в

рамках достигнутой между коммунистическими партиями Болгарии и Югославии договоренности о создании Южнославянской федерации, взяла на себя обязательство предпринять необходимые меры для "пробуждения македонского национального сознания" у населения Пиринского края²¹ (предполагалось объединение Македонии с последующим вхождением ее в качестве самостоятельной единицы в Южнославянскую федерацию). Исходя из этого, X пленум ЦК БКП (август 1946 г.) принял решение о предоставлении Пиринскому краю культурной автономии. При этом в документах пленума население края было отнесено к македонской нации. Во исполнение принятых решений БКП развернула пропагандистскую работу: издавалась специальная литература, читались лекции по проблеме македонской нации, проводился обмен делегациями между Народной республикой Болгарией и Народной республикой Македонией; на базе любительской театральной труппы в г. Горна Джумая был образован "Македонский областной театр", в 1947 г. в школах началось преподавание новых учебных дисциплин: "македонского языка", который был кодифицирован в 1945 г., и "истории македонского революционного движения", в связи с чем НРМ прислала в Пиринский край около сотни²² (по другим сведениям - 300²³) учителей и ученых и т.д. Данная политика БКП встретила непонимание, "глухое" сопротивление со стороны населения Пиринского края. Поэтому, несмотря на активность, ее результат оказался нулевым (речь идет о самоопределении жителей Пиринского края). Фактически уже в 1948 г. БКП отказалась от попытки "пробудить македонское национальное сознание" у населения Пиринской Македонии. Идея об учреждении Южнославянской федерации канула в Лету. В дальнейшем БКП к ней не возвращалась. Более того, на состоявшемся в 1956 г. Апрельском пленуме ЦК БКП были признаны ошибочными предпринятые партией во второй половине 40-х годов действия. В 1956-1989 гг. (в 1989 г. БКП была реорганизована) политика партии, являвшейся правящей, строилась на принципе: славянское население Пиринского края как и Македонии в целом, относится к массе своей к болгаро-

кому (по этой причине отношения между двумя "братскими" коммунистическими партиями - БКП и КПЮ - на протяжении указанных лет оставались в значительной степени напряженными). Согласно официальной статистике, в настоящее время численность населения Пиринского края, идентифицирующего себя с македонской нацией, не достигает и 1%.

Таким образом, ответ на вопрос, который по мнению П.Н.Милокова, высказанному им еще в 1973 г., является единственно важным для политиков: "кем себя считают македонцы в настоящую минуту?"²⁴, - заключается в следующем: в греческой части Македонии славянское население в своей массе относит себя к греческой нации, в болгарской - к болгарской, а в бывшей югославской республике Македонии - к македонской.

Таковы реалии дня. Но они вбирают в себя также то, что Болгария и Греция отрицают саму возможность существования на основе принципа самоопределения македонской нации, тогда как бывшая югославская республика Македония настаивает на обратном и, в свою очередь, требует признания наличия македонского национального меньшинства в Греции и Болгарии (к таковому она относит славянское население Пиринской и Эгейской Македонии), предоставления ему необходимых прав и свобод²⁵.

Вышеизложенные позиции представляют собой тот "угол зрения", под которым рассматриваются, интерпретируются, оцениваются события прошлого Македонии национальными историческими школами Греции, Болгарии и бывшей югославской республики Македонии. В самом утрированном виде их концепции сводятся к следующему: "Македония, ее земля, ее жители, ее культурное наследие - греческое"; "славянское население Македонии всегда являлось частью болгарской народности, болгарской нации"; "этногенез македонского народа берет свое начало со времени заселения Македонии славянскими племенами, его государственные традиции восходят к державе Самуила, историческое прошлое Македонии - это и прошлое македонского народа".

Наряду с политизацией исторической науки указанных стран, а также других государств при обращении к вопросам, связанным с Македонией, отмечается "историзация" политического сектора²⁶. "Системы доказательств" в межгосударственных дискуссиях строятся полностью на историческом материале, политики широко используют заимствованные у историков аргументы. Вследствие чего историческая наука выступает в качестве активного фактора внешней политики. Не учитывать этого нельзя.

Другой остро стоящей перед бывшей югославской республикой Македонией проблемой является вопрос албанского национального меньшинства. Массовое появление албанцев в Македонии пришлось на время ее завоевания турками-османами. Точное число проживающих в настоящее время в республике албанцев неизвестно. Согласно официальной статистике, их насчитывается 427.313 человек, что составляет 21,7% населения страны. Однако, по утверждению политических организаций албанского национального меньшинства, численность албанцев превышает 800 тыс. В качестве доказательства они ссылаются на тот факт, что из 245 тыс. школьников 72 тыс. являются по своему национальному происхождению албанцами²⁷. Но как бы то ни было, одно неоспоримо — численность албанцев в республике неуклонно возрастает. Это связано, главным образом, с высоким уровнем рождаемости в албанских семьях (например, рождаемость в македонских семьях в данный момент в 4 раза ниже, чем в албанских) и принимающей значительные размеры миграцией албанцев из Косово. Ситуация развивается подобно "косовской": если в 1931 г. в Косово проживало 505 тыс. албанцев и 331 тыс. сербов (к ним относили также черногорцев), то в 1948 г. — 498 тыс. албанцев и 171 тыс. сербов, а в 1981 г. — 1 млн 200 тыс. албанцев против 209 тыс. сербов²⁸. Характерно, что расселены албанцы компактно в западных районах республики, граничащих с Албанией и входящим в Сербию автономным краем Косово. В таких городах, как Тетово, Гостивар, Дебар, Кичево, Струга, Куманово их числен-

ность колеблется от 50% до 80%. При этом более 180 сел являются этнически абсолютно "чистыми" (однородными)²⁹.

Интересы албанского национального меньшинства в республике представляют четыре политических партии. Лидирует среди них Партия демократического процветания (ЦДП). Она была образована в апреле 1990 г. в г.Тетово и уже в ноябре того же года на первых многопартийных выборах в парламент добилась значительного успеха, заняв третье место по количеству проведенных в Собрание депутатов³⁰.

Будучи неудовлетворенным своим социально-экономическим положением, албанское население видит источник своих бед в отсутствии равноправия с македонским большинством. В опубликованном 19 июня 1993 г. в газете "Нова Македонија" открытом письме президенту республики Киро Глигорову руководитель ЦДП Невзат Халили привел следующие факты, свидетельствующие, по его мнению, о дискриминации албанцев в бывшей югославской республике Македонии: в 1992/93 учебном году было зарегистрировано 156 студентов-албанцев, тогда как македонцев 4.400; в министерствах, прежде всего внутренних и иностранных дел, албанцы представлены только символически; в Главном штабе войск республики нет вообще ни одного албанца так же, как нет албанцев-председателей судов, директоров медицинских центров и т.д.³¹

Албанское национальное меньшинство посредством, в основном, своих политических партий добивается получения статуса государствообразующего народа, политической автономии, провозглашения албанского языка государственным наряду с македонским на основе внесения соответствующих поправок в Конституцию. Эти требования были изложены в таких документах, переданных в государственные и международные организации, как Декларация о равноправном статусе албанцев в Македонии (июль 1991 г.), Меморандум от 21 октября 1991 г., Обращение к парламентариям о внесении изменений в Конституцию (декабрь 1992 г.), под которым стоят подписи 150 тыс. человек.

Нынешние официальные власти бывшей югославской респуб-

лики Македонии гарантируют предоставление необходимых прав и свобод албанскому населению как национальному меньшинству, но считают недопустимым изменение его статуса и образование какой-либо автономной единицы на территории республики в связи с тем, что это, согласно их убеждению, поставит под угрозу целостность государства.

Однако албанское население, руководимое своими политическими партиями, настаивает на выполнении перечисленных выше требований.

Наблюдатели обращают внимание на единство и синхронность действий албанцев в бывшей югославской республике Македонии и в автономном крае Косово, где начиная с 1981 г. длится албано-сербский этнический конфликт. Например, в ходе предвыборной кампании 1990 г. среди албанского населения республики был проведен сбор средств для развития телевидения и радио г. Приштины, который сопровождался требованием обеспечения беспрепятственного приема их передач в полном объеме на территории страны, в то же время преподаватели Косово выразили готовность оказать безвозмездную помощь в организации обучения в средних и высших учебных заведениях республики на албанском языке. Эта солидарность албанского населения Косово и республики приобрела еще большую актуальность после провозглашения 7 сентября 1990 г. Скупщиной Косово, распущенной властями Сербии в июле 1990 г., автономного края республикой. Многие активисты албанского национального движения в Косово, опасавшиеся ареста, нашли временное пристанище среди албанского населения бывшей югославской республики Македонии. На основании этих и им подобных фактов выдвигаются предположения о возможном существовании намерений добиться присоединения западных районов республики к Косово и их последующего объединения с Албанией. Тревожным симптомом прозвучало осенью 1993 г. сообщение об аресте Министерством внутренних дел бывшей югославской республики Македонии группы граждан албанской национальности, обвиненных в нелегальном ввозе оружия (по утверждению ряда информационных агентств, албанского производ-

ства) и формировании военных подразделений³².

Осознавая всю опасность сложившегося положения, власти бывшей югославской республики Македонии предпринимают с целью предотвращения возможного открытого конфликта на этнической почве, подобного косовскому, различные превентивные меры. В частности, они добились размещения на территории республики 300 американских военнослужащих наряду с 700 военнослужащими из Скандинавских стран.

Такова лишь самая малая часть проблем, с которыми приходится сталкиваться новому суверенному государству с вызывающим споры и разногласия названием. Их объединяет одно — они уходят корнями в прошлое. Это тот случай, когда прошлое вторгается в настоящее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Устав Республике Македоније. Скопје, 1991. С.5.
2. Решения министров иностранных дел стран-членов ЕС, принятое в Брюсселе, вызвали различную реакцию: если, например, парламент бывшей югославской республики Македонии одобрил их, то Союзное исполнительное вече (правительство) Югославии осудило.
3. Именно по этой причине республика со времени ее провозглашения (1944 г.) именовалась Грецией не иначе как: "так называемая Республика Македония" или в соответствии с наименованием столицы "Республика Скопье".
4. Из Декларации о Югославии // Югославия в огне. М., 1992. С.194.
5. Из Декларации США-ЕС о признании югославских республик // Югославия в огне. С.296.
6. Сербо-болгарский спор за обладание Македонией. Пг., 1915. Приложение 2.
7. "Грција нема да признае држава со името Македонија" // Нова Македонија. 1993. 7 ноември.
8. В интерпретации бывшей югославской республики Македонии позиции соседних с ней государств выглядят следующим образом: "Официальный Белград, например, в качестве условия признания независимости Македонии в настоящее время не настаивает на "решении проблемы" наименования, обращая внимание, главным образом, на "бесправность" сербов, чье число упорно десятикратно преувеличивается до каких-то 300.000 человек. ... Афины ратуют за греческое "меньшинство", как бы количественно превышающее сербское и более "бесправное", а также в связи с требованием изменения названия государства и знамени, говорят о некоей прямой угрозе государственной и национальной безопасности Греции ... Признание Македонии со стороны Болгарии в софийских политических кругах было прокомментировано как "окончательное воплощение сна, когда бол-

гарн имеют два государства" (1), а в Скопье премьер Болгарии Беров бестрепетно заявил, что само упоминание о существовании македонского меньшинства в его государстве рассматривается им как провокация. Конечно, официальная Тирана не оспаривает самообитности македонского народа... Однако в качестве предварительного условия достижения "взаимопонимания" она настаивает на "выполнении обязательств" Македонии по отношению к проживающим в ней албанцам". (И в а н о в с к и Т. Сметат ли да се забораваат малцинствата // Нова Македонија. 1993. 26 јуни).

9. В 1941-1944 гг., в соответствии со специальным протоколом, который был подписан в мае 1941 г. министрами иностранных дел Германии и Италии, болгарские войска дислоцировались на территории Македонии, относившейся к Греции и Югославии (Югославия - с 1929 г., до этого с 1918 г. - Королевство сербов, хорватов и словенцев).

10. В е р к о в и ч С. И. Топографическо-этнографический очерк Македонии. СПб., 1889. С.1.

11. По имеющимся данным, общая сумма прямых, а также косвенных налогов и платежей, взимаемых Константинопольской патриархией, уже в XIII в. превышала отчисления христианского славянского населения в государственную казну Османской империи. Злоупотребления архиереев патриархии вызвали в 20-30-х годах XIX в. стихийные акции протеста ее паствы.

12. Конвенция об обмене на добровольных началах населением между Болгарией и Грецией была подписана в 1919 г., между Турцией и Грецией - по окончании греко-турецкой войны в 1923 г. Вслед за тем, согласно решениям Парижской мирной конференции 1919-1920 гг., в частности, Болгарии и Греции следовало заключить соглашение о покровительстве национальным меньшинствам. В первой половине 20-х годов текст протокола был подготовлен. Однако парламент Греции, уступая нажиму Королевства СХС, не ратифицировал его. Королевство опасалось возникновения возможных осложнений для своей деятельности в Вардарской Македонии, так как подписание соглашения явилось бы официальным признанием наличия болгарского национального меньшинства в Греции, а, по существу, болгарского характера славянского населения Эгейской Македонии.

13. Приводимые данные весьма приблизительны. В литературе, затрагивающей вопрос о численности депортированного населения, существуют многочисленные разночтения.

14. К и с е л и н о в с к и С. Егејскиот дел на Македонија (1913-1989). Скопје, 1990. С.35.

15. К и р , а з о в с к и Р. Спас со странска помош // Нова Македонија. 1993. 13 ноември.

16. В 1947 г. Главный штаб Демократической армии Греции заявил о том, что в "свободной, независимой и демократической Греции" национальные меньшинства будут пользоваться всеми необходимыми правами и свободами, что будут созданы условия для развития их национальных культур и т.д.

17. К и с е л и н о в с к и С. Указ.соч. С.140.

18. Д е н ф о р т Л. Древните македонци не биле грци // Нова Македонија. 1993. II октомври.
19. Пакт о "вечной дружбе" между Болгарией и Югославией был подписан в январе 1937 г.
20. Цит по: История македонского народа. Скопье, 1975. С.319.
21. П а н а й о т о в Л. и д р. Македонският въпрос и българо-югославските отношения. София, 1991. С.106.
22. Там же. С.115.
23. Т р о а н с к и Х. Небългарската позиция // Подкрепа, 1990. 16 марта.
24. Государственная дума. Стенографический отчет. Четвертый созыв. Сессия I. Часть III. Заседание 66. С.1028.
25. В §5 принятой 17 сентября 1991 г. Декларации о суверенитете подчеркивалось: "...Республика Македония будет продолжать проводить политику... основная цель которой - признание и уважение основных прав и свобод человека, а в этих рамках свобод и прав македонцев, которые как национальные меньшинства живут в соседних странах". (Из Декларации Собрания СР Македонии // Югославия в огне. С.269).
26. Македонски преглед. 1991. № 2. С.130.
27. Ние создаваме клима на доверба // Нова Македонија. 1993. 6 ноември.
28. Косовска криза. Приштина, 1989. С.47.
29. П ъ р в а н о в А. Изборите през 1990 г. в Република Македонија. Преход от едностранен тоталитаризъм към политически плурализъм // Македонски преглед. № 3. С.12.
30. В парламенте республики ПДП принадлежит 17 мест из 120, тогда как опережающим ее ВМРО - Демократической партии македонского национального единства - 38 и Социал-демократической партии Македонии - 31.
31. Отворено писъм од Невзат Халили до Киро Глигоров// Нова Македонија. 1993. 19 јуни.
32. По аферата за формирање на паравоени формации // Нова Македонија. 1993. 12 ноември.

ГРЕЦИЯ И МАКЕДОНСКИЙ ВОПРОС

Как известно, Греция обрела независимость в 1830 г., после долгих лет упорной и кровопролитной борьбы с османским владычеством. Однако молодое греческое государство по своим размерам было не таким, как на современных политических картах мира. Вначале в состав независимой Греции входили лишь полуостров Пелопоннес, ряд областей Центральной Греции и некоторые острова. Процесс "собирания" остальных земель, населенных греками, занял почти столетие. И если в одних случаях процесс воссоединения проходил относительно гладко (классический пример – передача Ионических островов Великобританией в 1864 г.), то в других (их значительно больше) грекам приходилось сражаться буквально за каждую пядь земли, которую они считали исконно своей, и сражаться не только с главным противником – Османской империей. По мере продвижения на север греки столкнулись с бывшими "собратями по несчастью" – народами, которые, как и они сами, в течение столетий находились под владычеством султана. Процесс национального возрождения этих народов – болгар, сербов, албанцев – неумолимо вел к оформлению их собственной государственности с неизбежным территориальным разграничением. "Яблоком раздора" становились территории со смешанным населением, одной из которых была Македония – область, где испокон веков бок о бок жили и трудились греки и славяне.

Претензии греков на македонские земли обосновывались их национальной программой – "Великой идеей" ("мегали идея"). Ее зарождение относится еще ко времени турецкого владычества – мечты о восстановлении греческой государственности, возрождении мощи Византийской империи не покидали греков с момента падения Константинополя (1453 г.).

Идея воссоздания Великой Греции в границах бывшей Византии постепенно была воспринята во всех слоях греческого народа, осознававшего себя как единая национально-культурная общность ("эллинизм"), независимо от места проживания. Имея в целом прогрессивный характер, "Великая идея" несла в себе элементы великодержавия, связанные прежде всего с пропагандой превосходства "расы эллинов" над другими народами Балканского полуострова, со стремлением обосновать права греков на гегемонию в этом регионе. С образованием независимого греческого государства эти тенденции получают дальнейшее развитие. В 1844 г. "Великая идея" была провозглашена официальной программой греческого национального движения тогдашним премьер-министром И.Колеттисом на одном из заседаний Национального собрания Греции. В частности, И.Колеттис заявил тогда, что "греком является не только тот, кто живет в королевстве... но и тот, кто населяет любое место, связанное с историей греческого племени"¹. Это положение спустя десятилетия стало одним из краеугольных камней греческой политики в Македонии.

"Великая идея" оказалась тем стержнем, вокруг которого сплачивалась нация в стремлении к объединению страны и определению путей ее развития в будущем. Помыслы, надежды греков были устремлены к ее практическому осуществлению — не случайно Греция XIX в. редко испытывала социальные потрясения, даже революции 1843 г. и 1862 г. не принесли их благодаря своему глубокому национальному содержанию. Острота национального вопроса затухивала социальные противоречия — решение социальных проблем напрямую связывалось в сознании грека XIX в. с разрешением проблем национальных.

Согласно греческой исторической традиции, территория Македонии условно делилась на три зоны — Северную, Центральную и Южную. В первую входили земли, населенные преимущественно славянами болгарской или сербской национальной ориентации. В Южной зоне, примыкавшей к Фессалии, большинство жителей относилось к грекам. Центральная зона пред-

ставляла собой территорию с этнически смешанным населением, национальная ориентация которого варьировалась от одного населенного пункта к другому. Бывали даже случаи, когда среди односельчан не было единого мнения относительно их национальной принадлежности — одни считали себя греками, другие — болгарами, третьи — сербами. Сложность этнических процессов наложила свой отпечаток и на "Великую идею". Если поначалу греческие территориальные претензии охватывали все три зоны Македонии, то уже к последней трети XIX в. они ограничились Южной и Центральной зонами. При этом идеологи "Великой идеи" — политики, историки, публицисты — доказывали, что исторические границы греческой Македонии на севере должны проходить по линии Охридское озеро — Прилеп — север Битольского вилайета — Струмица — Неврокоп — река Места (Настос), что совпадало с северной границей Центральной зоны². Такой, более реалистичный подход, позволил грекам успешней вести агитацию среди местного населения в свою пользу, основываясь на историческом праве, политическом и культурном наследии своей нации.

Отношение македонских греков к "Великой идее" было несколько иным, нежели в свободной Греции. В Македонии были популярны взгляды на будущую "Великую Грецию" как на своего рода многонациональную "федерацию" или полиэтническую империю. Подобные взгляды в чем-то перекликались с идеями известного греческого просветителя Ригаса Велестинлиса, жившего во второй половине XVIII в., он был создателем проекта федеративной "Греческой республики", в которую вошли бы на равноправной основе все народы, населявшие Балканский полуостров. При этом Ригас называл граждан этой республики "греками" а греческий язык считал единственным официальным, своего рода языком "межнационального общения"³. С укреплением балканских национальных государств романтика уступает место реализму и прагматизму, но, несмотря на это, вплоть до начала XX в. среди македонских греков похожие воззрения имели определенный успех. Для доказательства справедливости такого подхода к "Великой идее" они ссыла-

лись на тот факт, что значительная часть негреческого населения Центральной зоны — многие славяне, большая часть влахов, а также албанцев-христиан — на всем протяжении XIX в. оставалась верной Константинопольской патриархии и идентифицировала себя с греческой нацией.

Со второй половины 50-х годов XIX в. наблюдается рост антиславянских настроений в греческом общественном мнении. Тому было несколько причин. Серьезное поражение России в Крымской войне привело к смещению акцентов во внешней политике Греции — великая северная держава с этого времени уже не рассматривается греческими правящими кругами как сила, способная в течение ближайшей перспективы оказать реальную помощь Греции в решении национального вопроса. Греки вполне отдавали себе отчет в том, что Россия в будущем не сможет одновременно и равноценно поддерживать и греков, и славян в их антиосманской борьбе. Внешнеполитическая переориентация сопровождалась антиславянской пропагандой под предлогом развития в России славянофильского и панславистского движений. Другим источником антиславянских настроений явилось национальное движение болгарского народа. Здесь первопричиной антагонизма стала борьба болгар за независимость своей церкви от Константинопольской патриархии.

Болгары были первым славянским народом, добившимся еще на рубеже IX-X вв. образования автокефальной церкви. Несмотря на утрату своей государственной самостоятельности в последующие столетия, им удавалось, тем не менее, в той или иной форме охранять независимость церковную. Лишь в 1767 г. по настоянию константинопольского патриарха Самуила, была упразднена последняя болгарская (охридская) автокефальная архиепископия (справедливости ради надо отметить, что болгарской эта архиепископия оставалась лишь по названию, в особенности в последние десятилетия своего существования. Весь ее клир был греческим и давно уже проводил политику, угодную Вселенской патриархии). Запрещение патриархом богослужения на церковнославянском языке и замена его греческим, закрытие болгарских школ вкупе с пробуждением национального

самосознания болгарского народа вновь поставило во главу угла вопрос о церковной независимости. В связи с неуступчивостью константинопольской патриархии, среди болгар возникла идея унии с римско-католической церковью. В 1861 г. делегация во главе с Цанковым вела переговоры в Риме с папой Пием IX, был даже назначен архиепископ для болгар-униатов, однако в дальнейшем болгары отказались от контактов с католиками, одновременно объявив и об отказе повиноваться Вселенскому патриарху. Пытаясь урегулировать конфликт, султан издал в 1870 г. фирман, согласно которому учреждалась болгарская экзархия, признающая высшую власть константинопольского патриарха. Но в 1872 г. в Константинополе состоялся Вселенский собор, объявивший болгар схизматиками (раскольниками) и отлучивший их от церкви. По сути это означало, что отныне болгарская экзархия становилась независимой. Начался новый этап во взаимоотношениях греческого и болгарского народа. Фактически, борьба между греками и болгарам за славянское население Македонии (главным образом, ее Центральной зоны) в течение четверти века проходила по линии его церковной принадлежности. Следует отметить, что греческая пропаганда, гораздо раньше болгарской внедрившаяся в славянские населенные пункты, к моменту раскола церквей уже сумела добиться значительных успехов в национальной переориентации македонских славян. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и роль Вселенской патриархии, которая, несмотря на экуменический характер своей деятельности, была на протяжении веков проводником политики "эллинизации" в подвластных ей районах, являясь носителем греческого языка и греческих византийских традиций. Более глубокая историческая и культурная память греков в сравнении с местным славянским населением, не вполне осознававшим свою национальную принадлежность, способствовала идентификации последнего с греческой нацией — как уже отмечалось, многие славяне Македонии считали себя греками (в российской публицистике тех лет эти славяне именуются "грекоманами"). Этому способствовала и позиция греческих правящих кругов,

выдвинувших теорию существования многоязычной греческой нации, позволяющую считать греками не только греков "по крови", но и "по самосознанию", по самоидентификации, которые "отождествляют свои судьбы с судьбами эллинизма, говорят на греческом языке", а также и тех, "которые хоть и говорят в своей повседневной жизни на каком-либо диалекте (например, болгарском), но пишут на греческом, введенном в их церквях и училищах"⁴. И хотя на протяжении XIX в. число славян - "грекоманов" сокращалось прямо пропорционально росту сербского и болгарского национального самосознания среди местного населения, укреплению независимых славянских государств, все же их число оставалось значительным вплоть до начала XX в., когда в теоретические споры вмешалась сила оружия.

В отличие от греков, болгары в своей пропаганде меньше использовали в те времена аргументы исторического права и исторической преемственности. Чаще всего они обращались к фактору недовольства широких масс славянского населения, особенно крестьянства, своим социально-экономическим положением в Османской империи. При этом Константинопольская патриархия рассматривалась как институт османского государства, а поскольку священники на местах были по преимуществу греками, то социальные противоречия постепенно приобрели этнический контекст, трансформировавшийся в национальный конфликт, когда в угнетателях болгарского народа всегда видели греков и турок.

После создания болгарской экзархии, греческое правительство активизирует свою деятельность в Македонии и Фракии, где начинается настоящая "битва за умы и сердца". В 1871 г. на основании циркуляра МИД Греции ее консулам в Османской империи поручалось оказывать помощь и "патриотическое содействие" греческим культурно-просветительным обществам ("силлогам"), действующим в этих областях⁵. Неофициальным координирующим центром "силлог" стало "Греческое литературное общество" Константинополя, связанное как с Патриархией, так и с греческим правительством. Главной задачей "силлог" было установление контроля на местах над образованием и

церковной деятельностью. В различных населенных пунктах Македонии основывались школы и училища с обучением в них на греческом языке. В Греции издавалась специальная пропагандистская литература, в основном по истории Македонии, на болгарском языке, но с использованием греческого, а не славянского алфавита. Кроме того, для увеличения численности греческого населения в спорных районах, консулы Греции выдавали греческие паспорта всем, кто признавал себя греком. Все это сопровождалось усилением антиболгарской пропаганды в самом Греческом королевстве. В результате, греческое общественное мнение практически осталось равнодушным к восстанию в Боснии и Герцеговине в 1875 г., которое ознаменовало собой начало Великого восточного кризиса 70-х годов XIX в., а правительство Греции объявило о своем нейтралитете в событиях на Балканах.

В 1875-1878 гг. Греция не ставила перед собой задачи присоединения Македонии, достаточно трезво оценивая свои силы и международную конъюнктуру. Но вместе с тем она болезненно реагировала на аналогичные притязания болгар. Не случайно, известие об условиях Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора 1878 г. вызвало волну протеста греческой общественности. Как вспоминал позднее российский посланник в Афинах А.П.Сабуров, "в течение нескольких недель это была демонстрация неистовой злобы", а все общество находилось в состоянии "массового психоза"⁶. Включение большей части македонских территорий в состав болгарского государства, согласно положениям договора, привело к восстанию в греческих областях Македонии, население которых до этого на всем протяжении кризиса сохраняло спокойствие, в отличие от других греческих земель - Эпира, Фессалии, Крита. Восстание имело ярко выраженную антиболгарскую направленность - многие из греков Македонии поднимались на вооруженную борьбу, понимая, что в обозримом будущем вряд ли можно надеяться на воссоединение с Грецией, но при этом македонские греки вовсе не желали очутиться в независимой Болгарии. Было даже создано "Временное правительство Маке-

донии" в местечке Литохоро, произошли стычки повстанцев с болгарскими отрядами. Повстанческое движение пошло на убыль лишь после того, как стало очевидным, что Сан-Стефанский договор будет пересмотрен на представительном международном форуме. В современной греческой историографии восстание 1878 г. считается событием, с которого по существу началась настоящая борьба за воссоединение Македонии с Грецией⁷. После же того, как в 1881 г. Греция получила Фессалию и округ Арта в Эпире, македонский вопрос наряду с критским становится первоплановым в греческой внешней политике.

Однако вплоть до 1896 г. Греция воздерживалась от каких-либо активных действий в Македонии. Это можно объяснить следующими причинами. Во-первых, в 1878–1894 гг. Болгария, выдвинув идею македонской автономии⁸, практически не предпринимала усилий, направленных на присоединение этой области. Греческое правительство так же, как и общественное мнение в стране, отрицательно относилось к этой идее, считая, что предоставление автономии Македонии отвечает прежде всего болгарским интересам и приведет в конце концов к ее присоединению к Болгарии, как это произошло с Восточной Румелией. Позиция Греции в этот период – необходим "справедливый" раздел Македонии между всеми заинтересованными сторонами (Грецией, Болгарией и Сербией). Будущие границы предполагалось установить за столом переговоров. В то же время Греция усиленно проводила модернизацию своей промышленности и армии, готовясь к предстоящему столкновению с Турцией.

Во-вторых, в 80–90-х годах XIX в. происходит ослабление греческих позиций в церковном вопросе. Дело в том, что в этот период обострились отношения греческого правительства и Константинопольской патриархии. Афины требовали от Патриархии признания исключительно греческих интересов в Македонии, в то время как та пыталась проводить экуменическую политику в отношении к своей славянской пастве. Протесты официальной Греции вызвало решение патриархии разрешить богослужение на церковнославянском языке в районах с преобладающим славянским населением. Раздражены были Афины и

поддержкой Патриархии некоторых сербских притязаний на македонские территории. Греческие консулы прервали сотрудничество с митрополитами, назначенными Константинополем. Произошел раскол внутри греческих общин. Положение осложнялось вмешательством Порты в дела Патриархии, выразившемся в постоянном, начиная с 1883 г., оспаривании патриарших привилегий. Следствием такого положения дел стало укрепление позиций экзархистов среди той части славян, которые до сих пор считали себя греками по самосознанию. Экзархия укрепилась и организационно после того, как Порта приняла решение о назначении болгарских епископов в Охрид, Скопье (1890), Неврокоп, Дибру (1894) и создании новых болгарских епископских кафедр в Дибре, Струмице и Битоле (1894).

К середине 90-х годов XIX в. греко-болгарское противостояние в Македонии вступило в новую фазу. Создание ВМРО (1893) и Верховного Македонского Комитета в Софии (1895) подтолкнуло болгарское правительство Стоилова (1894-1899) к более энергичному вмешательству в македонские дела. По инициативе "верховистов" были сформированы и обучены несколько болгарских партизанских отрядов, которые летом 1895 г. проникли на территорию Северо-Восточной Македонии. Активность болгар обеспокоила греческие националистические круги. Год спустя, летом 1896 г., национальная греческая организация "Этники Этерия" формирует и вооружает греческие отряды, которые, разбившись на небольшие группы, вступают на македонскую землю. Во главе многих из этих формирований стояли командиры, имевшие за плечами опыт восстания 1878 г. В этот период противостояние греков и болгар было еще заочным. Дело в том, что главная цель греческих партизан состояла в том, чтобы отвлечь внимание Порты от событий на острове Крит, где в 1896 г. произошло значительное событие - восстание, приведшее в конечном счете к очередному Восточному кризису и греко-турецкой войне 1897 г. Тем не менее, греческая акция в Македонии объективно представляла собой попытку недвусмысленно заявить и о своих притязаниях на эти

земли как перед лицом Болгарии, так и перед великими державами.

Поражение Греции в войне 1897 г. создало благоприятные предпосылки для решения македонского вопроса в пользу Болгарии. Понимая, что оказавшаяся в глубоком кризисе Греция вряд ли сможет столь же энергично и целеустремленно, как прежде, проводить свою политику в Македонии, София пыталась добиться осуществления своей мечты — македонской автономии — дипломатическим путем. Эта попытка вновь оказалась неудачной. Камнем преткновения, помимо традиционных греко-болгарских разногласий, стала на сей раз и позиция сербского правительства. Несмотря на то, что во второй половине 90-х годов произошло существенное сближение Болгарии и Сербии, последняя отвергала любые переговоры по македонскому вопросу, выдвигая в качестве необходимого условия признание Портой сербов Македонии равноправным национальным элементом (миллетом), наряду с греками и болгарями. Забегая вперед отметим, что на этот шаг Порта пошла лишь в 1903 г., признав сербов и владов самостоятельными национальностями, проживающими в Македонии. И в этой связи позволим себе сделать небольшое отступление, посвященное роли сербского и румынского факторов в македонской истории второй половины XIX в.

Как Греция и Болгария, так и Сербия обосновывала свои притязания на македонские земли (главным образом — на северо-западную часть, так называемую Вардарскую Македонию) историческим правом. Правда, в те времена сербская пропаганда не пыталась, подобно современным историкам из Скопье, искать истоки "македонской нации" в эпохе Александра Македонского⁹. Наоборот, ее цель состояла в том, чтобы доказать сербское происхождение славянского населения Македонии, оказавшегося на этой земле в годы существования Великой Сербии Стефана Душана. С целью внедрения сербского самосознания в умы македонских славян были открыты при поддержке Сербии в Северо-Западной Македонии сербские школы и училища. В 1868 г. сербское правительство создало специальный комитет для распространения сербского просвещения в славянских областях Османс-

кой империи, прежде всего – в Македонии. Надежды сербов были небезосновательными. Как отмечал в 1873 г. один из российских дипломатов в Сербии в своем донесении послу России в Константинополе Н.П.Игнатьеву, "сербская и болгарская народности отнюдь не разграничены и, говоря одинаковым наречием, нося одинаковую одежду, различаются только незначительными особенностями... При таких обстоятельствах тяготение этого полудикого населения к сербам или болгарам обуславливается исключительно внешними обстоятельствами: получая поддержку Княжеств, оно считало себя сербами; но если болгарское духовенство примет в них участие, они назовутся болгарами"¹⁰. Речь в этом документе идет о населении Старой Сербии, но с полным основанием его положения могут быть отнесены и к части македонских славян. Сербо-болгарские противоречия усиливались и церковной борьбой, в которой сербы отстаивали точку зрения неприятия болгарской экзархии. Интересно наблюдение известного русского политического деятеля П.Н.Милюкова, сделанное им во время поездки по Македонии в 1897–1899 гг.: "Патриархисты"–сербоманы (автокефальность сербской церкви была признана Константинопольской патриархией в 1879 г. – С.Ц.), высмеивали "экзархистов" насмешливой фразой: "Ке дадеш пари, биту булгарин", то есть "Дашь денег, стану болгарин". Такие случаи бывали, и иногда члены той же семьи называли себя – одни "экзархистами", другие "патриархистами", а третьи "грекоманами". Но это были исключения, за которыми скрывалась поистине героическая готовность к борьбе с общим врагом – турецкими насилиями"¹¹. Возможно, П.Н.Милюков был не совсем прав насчет "исключений" – к концу XIX в. нельзя еще говорить об определенном национальном самосознании македонских славян, в достаточной степени оно было как бы "размытым", что показали, например, события 1903–1908 гг., речь о которых пойдет ниже.

К началу XX в. успехи сербской пропаганды оказались не столь значительными в сравнении с болгарской или греческой. Это обстоятельство побудило сербские националистические кру-

ги несколько видоизменить свою тактику. Впервые ими был выдвинут тезис, что славяне Македонии являются самостоятельным народом, родственным сербам. Правда, после Балканских войн эта концепция уступила место традиционным воззрениям и возродилась вновь лишь во время второй мировой войны, в совершенно иных исторических условиях.

Румынское влияние на македонские процессы было менее заметным, чем остальных стран. Оно базировалось на факте существования в Македонии небольшого народа — влахов, говоривших на одном из диалектов румынского языка. Однако основная масса влахов в XIX в. считала себя частью греческой нации — эллинизма ("эллиновлахи"). Они принимали активное участие в борьбе греческого народа за независимость в 20-х годах XIX в., а позднее зачастую выступали проводниками греческого влияния в славянских районах Македонии. К тому же греческое правительство обеспечивало относительно высокий экономический и культурный уровень вlahоговорящих общин в самой Греции. Все вышесказанное и обуславливало невысокую результативность румынской пропаганды в Македонии. Интересно, что до сих пор многие жители Северной Греции называют себя потомками влахов, хотя, конечно, являются греками и говорят на греческом языке.

Как уже отмечалось, последние годы XIX столетия проходили под знаком усиления болгарского вмешательства в македонские дела. Этому способствовала и политика османских властей, занявших враждебную позицию по отношению к грекам после войны 1897 г. По мнению современных греческих историков, это выразилось, прежде всего, в назначении в Скопье, Битола и Салоники болгарских торговых агентов, которые по существу стали главными координаторами деятельности болгарских партизанских отрядов. При содействии торговых агентов и участия экзархистского духовенства и интеллигенции, в крупнейших городских центрах Македонии создавались комитеты, связанные с ВМРО и между собой. С начала 1898 г. болгарские отряды возобновляют вооруженную борьбу, готовя почву для массового восстания с целью свержения ос-

манского ига. В новую фазу вступает и греко-болгарский церковный конфликт. Все чаще в агитации за Патриархию или экзархию основным аргументом становилось оружие. Кульминацией этого этапа стало Илинденское восстание (лето-осень 1903 г.), в котором на стороне славян участвовали многие из тех, кто еще вчера считал себя греками. К сожалению, это восстание окончилось неудачей. Оно не привело ни к освобождению Македонии от турок, ни к решению македонского вопроса в целом.

Официальную политику Греции в македонском вопросе на рубеже веков следует рассматривать сквозь призму греко-турецкой войны 1897 г. и последовавшей после нее попытки греческой дипломатии сдержать болгарскую деятельность в Македонии руками турецких властей. Но уже в первые годы нового столетия греки начинают осознавать, что курс на сотрудничество с Портой может привести к утрате завоеванных позиций, особенно в славянских общинах. Постепенно греческое правительство вырабатывает новую стратегию. Прежде всего, был преодолен раскол внутри греческих общин Македонии, вызванный отношением к политике Вселенской патриархии. В октябре 1902 г. МИД Греции разослал специальные рекомендации греческим консульским властям с целью примирения противоборствующих сторон и снятия напряженности¹². Этим была обеспечена поддержка греческой политики в македонском вопросе как тогдашним патриархом Иоакимом III, так и местными влиятельными иерархами, многие из которых стали впоследствии организаторами повстанческого движения (например, митрополит Касторьи Германос Каравангелис). Примерно в то же время в Афинах был образован Македонский комитет с целью организации вооруженной борьбы. В ноябре 1902 г. вице-консулом в Битоле был назначен Иоанис Драгумис, сын известного греческого политика и дипломата Стефаноса Драгумиса, связанного к тому же с Македонским комитетом. И. Драгумис становится неофициальным координатором партизанских отрядов, создававшихся местными греческими общинами. Обеспокоенное Илинденским восстанием правительство Теотокиса направило в Македонию специальных эмиссаров-офицеров греческой армии, которые

должны были представить отчет о настроениях на местах с точки зрения подготовки нового, теперь уже греческого, антиосманского и антиболгарского выступления. Возвратившись в Афины, эмиссары дали правительству рекомендацию создавать отряды добровольцев в самой Греции, ставить во главе их кадровых офицеров и посылать в Македонию, где эти отряды могли бы стать ядром повстанческого движения. Вскоре один из эмиссаров, Павлос Мелас, был назначен афинским Македонским комитетом "верховным командующим" отрядов в районе Битола — Касторьи и в сентябре 1904 г. направлен туда во главе группы из 35 человек. После трех месяцев непрерывных столкновений с турецкими войсками, отряд П.Меласа был окружен и разгромлен, а сам он убит¹³.

Мы не случайно подробно осветили этот, казалось бы, малозначительный эпизод. Дело в том, что именно с этого момента начались события, именуемые в современной греческой историографии "македонской борьбой" и сопоставимые в греческом национальном наследии с борьбой за независимость и Балканскими войнами. Весть о гибели П.Меласа буквально всколыхнула общественное мнение Греции, превратив македонский вопрос из относительно локального в дело всей нации. П.Мелас стал национальным героем Греции, его имя упоминается сегодня в греческих учебниках истории в одном ряду с такими известными борцами за свободу греческого народа, как А.Ипсиланти и Т.Колокотронис; в его честь названы улицы во многих городах Греции. Правительство Теотокиса не могло больше оставаться безучастным к македонским делам, оно открыто стало содействовать организации отрядов на территории Греции, оказывать им материальную поддержку. Вскоре деятельность этих отрядов охватила практически всю территорию Центральной и Южной зон Македонии. Главным штабом "македонской борьбы" стало генеральное консульство Греции в Салониках, которое с мая 1904 г. возглавлял убежденный противник болгарской пропаганды в Македонии Ламброс Коромилас.

С самого начала "македонская борьба" носила ярко выраженный антиболгарский характер. Ее главной целью был разгром

болгарского партизанского движения в Македонии, вытеснение основных сил болгар за пределы зоны греческого влияния. Освобождение же Македонии от османского ига как бы отошло на второй план. Поскольку греческие отряды так же, как и болгарские, были невелики (в среднем — 30–50 человек в каждом), то они избегали столкновений с турецкими войсками. В то же время, как сообщает известный греческий историк Т. Вурнас, в 1905 г. правительство Греции осуществило ряд секретных демаршей в Константинополе, пытаясь (и безуспешно) убедить Порту в том, что деятельность "андартов" (греческих партизан) никоим образом не посягает на целостность османских владений в Македонии, а направлена исключительно против болгар. В результате правительство Турции уведомило Афины, что турецкие войска будут по возможности избегать столкновений с греческими отрядами¹⁴, что, в общем-то, соответствовало действительности. "Македонская борьба" продолжалась вплоть до 1908 г. и закончилась лишь после младотурецкой революции, с которой, хотя и безосновательно, связывали свои надежды все народы, населявшие Македонию. Значение "македонской борьбы" для греков заключалось в том, что им удалось подорвать болгарское влияние в тех районах, на которые претендовала Греция. По сути, это была братоубийственная война между балканскими христианами, определившая расстановку сил в Македонии накануне Балканских войн, а во многом — и их исход в последующем разделе спорных македонских территорий.

Итоги двух Балканских войн достаточно хорошо известны. Территориальное разграничение в Македонии было выгодным для греков и сербов. После первой мировой войны оно было узаконено и на международном уровне: Греция включила в свой состав практически всю Южную и значительную часть Центральной зоны Македонии. Главной задачей государства отныне стал процесс полной "эллинизации" новых земель, осуществлявшийся с помощью созданного властями министерства "северных территорий". Важным элементом этого процесса стала политика "обмена национальными меньшинствами", проводившаяся Афинами в межвоенный период¹⁵.

Согласно положениям Неййского (1919 г.) и Севрского (1920 г.) международных договоров, Греция была обязана обеспечить определенные права всем народностям, оказавшимся в результате послевоенного урегулирования на территории греческого государства; державы Антанты, в свою очередь, предусматривали меры по защите негреческих меньшинств в Греции. 27 ноября 1919 г. был подписан греко-болгарский протокол об обмене меньшинствами. Содержание протокола вызвало негативную реакцию в Белграде. Правящие круги Королевства сербов, хорватов и словенцев считали славянское меньшинство на территории Греции сербским, а не болгарским по происхождению. Кроме того, они опасались, что признание греко-македонских славян болгарами означает де-факто признание болгарами и славян Вардарской Македонии, что неминуемо обострило бы в будущем отношения между Болгарией и Королевством СХС. Неприемлемым оказался греко-болгарский протокол и для националистических славяномакедонских организаций, включая ВМРО, поскольку изменение этнического облика ряда областей греческой Македонии становилось объективным препятствием на пути осуществления их планов создания единого независимого славянского государства на всей македонской территории. Тем не менее, политика обмена меньшинствами достаточно последовательно осуществлялась Грецией и Болгарией, и протокол 1919 г. оказался не последним в ряду аналогичных договоров, подписанных дипломатами двух государств. Всего же на протяжении 20-х годов десятки тысяч славян были выселены из Греции в Болгарию; на их место прибыли болгарские греки (в том числе и славофоны), а также 1,5 млн. этнических греков из Малой Азии, депортированных правительством Турции после неудачной для Греции греко-турецкой войны 1919-1922 гг. и заключения этими государствами Лозанской конвенции (1923 г.). Их расселение в Македонии, которое поощрялось и стимулировалось Афинами, существенно изменило этнический облик этой провинции, ставшей к концу 20-х годов практически однородной в национальном отношении. Думается, есть смысл остановиться кратко в этой связи на отношении греческих ком-

мунистов к македонскому вопросу. Поначалу их позиция по македонскому вопросу была неопределенной и не отражалась в официальных партийных документах. Лишь после создания в 1920 г. Балканской коммунистической федерации (БКФ), в которую вошли компартии Болгарии, Греции, Югославии, Румынии и Турции, эта позиция начинает проясняться. На 3-й конференции БКФ (Москва, июль 1921 г.) болгарский делегат В. Коларов (он возглавлял БКФ) поднял вопрос об автономии Македонии, в которую должны были войти как ее болгарская и югославская, так и греческая области; несмотря на возражения греческого представителя, конференция приняла решение на основе предложений Коларова. На 6-й конференции БКФ балканские коммунисты заняли еще более определенную позицию, выступив за единую и независимую Македонию и создание на Балканах коммунистической федерации, в которую, помимо прочих, вошла бы и "Республика Македонии и Фракии". Это решение было утверждено на 5-м конгрессе Коминтерна (1924 г.) и стало обязательным для всех входящих в него компартий. На основании решений БКФ и Коминтерна 3-й внеочередной съезд КПГ (Афины, 1924 г.) принял соответствующую резолюцию, в которой подчеркивалось, что раздел Македонии между балканскими государствами может еще больше усилить стремление "македонцев" к освобождению и объединению, что КПГ поддерживает всякую революционную борьбу народов и выступает за право наций на самоопределение вплоть до отделения и образования своего независимого государства.

Решения съезда были однако неоднозначно восприняты партийными массами. В партийной печати развернулась широкая дискуссия, некоторые местные организации выступили с осуждением резолюции, а в Салониках была даже создана "новая группа коммунистов", которая объявила себя организационно независимой от КПГ и решительно отвергла "право македонского народа" на создание "единой и независимой Македонии".

В ходе дискуссии были выдвинуты три точки зрения. Генеральный секретарь КПГ Пулипулос, который вначале поддержал

резолюцию, вскоре осудил ее и охарактеризовал политику партии по македонскому вопросу как ошибочную и чреватую провалом. Другие руководители КПГ выступили за резолюцию. Третью точку зрения отстаивал С.Максимос, который в принципе поддерживал резолюцию, но при этом подчеркивал, что КПГ, оказывая помощь славянам Македонии в их борьбе, не должна брать на себя обязательство по организации революционного движения этих народов. И хотя сторонники резолюции в конечном счете одержали верх, в дальнейшем КПГ не стремилась активно воплощать ее в жизнь, видимо опасаясь, с одной стороны, возобновления споров и разногласий, а с другой — потери влияния среди македонских (и не только македонских) греков из-за несоответствия своей национальной программы с общим настроением греческого общественного мнения. С середины 30-х годов Коминтерн, провозгласив политику создания "Народных фронтов", официально отверг идею независимой Македонии. КПГ, естественно, поддержала этот новый курс, отчетливо понимая, что изменение этнической картины в греческой Македонии окончательно сделало нереальной ее объединение со славянскими македонскими областями в рамках "единой и независимой Македонии".

После второй мировой войны КПГ лишь однажды отступила от этой позиции. Состоявшийся в январе 1949 г. 5-й пленум ЦК принял резолюцию, в которой, в частности, отмечалось, что "Македонский народ добьется полного национального самоопределения", но не в рамках Югославской Федерации (отношения Тито с Москвой были уже к тому времени разорваны), а в составе Федерации балканских советских республик. Вскоре, однако, КПГ охарактеризовала решение 5-го пленума своего ЦК как ошибочное¹⁶.

Наконец, несколько слов о позиции Греции по македонскому вопросу в наши дни. После второй мировой войны македонский вопрос для греков постепенно отходит в культурно-историческую область, хотя справедливости ради следует отметить, что он не потерял своей политической актуальности и поныне. Распад Югославской Федерации привел к появлению на политиче-

ской карте Балкан сразу нескольких фактически независимых государств, одно из которых – Республика Македония – самим фактом своего существования вызывает определенное беспокойство у греков. Дело в том, что с момента создания Народной (впоследствии – Социалистической) Республики Македонии в 1945 г., не прекращается идеологическая борьба между Грецией и Югославией, в которой греки отстаивают свое исключительное право именовать "Македонией" лишь земли, входящие в состав греческого государства. Для греческих политиков и историков неприемлемо использование этнонима "македонцы" для обозначения славянского народа – по их мнению, называться так могут лишь греки. Они не признают существования "македонской нации", отвергая при этом попытки своих коллег из Скопье реконструировать историю этой нации в прошлом, начиная с эпохи Филиппа Македонского и Александра Великого.

Таким образом, официальная позиция греческого правительства в македонском вопросе в основном сводится сегодня к следующему:

1) Македонией следует называть только области Северной Греции. При этом неприемлемо такое понятие, как "Эгейская Македония", ибо в нем содержится намек на существование других частей Македонии в составе соседних с Грецией государств.

2) Славянское государство не может называться "Республикой Македония" (в греческих официальных документах, исторической литературе и публицистике оно именуется "Республикой Скопье" или "так называемой Республикой Македония"). В соответствии с данной позицией Греция официально настаивает на переименовании этого государства. В противном случае не может идти речь о его дипломатическом признании как Афинами, так и государствами – членами Европейского сообщества (здесь Греция использует имеющееся у нее право вето).

3) В "Республике Скопье" должна прекратиться фальсификация македонской истории¹⁷.

Сейчас трудно прогнозировать, каким образом будут развиваться отношения Афин и Скопье в обозримом будущем, при-

ведут ли они к сотрудничеству и добрососедству или к конфронтации. Возможно, мы стоим на пороге возникновения нового узла балканских противоречий, поскольку в последнее время существенно изменилась расстановка сил в этом регионе. Вероятно, Греция может опасаться создания оси Скопье - София - Анкара, с последующим возрождением старых территориальных споров и взаимных претензий. Не случайно греческое общественное мнение столь болезненно реагирует на дипломатическую активность Республики Македония.

В феврале 1992 г. в Салониках состоялась демонстрация протеста, в которой приняли участие сотни тысяч человек, представлявших все цвета политической палитры. Поводом для нее послужило обращение Скопье за международным признанием. Выступая перед участниками, мэр Салоник К.Козмопулос заявил: "Мы стоим перед лицом специфической и серьезной угрозы. Десятилетиями нашу историю фальсифицировали... и вот возникает государство Скопье, многонациональное государство, которое пытается обрести национальное единство, используя название "Македония", но Македония находится здесь. Три тысячи лет назад это благословенное Богом место было названо Македонией"¹⁸. Можно по-разному относиться и к этому событию, и к этим словам. Одно лишь несомненно - стоит позавидовать доброй завистью греческому народу за то, что он не предаст забвению свою тысячелетнюю историю, отстаивает с настойчивостью и последовательностью, достойной уважения, свою землю и свое культурное наследие, доставшиеся ему от предков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ιστορία του ελληνικού έθνους. Τ.ΙΓ: Αθήναι, 1977.Σ. 467-469. Αλλαράνη Ε. Η Βεσσαλία στα τελευταία πενήντα χρόνια της τουρκικής κυριαρχίας(1832-1882)//Η τελευταία φάση της ανατολικής κρίσεως και ο ελληνισμός(1878-1881). Πρακτικά. Αθήναι, 1983.Σ.76.

2. K o f o s E v. National Heritage and National Identity in Nineteenth and Twentieth Century Macedonia. Athens, 1991. P.8.

3. Арш Г. Л. К вопросу об идейном воздействии Великой французской революции на балканские народы (Неизвестный текст конституции и "Военного гимна" Ригаса Велестинлиса) // Французский ежегодник 1963 г. М., 1964. С.320-344.

4. Κωφδς Ευ. Η επανάστασις της Μακεδονίας κατά το 1878. Βεσσαλονίκη, 1969. Σ.84.

5. Архив внешней политики Российской империи МИД России. Фонд Канцелярия, 1875 г. Д.8. Л.22. - Посланник России в Греции П.А.Сабуров - канцлеру А.М.Горчакову, II(23) января 1875 г. - P.A.S a b o u r o f f M a m i s s i o n e n G r e c e.

6. Центральный государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург) (ЦГИА). Ф.1044. Оп.1. Д.257. Л.255.

7. Βακκαλόπουλος Κ.Α. Το πολιτικό καθεστώς του ελληνισμού της Μακεδονίας στις παραμονές του Μακεδονικού αγώνα (1894-1904) // Ο Μακεδονικός αγώνας. Συμβολο. Βεσσαλονίκη, 1987. Σ.41-42.

8. Формально Болгария требовала предоставить Македонии статус "привилегированной провинции" в составе Османской империи, который, по сути дела, мало чем отличался от автономии.

9. Греческую критику современной югославской историографии македонского вопроса см.: Κωφδς Ευ. Η Μακεδονία στη γιουγосλαβική ιστοριογραφία. Βεσσαλονίκη, 1974; Μαρτίης Ν. Η πλαστογράφηση της ιστορίας της Μακεδονίας. Αθήναι, 1981.

10. ЦГИА. Ф.797. Оп.43. II-3. Д.28-а, ч. XII. Л.22. - Управляющий дипломатическим агентством в Сербии - Н.П.Игнатьеву, 7(19) января 1873 г.

11. Милков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С.128-129.

12. Βακκαλόπουλος Κ.Α. Ο.π. Σ.48.

13. О миссии П.Меласа и последующих событиях "македонской борьбы" см.: Ιστορία του ελληνικού έθνους. Τ.14. Αθήναι, 1977. Σ.215-254.

14. Βουρνάς Τ. Ιστορία της Νεώτερης Ελλάδας. Αθήναι, 1974. Σ.579.

15. Подробнее об этой политике см.: История македонского народа. Скопье, 1986. С.344-348; Γούντα - Φερυάδης Α. Ελληνο - Βουλγαρικές μειονότητες. Πρωτοκλάο Πολιτική 1924-1925. Βεσσαλονίκη, 1986.

16. Об отношении греческих коммунистов к македонскому вопросу см.: История македонской нации. С.348-355; Μαρτίης Ν. Ο.π. Σ.76-79; Κοφοβ Ευ. Nationalism and Communism in Macedonia. Thessaloniki, 1964.

17. Известия. 1992. 12 марта. Газета поместила статью "Несколько поправок к вопросу о Македонии", написанную отделом печати греческого Посольства в Москве и излагающую официальную позицию Греции.

18. Там же. 1992. 21 февр.

"МУСУЛЬМАНСКИЙ ФАКТОР"

В ЖИЗНИ БОЛГАРСКОГО ОБЩЕСТВА

Болгария является одним из древнейших государств Европы — его возникновение датируется 681 годом. За 13 веков существования оно пережило периоды расцвета и упадка, роста могущества и утраты независимости. Особенно мрачным периодом в истории Болгарии явилось пятивековое османское иго. Страна освободилась от него лишь во второй половине XIX столетия, в результате подъема национально-освободительной борьбы и поражения Турции в войне с Россией в 1877–1878 гг. Бесспорно, болгарский народ вправе гордиться, что в условиях столь длительного чужеземного господства он сумел сохранить свою самобытность, язык, культуру и, в конечном счете, принадлежность к славянству.

Вместе с тем, как подтверждает вся история человечества, обретение независимости порождает тесно связанные с прошлым, но приобретающие новые грани весьма сложные, болезненные и живучие проблемы, которые не поддаются быстро-му удовлетворительному решению. Хотя временами их теми или иными способами удается приглушить, загнать вовнутрь, они становятся потенциальным или активно действующим источником перманентной (скрытой или явной) напряженности в обществе, нередко перерастающей в острейшие конфликты. Вокруг этих проблем разворачиваются политическая борьба, идеологическая полемика и т.д., которые ведутся не всегда цивилизованными методами и в ряде случаев используются в конъюнктурных целях, для удовлетворения узкогрупповых или личных амбиций. Как правило, такие проблемы, оценки их сущности, поиски решений выхдят, особенно в современных условиях, за рамки данной страны, имеют тенденцию к интернационализации.

Применительно к Болгарии, к числу проблем, которые сегодня имеют первостепенное значение и, пожалуй, в наиболее полной мере сочетают "отягощенность историей" с действительной злободневностью, относится, безусловно, национальный вопрос. Его тугой узел, завязанный, по существу, еще в 1878 г., т.е. с момента восстановления государственной независимости, не удалось развязать и по сей день. Сам по себе этот вопрос многогранен, но главный его стержень — положение в стране наиболее многочисленного национального меньшинства — этнических турок, а в более широком плане — всех болгарских граждан мусульманского вероисповедания. К последним, в частности, относятся и болгары, принявшие ислам (в литературе и в бытовой лексике они часто именуется "помаки"). Они сохранили в качестве родного болгарский язык, но в национальном самосознании части из них в той или иной степени присутствует "турецкий элемент". Как и повсюду, в Болгарии вопросы межэтнических отношений весьма тесно переплетены с проблемами социально-экономического, политического, культурного и другого характера.

х

х

х

Проблема болгарских мусульман имеет свои количественные и качественные характеристики и измерения. Некоторые из них отражают конкретную специфику данного исторического временного отрезка, укладываются в определенные хронологические рамки.

Что касается количественных показателей, то, вполне естественно, в период османского ига население Болгарии пополнялось выходцами из метрополии и их потомками. Кроме того, ассимиляторская политика османов имела следствием исламизацию ("отуречивание") части коренного населения (отсюда появились упоминавшиеся выше "помаки"). Не представляется возможным привести достоверные цифры о численности турецкого (мусульманского) и болгарского (славянско-православного) населения во второй половине XIX в. на тер-

ритории нынешней Болгарии. Однако, опираясь на исследования ряда авторов, можно утверждать, что и до свержения османского ига турецкое население не составляло в названном районе большинства. Это относится ко всем владениям Турции на Балканах¹.

Одним из итогов русско-турецкой войны 1877-1878 гг. был массовый уход турецкого населения из Болгарии вместе с отступающей армией. Впоследствии часть беженцев возвратилась на прежние места проживания. По данным переписи населения Болгарии, проведенной в 1893 г., его общая численность составила почти 3311 тыс. человек, в том числе болгары - 2505 тыс., турки - 570 тыс. человек².

В последующие периоды динамика численности мусульманского населения Болгарии определялась различными внутренними и внешними факторами: естественным приростом, эмиграционными процессами, изменением территориальных границ страны в результате Балканских и мировых войн. При переписях населения иногда использовались неравнозначные критерии (так, при переписи 1934 г. вопрос о национальности был заменен вопросом о разговорном языке). В публикуемых статистических показателях, в литературе в одних случаях говорилось о мусульманском населении в целом, в других - лица турецкой национальности учитывались отдельно. Следует заметить, что в массовом сознании понятия "мусульманин" и "турок" нередко воспринимались как идентичные.

По данным официальной статистики, в 1910 г. в составе населения Болгарии насчитывалось около 466 тыс. лиц турецкой национальности, в 1926 г. - 578 тыс., или 10,5% от общей численности (удельный вес граждан болгарской национальности равнялся в то время 83,2%). В 1934 г. численность населения страны превысила 6 млн человек, из них говорящие на турецком языке составляли 618,3 тыс. человек (10,2%)³.

Естественно, границы конфессиональной принадлежности шире, чем этнические. После первой мировой войны, когда Болгария по Нейскому мирному договору (1919 г.) понесла

существенные территориальные потери, численность мусульман в стране оценивалась в 800 тыс. – I млн человек. В большинстве своем они были неграмотны, относились к беднейшим слоям населения и проживали в основном в сельской местности⁴.

О невысоком социальном статусе мусульман свидетельствуют и статистические данные, касающиеся структуры занятости болгарских турок в народном хозяйстве страны. В 1920 г. из общего их числа – 520,3 тыс. человек – примерно 450 тыс. проживало в селах, 70,3 тыс. – в городах. Компактные места поселения были сосредоточены преимущественно в восточных и юго-восточных районах страны – вокруг городов Кырджали, Хасково, Разград, Шумен и др. Численность экономически активного населения среди этой категории граждан составляла примерно 277 тыс. человек, из них 249 тыс. (около 90%) было занято в сельском хозяйстве. В большинстве своем это были мелкие и средние хозяйства, не использующие наемный труд. Численность промышленных рабочих и ремесленников не превышала 15 тыс. человек. Весьма невелика была прослойка служащих, лиц свободных профессий⁵.

Отношение к мусульманам со стороны властей, православной церкви и общественности было в буржуазной Болгарии неоднозначным. Не оспаривая известный тезис о традиционной этнической и религиозной терпимости болгар, нельзя не учитывать, что османское иго во многом формировало (и формирует) так называемую "историческую память", являющуюся важным элементом национальной психологии. Это обусловило наличие определенных антиисламских (конкретнее – анти-турецких) проявлений в массовом сознании.

Официальные политические и конфессиональные структуры и институты особое внимание уделяли помакам, стремясь внедрить среди них болгарское самосознание, убедить (или вынудить) их сменить исламские имена, возвратиться в лоно православия и т.п. Как отмечал сотрудник Парижского Национального центра научных исследований А. Попович, накануне второй мировой войны в Болгарии среди мусульманского населения ак-

тивизировалась деятельность христианских миссионеров. У них была добрая воля, но отсутствовала компетентность. Они не поняли "природы и прочности уз (религиозных и психологических), привязывающих эти народности к мусульманской идеологии". Помаки всячески сопротивлялись попыткам обращения их в христианство. Одной из форм сопротивления явилась массовая эмиграция помаков в Турцию в 1927, 1933 и 1935 гг.⁶

Среди мусульманского населения вели работу различные политические партии и организации, в том числе и левого толка. Еще до первой мировой войны болгарские социал-демократы ("тесные социалисты") стали издавать на турецком языке газету "Тютюнороботник". С января 1919 г. аналогичное издание - газету "Земаделско знаме" начал выпускать Болгарский земледельческий народный союз. На ее страницах, в частности, положение турецкого населения в Болгарии сравнивалось со "стадом", в которое впились "клещи-ростовщики и пиявки-политиканы"⁷.

Однако особенности социальной структуры, своеобразие быта и духовного мира, некоторые аспекты взаимоотношений с "основной нацией" предрасполагало мусульманское население к определенной замкнутости, к пассивности в общественно-политической жизни. Вместе с тем в монографии Ю. Мемешева приводятся немало фактов участия болгарских турок в антифашистском сопротивлении, в установлении в стране народно-демократической власти⁸.

x

x

x

Революция 9 сентября 1944 г., переход Болгарии к социалистическому строительству и специфика его отдельных этапов, а также динамика и направленность развития международной ситуации соответствующим образом отражались на позициях и подходах болгарского руководства к национальному вопросу, на положении мусульман в стране. Численность населения Болгарии, согласно данным переписи 1946 г., составляла 7028 тыс. человек, в том числе мусульмане - 938 тыс., из них этничес-

кие турки – около 700 тыс. человек⁹. Это была последняя перепись, когда в масштабах всей страны учитывалась (во всяком случае, предавалась гласности) принадлежность к религиозной конфессии.

Первый ("народно-демократический") этап послереволюционного развития Болгарии продолжался недолго – около трех лет. Но он породил определенные надежды на возможность демократического варианта социалистических преобразований, реально обеспечивающего основные гражданские свободы. Иллюзорность этих надежд выяснилась довольно скоро, но вначале новая власть в какой-то мере считалась с демократическими устремлениями широкой общественности. Было ли это искренней попыткой нащупать свой путь социалистического строительства? Вопрос этот заслуживает всестороннего исследования. Во всяком случае Г.Димитров хорошо знал все "прелести" советской ("сталинской") модели. Но вполне очевидно, что болгарское руководство было в то время вынуждено создавать себе некий "демократический имидж" на международной арене, особенно до заключения мирного договора с антигитлеровской коалицией (февраль 1947 г.).

В дальнейшем, где-то с середины 1947 г., демократический курс, даже непоследовательный, половинчатый, стал ощутимо сворачиваться. Хотя демократические лозунги и декларации не только не отменялись, но и множились, они все более отчетливо вступали в противоречие с социальной практикой. Болгария встала на путь, пройденный с теми или иными модификациями всеми странами "реального социализма": формирование политической и идеологической монополии, тоталитарного режима, авторитарной власти и т.д., что в итоге привело общество и страну к глубочайшему и всестороннему кризису.

Политика в отношении мусульманского населения не сразу обрела ту целенаправленность, которая ясно проявилась в 70-е и особенно в 80-е годы. Более того, на упоминавшемся "демократическом" этапе и некоторое время после него в этой политике наблюдались и существенные позитивные моменты.

Так, в одном официальном издании 1951 г. говорилось, что в Болгарии функционировало 1460 мечетей, причем 10 из них были построены после 9 сентября 1944 г. Религиозные обряды совершали 1850 мусульманских священнослужителей, в соответствующую конфессиональную иерархию входили 1 главный и 26 местных муфтиев. Работали четыре начальных (медресе) и одна высшая мусульманская духовная школа, в которой обучалось 650 человек. На турецком языке выходили 4 газеты (в том числе отдельно детская и молодежная) и 1 журнал¹⁰.

Конституция Народной республики Болгарии (НРБ), принятая в декабре 1947 г., гарантировала всем гражданам страны, включая и национальные меньшинства, равные права. Была также введена отдельная статья, зафиксировавшая право национальных меньшинств обучаться на своем родном языке и развивать свою национальную культуру¹¹.

В первые годы после 9 сентября 1944 г. количество школ с преподаванием на турецком языке увеличилось более чем в два раза - они были созданы практически в каждом селе, где компактно проживало население турецкой национальности. Были также открыты специальные педагогические училища, готовившие кадры для этих школ, турецкое отделение в Софийском государственном университете. Создавались турецкие театральные и другие творческие коллективы и объединения, велись радиопередачи на турецком языке¹². Эти и другие подобные факты давали известное основание говорить, что, в отличие от прежних правительств, лишь пришедшее к власти в результате сентябрьской революции "демократическое правительство Отечественного фронта" поставило национальные меньшинства в отношении родного языка и культуры в равноправное положение с болгарями¹³.

Но в указанный период проявились и иные грани национальной (этнокультурной) политики. Они органически вписывались в стратегические цели правящей политической силы, руководство которой все менее проявляло склонность терпеть действительные, потенциальные и даже воображаемые препятст-

вия избранному курсу.

В духовной сфере возрастала роль и усиливалась жесткость идеологической и административной "метлы". Уже в 1945 г. в Болгарии прекращаются выпуск мусульманских религиозных изданий, поступления мусульманской литературы из-за рубежа. Начавшиеся социалистические преобразования в народном хозяйстве - наступление на частный сектор, развивающаяся вширь индустриализация и т.п. - влекли за собой глубокие, но не всегда благоприятные изменения в среде обитания, разрушали традиционный жизненный уклад людей. Все это особенно болезненно переносилось мусульманским населением, быт которого, как уже отмечалось, отличался известной консервативностью, сохранял определенные устоявшиеся правила и обычаи.

На положении болгарских мусульман и турок прямо или косвенно сказывалась и неустойчивость, сложность межгосударственных отношений между Болгарией и Турцией. Их традиционное взаимное недоверие, настороженность (иногда дипломатически маскируемые) усугублялись началом "холодной войны", принадлежностью этих стран к противостоящим мировым системам.

В конце 40 - начале 50-х годов в Турцию выехали более 155 тыс. болгарских турок¹⁴. Подавляющее большинство этого контингента эмигрировало зимой 1950-1951 гг., в связи с чем А. Попович высказал мнение о спровоцированной болгарским руководством политической акции, непосредственно связанной с войной в Корее. Насильственно организованный солидный и "разовый" эмиграционный поток должен был создать трудности для Турции как бы в расплату за посылку ею своих войсковых частей в Корею в составе войск ООН¹⁵.

Столь значительное (по болгарским масштабам) количество эмигрантов не ликвидировало, однако, преобладания турок среди национальных меньшинств страны. Об этом свидетельствуют результаты переписи населения 1956 г. Данные этой переписи заслуживают внимания и потому, что в них сравнительно подробно учтена (и опубликована в открытой печати) нацио-

нальная принадлежность болгарских граждан.

В 1956 г. в Болгарии проживало 7614 тыс. человек. Среди них лиц болгарской национальности насчитывалось 6506 тыс., или 85,5% общей численности. Другие национальные группы были представлены следующим образом: турки — 656 тыс. человек (8,6%); македонцы — 188 тыс. (2,5%); цыгане — 198 тыс. (2,6%); армяне — 22 тыс. (0,3%); русские — 11 тыс. (0,1%). Остальные 33 тыс. человек (0,4%) были занесены в графу "другие национальности"¹⁶.

Приведенные данные не дают полного представления о количестве мусульман в Болгарии. Обычно к этой группе исследователи относят, помимо турок и помаков, также цыган (полностью или частично), татар и др., чья численность незначительна. Однако, несмотря на отсутствие некоторых показателей, вполне можно говорить, что мусульманская "прослойка" в болгарском обществе была достаточно весомой.

Одним из главных направлений партийно-государственной политики в отношении мусульман оставалось строгое разграничение этнических турок и помаков. Неизменно подчеркивалась принадлежность последних к болгарскому этносу, насильственный характер их былого "отуречивания", некая ущербность их "двойственного" состояния, выход из которого виделся один — воссоединение с "единокровными братьями" через полное освобождение от "магометанства" в своем сознании и поведении.

Практическим выражением такого подхода стала кампания по замене у помаков мусульманских имен на болгарские. Она велась с применением различных мер и средств — идеологические сочетались с административными, принудительные — с поощрительными. Создавались, например, препятствия или, напротив, предоставлялись льготы при поступлении на работу, учебу, решении различных житейских вопросов. Однако, вопреки фактам, Т. Живков в интервью президенту известной издательской фирмы "Пергамон-пресс" Р. Максвеллу заявил, что помаки "полностью добровольно и по своему желанию восстановили свои болгарские имена..."¹⁷ Очевидно, эта кампания явилась своего рода репетицией аналогичной, но гораздо бо-

лее масштабной акции, осуществленной в 80-е годы.

В целом в Болгарии в 60-е годы стал набирать силу процесс свертывания тех возможностей для сохранения, без серьезного риска дальнейшего ущемления социального статуса, самобытности мусульманского населения, которые оно еще имело в недалеком прошлом. Естественно, этот процесс затрагивал прежде всего этнических турок ввиду их сравнительной многочисленности. Данное обстоятельство не осталось без внимания со стороны Турции, которая выступила в качестве заступника за своих соплеменников.

В 1968 г. было подписано болгаро-турецкое соглашение сроком на 10 лет, в соответствии с которым болгарские граждане турецкой национальности, имеющие в Турции родственников, получили право переселения в эту страну. Таким образом, в отношениях между двумя странами была применена уже известная в международной практике формула — "содействие воссоединению семей". Подавляющее большинство болгарских турок, на которых распространялось действие соглашения, воспользовались им — в Турцию переселилось примерно 120 тыс. человек. Лишь около 10 тыс. человек, имеющих право выезда, предпочли остаться в Болгарии. По истечении договоренного срока болгарская и турецкая стороны согласились, что возможности указанного соглашения были исчерпаны¹⁸.

Подписание и реализация "переселенческого соглашения" особо не приостановили дискриминационные меры в отношении болгарских мусульман внутри страны. Закрывались учебные заведения с преподаванием на турецком языке. С 1972 г. изучение этого языка в общеобразовательных школах стало факультативным, причем данная реформа была, в соответствии с правилами "тоталитарной демократии", предпринята якобы по желанию родителей учащихся турок. К этому времени уже резко сократились тиражи печатных изданий на турецком языке. В 1974 г. было закрыто турецкое отделение в Софийском университете.

Вместе с тем в важнейших партийных и государственных документах по-прежнему настойчиво декларировались достижения

в обеспечении равенства всех граждан страны. В принятой в 1971 г. Программе Болгарской коммунистической партии (БКП) указывалось, что в стране ликвидированы "проявления национального гнета и дискриминации". В Болгарии вместе с болгарским населением "в братской дружбе живут и строят социализм" и граждане НРБ других национальностей¹⁹. В Конституции НРБ, принятой в мае 1971 г., говорилось о недопущении никаких привилегий или ограничений в правах на основе национальной принадлежности и что "всякая проповедь ненависти или унижения человека за его расовую, национальную или религиозную принадлежность запрещается и карается"²⁰.

Вопросы национальной политики были затронуты на февральском (1974 г.) пленуме ЦК БКП. Было признано, что к сложным проблемам "народностно-религиозного или народностно-психологического" характера, формировавшегося десятилетиями, иногда подходят с позиций "грубого администрирования", но, с другой стороны, здесь также проявляется пассивность и инертность. Отмечалось наличие специфических проблем в связи с национальным самосознанием болгар магометанского вероисповедания – болгарское происхождение этих граждан "бесспорно доказано", однако в результате "реакционной пропаганды и исламского фанатизма" часть их "все еще имеют омраченное национальное сознание", поддается антиболгарской и антисоциалистической пропаганде.

Как очень важные квалифицировались на пленуме вопросы улучшения работы "по классово-партийному и патриотическому воспитанию населения турецкого происхождения". Линия БКП в этой области характеризовалась как ясная и последовательная, целиком основывающаяся на марксистско-ленинском учении по национальному вопросу. Было подчеркнуто, что социалистическое государство "никогда не имело и не имеет ассимиляторских целей как в отношении турок, так и в отношении других народностных групп". При этом прозвучало предупреждение о намерении и впредь твердо пресекать попытки спекулировать на национальных чувствах, разжигать националистические наст-

роения, противопоставлять местных турок остальному болгарскому народу.

В качестве основных направлений работы с мусульманским населением указывалось ускорение социально-экономического и культурного развития соответствующих районов, наступательная идеологическая деятельность, полное приобщение этих граждан к делу социализма и коммунизма, повышение и укрепление у них классового сознания, отношения к Болгарии как к своей родине и т.д.

Отвлекаясь от известной абстрактности, "дежурного" звучания этих установок, можно увидеть, что болгарское руководство придавало мусульманской (турецкой) проблеме серьезное значение и не собиралось "спускать ее на тормозах". Представляется также принципиально важным сам факт признания наличия в стране турецкого этноса, учитывая, какие меры будут предприняты по отношению к нему через несколько лет.

Упоминание о национальных меньшинствах содержится в вышедшем в Софии в 1977 г. справочно-рекламном издании. В нем, в частности, говорилось, что из четырехсот депутатов Народного собрания НРБ (парламента) II являются турками, 3 - евреями, 1 - армянином. Отмечалось также, что ислам - наиболее распространенная после православия религия в стране и его исповедуют турки, болгары-магометане и цыгане²¹.

Наличие в населении Болгарии лиц турецкой национальности было подтверждено и в уже цитированном выше интервью Т.Живкова, данного им Р.Максуэллу^{*}. Было подтверждено, что

^{*} Интервью было опубликовано в болгарской печати в январе 1982 г. Но еще раньше оно увидело свет, будучи включенным в сборник трудов Т.Живкова, выпущенный в Англии издательством "Пергамон-пресс" в ноябре 1981 г., под заголовком "Тодор Живков - государственный деятель и строитель новой Болгарии". Тем самым авторитетное свидетельство высшего партийно-государственного руководителя, что среди граждан Болгарии есть лица турецкой национальности, получило международную огласку.

мусульманство является второй по своей распространенности конфессией в стране, его исповедуют "болгарские турки" и "болгары-магометане". В то время в стране насчитывалось свыше 1300 мечетей, 8 районных и I главное муфтийство, 570 районных имамов. Государство отпускало ежегодные субсидии на содержание мусульманского духовенства; издавались двуязычные (болгаро-турецкие) газеты тиражом 20 тыс. экз. и журнал - 10 тыс. экз. Были приведены и другие факты, призванные свидетельствовать о благополучном положении болгарских турок. Упускалось, однако, из виду, что в предшествующий период многие из этих показателей - численность священнослужителей, количество мечетей, наименований изданий на турецком языке и др. - были выше. Не говорилось, разумеется, о том, что деятельность мусульманской церкви, включая выборы (назначения) муфтиев, находилась под жестким контролем властей, о закрытии мусульманских учебных заведений, о невозможности для болгарских мусульман "хаджа" (паломничества к мусульманским святыням) и др. Важно другое. Интервью Т. Живкова было опубликовано несколько лет спустя после истечения срока действия болгаро-турецкого "переселенческого соглашения". Следовательно, и в этот период наличие турок - болгарских граждан, официально не отрицалось.

Если соотнести показатели тех переписей населения, в которых национальная принадлежность учитывалась, количество эмигрантов, демографические факторы и последствия рекомендации регистрировать детей от смешанных браков как болгар, то очевидно, что численность этих граждан была достаточно велика. По данным различных источников, "мусульманская прослойка", включающая и туркоязычное население в Болгарии в конце 70 - начале 80-х годов, насчитывала 10-12% населения страны. Разумеется, отнюдь не все они были "религиозными фанатиками" или "протурецки настроенными". Болгарский публицист В. Райчев отмечал, что среди этих людей были и верующие, и атеисты, и ревнители древних традиций, и равнодушные к ним, и коммунисты, и беспартийные. Одни считали себя турками, другие - кызылбаши, татарами, черкесами,

инные – болгарами. Но все они были и считали себя равноправными гражданами Болгарии, пока Живков не стал осуществлять свой план "формирования единой монолитной болгарской нации"²².

В 80-е годы в верхних эшелонах власти Болгарии, среди ближайшего окружения Т.Живкова оформились новые подходы к решению национального вопроса, его "мусульманско-турецких" аспектов. При общем ужесточении курса были изменены его акценты, приоритеты. Основным направлением стало выдвижение на первый план идейно-теоретического обоснования и ускоренная, безотлагательная практическая реализация тезиса о "гомогенности" болгарской нации. В конце 1984 г. был дан старт так называемому "возрожденческому процессу", основной жертвой которого явилось туркоязычное население страны.

В течение нескольких недель у граждан, носивших арабско-турецкие имена и фамилии, они были насильственно заменены на болгарские. Было запрещено пользоваться турецким языком, в том числе и в быту (за каждое произнесенное турецкое слово мог быть наложен денежный штраф в размере пяти левов), соблюдать и совершать многие мусульманские обряды и обычаи, носить традиционную одежду и т.д. Под бульдозер пошли мусульманские кладбища. Для обеспечения "возрожденческого процесса" была мобилизована вся мощь административного и репрессивного аппарата. Применялся самый широкий арсенал карательных мер – угрозы, избивания, оружие, заключение в тюрьмы и лагеря, высылка из страны*. Была запущена и пропагандистская машина. Проявивших честность и мужество граждан, главным образом представителей интеллигенции (болгар по национальности), протестовавших против позорного "процесса", клеймили как изменников, предателей, "родоотступников"²³.

* Летом 1988 г. и в феврале 1989 г. организация "Международная амнистия" обращалась к правительству НРБ с просьбой предоставить информацию о заключенных в болгарских тюрьмах. По данным этой организации, в Болгарии после 1984 г. было арестовано более 150 чел. за противодействие ассимиляции.

В материалах печати, в публичных выступлениях высших партийно-государственных руководителей однозначно утверждалось, что Болгария является "государством одной нации" и в состав болгарского народа "не входят части других народов и наций". И хотя "возродительный процесс" носил во многом драматический, порой - и трагический характер, это не мешало характеризовать его как выражение роста национального самосознания болгарского народа, смену имен - как "спонтанную", "добровольную" и т.д. С точки зрения этнической принадлежности все болгарские мусульмане были отнесены к потомкам болгар, насильственно "отуреченным" в период османского ига. Тем самым турецкий этнос среди граждан Болгарии был "отменен". При этом не было заметно какого-то смущения или удивления не имеющим аналогов феноменом, когда веками "омрачаемое" национальное самосознание вдруг чуть ли ни мгновенно "просыпается" и "возрождается".

Подобные установки и утверждения, предназначенные быть "руководством к действию" и не допускающие каких-либо альтернативных мнений и толкований, настойчиво повторялись и развивались в речах высших руководителей, с которыми они выступали в различных районах страны перед местным партийно-хозяйственным и общественным активом. Маршруты этих вояжей включали и районы компактного проживания мусульман, ибо здешнее руководство особо нуждалось в соответствующей ориентировке. Так, член Политбюро ЦК БКП, председатель Совета Министров НРБ Г.Филипов, выступая в Бургасском округе, заявил, что процесс "восстановления болгарских имен обусловлен исторической правдой и растущим самосознанием населения". Люди "мудро", "дальновидно" и "абсолютно добровольно" сделали свой "исторический выбор". И, вполне логично, поскольку турок в Болгарии нет, Г.Филипов счел необходимым категорично отметить, что никакого выселения в Турцию нет и осуществляться не будет, т.е. возможность эмиграции исключалась²⁴.

"Правая рука" Т.Живкова, член Политбюро, секретарь ЦК БКП М.Балев в своем выступлении в гор.Хасково охарактери-

зовал смену имен ни больше и ни меньше как "новое рождение человека", открывающее ему "необозримые просторы" для разностороннего развития, благополучия его самого, его детей, внуков и правнуков. Данное высказывание можно было истолковать и в том смысле, что не сменивший имя рискует благополучием не только личным, но и своих потомков. М.Балев также без обиняков указал, что нет и не будет никакого переселения в Турцию, никаких болгаро-турецких переговоров по этому вопросу и вообще нет такого государства, с которым Болгария должна вести такие переговоры²⁵.

В болгарской печати были опубликованы и декларация Болгарского муфтийства, заявления мусульманских священнослужителей, в которых в полном соответствии с "руководящими указаниями" утверждалось, что в стране гарантирована и соблюдается свобода вероисповеданий и религиозных обрядов; смена имен - акт сугубо добровольный, а болгарские мусульмане - "часть болгарского народа и никогда не принадлежали к турецкой нации". Следует заметить, что среди подписей под цитируемыми документами можно встретить только болгарские имена²⁶.

О явно антитурецкой направленности "возродительного процесса" говорит и тот факт, что к мероприятиям по доказательству его "естественного характера" были подключены представители других национальных меньшинств. Последние не были затронуты этим процессом - очевидно, в силу их малочисленности, власти не усматривали в них угрозу "монолитности" болгарской нации. В декларации, принятой пленумом Центрального руководства культурно-просветительской организации болгарских евреев, отмечалось, что в стране "в едином братском семействе" живут болгары, армяне, евреи, атеисты, православные, мусульмане и др. Все этнические группы являются свободными и равноправными во всех отношениях, и правительство Болгарии "категорически против насильственной ассимиляции"²⁷.

Содержание "возродительного процесса" не ограничивалось сменой имен. По существу происходило вторжение в глубинные,

исторически сложившиеся пласты этнопсихологии, внутренне-го духовного мира, жизненного уклада, т.е. в те сферы, которые в принципе трудно поддаются разрушающему их внешнему воздействию и регулированию. В лучшем случае внешнее воздействие может одержать "внешнюю победу".

В партийных установках, формулировавших задачи и определявших направления углубления названного процесса, указывалось, что нужно "на более широком фронте и более рационально преодолевать проявления националистических протурецких настроений, исламские религиозные чувства, взгляды и связанные с ними этнодифференцирующие символы, знаки, обряды, ритуалы и праздники". Именно через них воспроизводится общение на турецком языке, употребление турецких имен, а благоприятную обстановку для этого создают "замкнутые семейные социальные структуры", обособленность соответствующих групп населения по месту жительства и работы и т.п.²⁸

В этой связи подчеркивалось, что если до сих пор идейно-воспитательная и организационная работа сводилась, главным образом, к борьбе с внешними признаками, выполняющими "этнодифференцирующую роль" - имена, язык, одеяния, обряды, - то отныне предстоит более трудная работа по изменению сознания людей. Речь идет о внутреннем, сокровенном сознании (самосознании), "о преодолении этнопсихологических стереотипов, барьеров, чувств и убеждений, питающих обособленность. Проявилась необходимость углубления возродительного процесса, перехода его от внешнего, доступного, видимого к внутреннему, труднодоступному, противоречивому". Указывалось, что весьма важно усилить понимание того, что возродительный процесс - это процесс общенациональный и восстановившие свои имена должны чувствовать понимание, поддержку и уважение всего населения. Вместе с тем следует проявлять строгую взыскательность и призывать к личной ответственности тех, кто "неосознанно или преднамеренно создает религиозно-бытовые и психологические препятствия развертыванию возродительного процесса"²⁹.

Масштабность и одновременно скрупулезность подходов к выполнению задач возрождительного процесса проявилась, в частности, в требовании продолжить применение "уже широко распространенной системы мер по утверждению болгарских имен, наметить и применять меры контроля и самоконтроля за употреблением новых имен". В работе по преодолению религиозного фанатизма и бытового консерватизма узловое место отводилось решительной борьбе "против обрезания и исламских элементов одежды". Важная роль отводилась средствам массовой информации, которым предписывалось активизировать публикацию и демонстрацию материалов об исторических и современных предпосылках возрождительного процесса, особенностях и закономерностях формирования и развития болгарской нации; о патриотическом и национальном подъеме среди болгар, восстановивших свои имена. Следовало также активнее разоблачать "клевету турецких и других империалистических центров о положении исламизированного населения в Болгарии", больше публиковать материалов "об острых внутренних экономических, политических и социальных проблемах Турции, о судьбе переселенцев из Болгарии, о геноциде и ассимиляции целых народностей и национальных меньшинств". ЦК БКП выразил уверенность, что местные партийные, государственные и хозяйственные органы, общественные организации, творческие союзы еще более системно и ответственно продолжают свою наступательную работу по доведению до конца возрождительного процесса³⁰.

В ходе этого процесса и среди мусульман, этнических турок оказалось определенное количество его сторонников, энтузиастов, по крайней мере вербальных. Кого-то запугали или подвергли "партийной мобилизации", кого-то уговорили или "ублажили". Существенно расширилась почва для проявлений конформизма, двойной морали. В целом, однако, были серьезно подорваны нравственные устои нормального, цивилизованного сосуществования основной нации и основного национального меньшинства. В болгарском обществе была "заложена мина", взрыва которой не пришлось ждать особо долго.

"Возродительный процесс", формы и методы его осуществления вызвали негативную реакцию во внешнем мире, у многих международных организаций, среди широких кругов мировой общественности. Так, Политический комитет Совета Европы сделал заявление по поводу ущемления прав турецкого населения в НРБ, напомнив болгарскому правительству о необходимости уважать обязательства, взятые им в соответствии с хельсинкским Заключительным актом, Декларацией прав человека. С протестом выступили генеральные секретари Организации исламской конференции (ОИК), Всемирного конгресса мусульман и др.³¹ На страницах белградской "Политики" говорилось, что в Болгарии происходит ассимиляция, беспрецедентная при социализме со времен сталинского переселения крымских татар. Поголовное "оболгаривание" – это "явный вызов Уставу Организации Объединенных Наций, Заключительному акту, принятому в Хельсинки, международным правовым нормам и, если уж говорить об идеологической предпосылке, основным ленинским установкам по национальному вопросу"³².

Острой была реакция со стороны Турции. В частности, ее постоянный представитель в ООН заявил на заседании представителей стран-членов ОИК, что в Болгарии происходит скоординированная кампания, имеющая целью ликвидировать посредством принуждения этническую, религиозную и культурную индивидуальность турецкого национального меньшинства. Речь идет об 1 млн. человек, проживающих там уже 600 лет. В этом выступлении содержался призыв к ОИК "сыграть свою роль в оказании помощи болгарским туркам с целью смягчения их положения"³³.

В целом, однако, Болгария больше подверглась моральному осуждению и до широких международных экономических и политических санкций дело не дошло. Здесь сказались конкретные реалии международной ситуации: неурегулированность ближневосточного кризиса ("проарабская", "антиамериканская" и "антиизраильская" позиция Болгарии в этом вопросе); противоречия и конфликты между отдельными мусульманскими странами (ирано-иракская война); достаточно прочные экономичес-

кие и иные связи Болгарии с рядом арабских государств и др. Что касается непосредственно Турции, то, вероятно, имея напряженные отношения с Грецией, она не стремилась слишком обострять отношения с еще одной балканской страной. Возможно, существовала и определенная "оглядка" на болгарского "старшего брата" – Советский Союз, в развитии экономических отношений с которым Турция была весьма заинтересована, в силу чего его не следовало "раздражать" активной антиболгарской политикой. Кроме того, в самой Турции отнюдь не все благополучно обстояло с соблюдением прав человека с точки зрения европейских стандартов*. В общем, сбылось предположение, что вопрос о том, насколько далеко зайдет Турция в деле защиты болгарских турок, зависит от ее готовности поступиться, хотя бы частично, своими экономическими и политическими интересами, а они таковы, что вряд ли "страдающие в Болгарии турки" дождутся "какой-нибудь реальной акции" в свою защиту³⁵.

Вместе с тем болгарское руководство, судя по всему, все более осознавало, что сменой имен, запретом обрядов и т.п. новое "национальное самосознание" не утвердить. Что касается идейно-воспитательной работы, то в ее эффективность, наверное, мало верили и сами организаторы и исполнители. Очевидно, в этой связи у Т.Живкова и его ближайшего окружения созрело намерение и появился соблазн решить "мусульманско-турецкую" проблему в стране радикально и "одним махом". С другой стороны, нужны были доказательства декларируемой приверженности к положениям Хельсинского акта, принципам, зафиксированным в документах СБСЕ, и т.д. Так, в 1989 г. Болгарии предстояло стать местом проведения весьма представительного международного

* Факты нарушения прав человека, преследований по политическим мотивам, имевшие место в Турции, широко освещались в болгарской печати. Так, в одном из сообщений Болгарского телеграфного агентства говорилось, что за последнее время из Турции перебежали в Болгарию и попросили политического убежища почти 330 чел. Но болгарские власти не использовали подобные факты, чтобы не "отравлять атмосферу" в отношениях между двумя странами³⁴.

"Экологического форума", проводимого в рамках СБСЕ. Нужно было, наконец, создать в мире образ "перестраивающейся", "обновляющейся" Болгарии. Переплетение объективных потребностей, благих намерений и тайных замыслов и вывело "мусульманскую (турецкую) проблему" на новую фазу развития.

В мае 1989 г. Народное собрание НРБ внесло существенные, качественные изменения и дополнения в Закон о болгарском гражданстве и в Закон о заграничных паспортах. Была, в частности, значительно упрощена процедура оформления выездных документов, чем в первую очередь пожалали воспользоваться граждане, вроде бы обретшие "новое национальное самосознание", но на практике отнюдь не переставшие считать себя этническими турками. Четко обозначилось и главное направление выезда - Турция.

Введение в действие положений указанных законодательных актов, касающихся оформления выезда, предусматривалось несколько позднее - с сентября 1989 г. (нужна была техническая подготовка). Однако, мгновенно разнеслись слухи, что это - очередной обман, маневр властей. Мусульмане не ждали ждать и их обращение за загранпаспортами "стало лавинообразным"³⁶. Неподготовленность местных органов власти к такому повороту событий стала поводом для массовых манифестаций, беспорядков в некоторых районах страны. С другой стороны, по свидетельству болгарского социолога К.Кертикова*, именно манифестации (май 1989 г.) мусульман, тюркоязычных граждан под лозунгами "Перестройка", "Да здравствует Горбачев", "Долой Живкова" стали катализатором. И

* К.Кертиков в течение 12 лет возглавлял группу из 17 специалистов, занимающуюся разработками по вопросам этнических проблем в Болгарии. Эти разработки были сугубо секретными и доводились только до Т.Живкова и особо доверенных членов Политбюро ЦК БКП. Как заявил К.Кертиков в телепередаче, "наша последняя разработка была размножена только в 4-х экземплярах. Она осталась неизвестной большинству членов Политбюро, тем более для членов ЦК БКП, правительства, депутатов Народного собрания".

хотя, по существу, требования демонстрантов сводились к возвращению "отнятых имен", к желанию диалога с ЦК БКП (в чем им было молчаливо отказано), они и побудили Т.Живкова и его окружение принять решение о свободной выдаче загранпаспортов. Против демонстрантов были применены водометы, резиновые пули и прочие атрибуты "демократии"³⁸. По другим данным, во время демонстраций в конце мая 1990 г. милиция употребила огнестрельное оружие, в результате чего 7 чел. были убиты, а 27 чел. получили ранения.

В конце мая 1989 г. по болгарскому телевидению и радио выступил Т.Живков, который отметил, что в связи с новым законодательством о загранпаспортах и гражданстве "в определенных районах страны, среди некоторых групп населения, подстрекаемых силами извне, возникла напряженность. В отдельных населенных пунктах был грубо нарушен общественный порядок". Было также заявлено, что "каждому болгарскому гражданину предоставляется возможность выезжать куда он захочет... Каждый, кто пожелает, может воспользоваться этим правом в соответствии со своей совестью и волей"³⁹. Прозвучало и обращение к турецким властям открыть границу для всех болгарских мусульман, которые желают выехать в Турцию на время или остаться там жить. По мнению К.Кертикова, выступление Т.Живкова было "мракобесным" и, по сути, говорящим болгарским мусульманам: "Вон из Болгарии!"⁴⁰ Возможно, в этом и заключался "живковский план". Несмотря на очевидные социальные, экономические, внешнеполитические и прочие издержки, предполагалось "вытолкнуть" мусульман за пределы страны и раз и навсегда закрыть эту проблему.

Летом 1989 г. болгарские мусульмане образовали мощный поток беженцев из Болгарии в Турцию. В июне-августе выехало свыше 300 тыс. человек и еще около 400 тыс. человек подало заявление на выезд⁴¹. Пожалуй, после второй мировой войны Европа не знала столь массового и скоротечного "перемещения народов". Турция, однако, несмотря на заявления о готовности принять "хоть миллион" болгарских турок, не смогла "переварить" такое количество эмигрантов. Турецкое

правительство приняло решение о прекращении с 22 августа 1989 г. свободного пересечения болгаро-турецкой границы. Желавшие выехать вынуждены были занимать место в долгих очередях для оформления документов в турецкие консульства в Болгарии. Сдерживающим фактором явились и сведения, что Турция расселяет выехавших из Болгарии в районах, населенных курдами, в турецкой зоне Кипра и т.п.

Около 100 тыс. болгарских мусульман, выехавших летом 1989 г. в Турцию, вскоре возвратились в Болгарию, что породило новые проблемы. Отъезжающие продавали, обычно за мизерные цены, свое недвижимое имущество, домашний скот и др., приобретая в то же время по завышенной цене различные транспортные средства. При этом продажа жилья являлась обязательным условием для получения в органах МВД разрешения на выезд, хотя последний оформлялся как "экскурсия". Населению прямо внушалось: заклейте "отъезжантов", скупайте за бесценок их имущество и продавайте им втроедорога автомобили, чемоданы и т.п.⁴² Возвратившиеся зачастую оказывались у "разбитого корыта", ощущая к тому же враждебность, неприязнь со стороны местных властей, односельчан, среди которых были и "погревшие руки" во время упомянутой купли-продажи.

Неприязненное отношение к "экскурсантам" было вызвано и тем, что массовый отъезд мусульман и не менее массовая готовность осуществить его в ближайшее время пришлось на период напряженных сельхозработ; оголили множество рабочих мест, причем в большинстве своем далеко не "престижных". Особенно пострадали табаководство (одна из важнейших экспортных отраслей), некоторые перерабатывающие отрасли. Выезжали также и интеллигенты: учителя, врачи и др.

Для заполнения образовавшихся "прорех" использовались армия, студенты, отменялись отпуска, вводился сверхурочный труд и т.п. Был даже принят специальный нормативный акт "О мобилизации населения в мирное время". Но полноценной замены опытных и трудолюбивых работников не получилось, и народное хозяйство страны понесло солидный ущерб. Это также отражалось на отношении к мусульманам, а официальная

пропаганда подогревала соответствующие настроения.

В указанный период между Болгарией и Турцией развернулась широкомасштабная идеологическая война, с которой осуществлялась массовая манипуляция национальными и религиозными чувствами людей. В ходе антиболгарской кампании в Турции усиленно использовался тезис о поправленных правах турецкого национального меньшинства, мусульман. В свою очередь, среди немалой части болгарского общества произошел всплеск национализма и шовинизма. По свидетельству компетентных источников, в ход пошли и такие заявления: "Пусть турки уходят вон из Болгарии"; "Они огнем и мечом насаждали мусульманство, а теперь мы заставим их либо убраться, либо стать болгарями".

Следует однако отметить, что новое обострение мусульманской проблемы усилило элементы раскола и поляризации в болгарском обществе, причем не только по национально-этническому или религиозному признаку. К чести некоторых представителей общественности, преимущественно интеллигенции и даже части партийно-государственного и хозяйственного руководства, они не только осознавали пагубность, большие политические, экономические и моральные издержки официальной линии в отношении мусульман, но и пытались в ряде случаев протестовать против нее. По некоторым данным, в директивные органы поступало немало писем и обращений, в которых призывалось обсудить проблемы национальных меньшинств "в духе гласности", вернуть имена всем, кто этого пожелает", прекратить насильственное выселение из страны, обеспечить всем гражданам необходимые гарантии для нормальной и спокойной жизни, искать компромисс, а не прибегать к силовому давлению и т.п. В обращении группы интеллигенции, направленном в июле 1989 г. в Народное собрание, говорилось: подлинные причины происходящих в Болгарии событий коренятся в насилии, совершенном властями над этнической группой болгарских граждан. Высказывались и суждения, что ни в одной войне Болгария не теряла такого количества своих граждан, как в связи с переселением мусульман.

Бытовало в Болгарии и мнение (естественно, не "для печати"), что в сложившейся в стране ситуации в известной мере повинно и советское руководство, которое в свое время не высказалось против авантюристической линии и методов Т. Живкова и его соратников в "мусульманском вопросе". Здесь было чуть ли не стопроцентное, как говорится, попадание "в точку". Действительно, в Советском Союзе образовался практически полный информационный вакуум относительно "возрождающего процесса" и других подобных явлений. Тогдашнее советское руководство предпочитало не давать оценку этим "внутренним проблемам" своего ближайшего союзника, хотя болгарские лидеры неоднократно выражали пожелание получить политическую, моральную и иную поддержку со стороны СССР и других "братских партий и государств". Потребность в такой поддержке особенно ощущалась в связи с растущим осуждением национальной политики болгарских верхов со стороны международных организаций, правительств и общественности многих государств, реальной возможности применения к Болгарии экономических санкций и др. Такое осуждение и озабоченность сложившейся в Болгарии ситуацией были выражены на форуме по правам человека, открывшемся в Париже в июне 1989 г. и проходившем в рамках Конференции СБСЕ. Парламентская ассамблея Европейского сообщества приняла решение направить в НРБ делегацию, чтобы высказать свою позицию по поводу политики правительства страны в отношении местных турок. Правительство Великобритании взяло на себя согласование действий ЕС против Болгарии. Госдепартамент США неоднократно выражал негативное отношение по поводу положения в Болгарии турецкого национального меньшинства, а летом 1989 г. были отменены намеченные переговоры с делегацией министерства торговли НРБ. Озабоченность проблемой болгарских мусульман высказали Иран, Пакистан, ряд арабских государств.

Нельзя сказать, что Советский Союз полностью занял позицию постороннего наблюдателя. Он взял на себя посреднические функции, причем по просьбе обеих сторон, в организации болгаро-турецкого диалога. И Болгария, и Турция вы-

ражали готовность к переговорам, однако их принципиальные позиции практически не "стыковались". Турецкая сторона выступала за заключение специального соглашения о переселенцах, причем последним должны были быть восстановлены прежние имена и соблюдены их имущественные права, за признание Болгарией наличия в стране граждан турецкой национальности и обеспечения полного равноправия тем из них, кто не пожелал переселяться в Турцию или другую страну. В случае подписания такого соглашения Болгарии пришлось бы выплачивать Турции компенсацию за прием переселенцев, включая стоимость их недвижимого имущества. Но главное — это означало бы признание существования в стране турецкого национального меньшинства, что для болгарского руководства выглядело абсолютно неприемлемым. В этой связи основным условием плодотворности болгаро-турецкого диалога становилось отстранение от власти живковского клана.

Болгарские руководители не только желали поддержки своей национальной политики со стороны "социалистического содружества", но и негативно относились к публикациям в прессе, в которых содержалась информация о самом факте наличия в Болгарии лиц турецкой национальности. В разряд "крамольных" попали и некоторые советские издания, включая справочники и учебники⁴³. Особое раздражение (повлекшее официальный протест болгарской стороны) вызвала публикация довольно острого критического характера по поводу решения в Болгарии мусульманского вопроса, появившаяся в августе 1989 г. на страницах сравнительно малораспространенного еженедельника "Советский цирк"⁴⁴.

Правомерно встают вопросы: Зачем Т.Живкову и его ближайшему окружению понадобился именно такой, казалось бы, никак не укладывающийся в цивилизованные "европейские" рамки жесткий курс в отношении мусульман турецкого меньшинства? Каковы были мотивы, аргументы, оправдывающие этот курс? Почему, наконец, что бы там ни говорилось, данный курс, за исключением отдельных форм и методов его реализации, отнюдь не был отвергнут всеми слоями болгарского обще-

ства, включая интеллигенцию, а в некоторых случаях встречал и полное одобрение? Вопросов гораздо больше, чем доказательных ответов. Можно высказывать лишь частные суждения, предположения, ни в коем случае не претендуя на их "исчерпаемость".

Разумеется, имела место спекуляция на "исторической памяти" болгарского народа - а это фактор весьма весомый и живучий. Можно вполне уверенно предположить, что "мусульманскому вопросу" отводилась роль "социальной отдушины", отвлекающей население от других, прежде всего социально-экономических проблем, которые все более обострялись. Использовались и достаточно убедительные для массового сознания аргументы. Например, возможность выдвижения болгарскими турками требования предоставить им автономию - сначала этнокультурную, затем и территориальную (такие требования действительно выдвигались), после чего - недалеко и до превращения Болгарии во "второй Кипр". В данном случае обыгрывался вопрос о территориальной целостности и национальной безопасности страны. Национальный вопрос явился своего рода и "оседком", выявляющим настроения общенности, прежде всего интеллигенции. Здесь, вероятно, следует признать, что диссидентство в Болгарии было слабым. Французская "Монд" справедливо отмечала, что в стране, "где, как признают сами болгары, никогда не было ни Сахарова, ни "Хартии 77"... режим никогда не идет на какие-либо уступки в области прав человека"⁴⁵. Не упускался из виду факт, что национальные меньшинства в Турции отнюдь не благоденствуют. В частности, не без оснований лондонская "Дейли телеграф" писала, что право Турции выражать возмущение в связи с положением болгарских турок, подрывается ее собственной, хотя и гораздо менее радикальной политикой культурной ассиимиляции турецких курдов"⁴⁶.

Рассуждения по поводу мотивации и аргументации "живоковой линии" в национальном вопросе можно продолжать долго, но, думается, следует признать, что сама по себе мусульмано-турецкая проблема в Болгарии - это не просто

"выдумка" или "изобретение" тоталитарно-коммунистического режима, авторитарной власти и т.п. Свидетельством тому являются реальные, общеизвестные факты.

х

х

х

В ноябре 1989 г. Т.Живков и его окружение были отстранены от власти. Эту акцию осуществили члены высшего руководства правящей Болгарской компартии, которые провозгласили курс на сохранение верности социалистическому выбору при наполнении реальным содержанием перестроечных, обновленческих процессов. Одной из главных задач являлась ликвидация "живковских завалов" в национальном вопросе. Именно здесь проявилась стойкая живучесть, влияние "исторической памяти" в массовом сознании.

Пленум ЦК БКП, состоявшийся 29 декабря 1989 г., специально рассмотрел вопрос о преодолении деформаций в отношении тюркоязычного и мусульманского населения. В докладе члена Политбюро, секретаря ЦК БКП А.Лилова отмечалось, в частности, что эта проблема решалась в противоречии с марксизмом, принципами социализма. Пленум квалифицировал как "принципиально неправильную", как "грубую политическую ошибку" и преступление проводимую авторитарным режимом Т.Живкова кампанию по насильственному созданию "этнически монолитной болгарской нации". Было также провозглашено, что БКП выступает за национальное согласие в решении вопросов, связанных с нарушением прав тюркоязычного и мусульманского населения. Отмечалось также, что при решении этих вопросов должны гарантироваться территориальная целостность, национальная безопасность и интересы Болгарии⁴⁷.

В этот же день, 29 декабря 1989 г., было принято решение Государственного совета и Совета Министров НРБ, в котором осуждались все действия, ущемляющие права граждан, касающиеся свободы вероисповедания, выбора имен, использования в бытовом общении неболгарского языка и т.д. Парламенту рекомендовалось амнистировать всех осужденных за "поли-

тические преступления", имеющие отношение к изменению имен, но не связанные с террористическими акциями⁴⁸. В начале января 1990 г. была подписана совместная декларация политических и общественных организаций Болгарии, в которой выражалась полная поддержка указанному решению Госсовета и Совмина, отмечалось, что оно является актом политической мудрости, отвечает стремлению болгарского народа окончательно порвать с тяжелым наследием тоталитарного режима, строить демократическое и гуманное общество, правовое государство⁴⁹. Примечательно, что эта декларация — один из немногих документов, который подписали противоборствующие политические силы — Болгарская компартия (переименованная вскоре в социалистическую) и ее основной оппонент — Союз демократических сил (СДС).

В середине января 1990 г. принимается Декларация Народного собрания НРБ по национальному вопросу. В ней осуждались извращения, связанные с "возродительным процессом". Было подтверждено право каждого гражданина на свободу совести, вероисповеданий, соблюдение обрядов, ритуалов и т.д. Вместе с тем указывалось, что в стране не допускается существование политических и общественных организаций, деятельность которых направлена против ее целостности, единства нации, на территориальное обособление по этническому или религиозному принципу⁵⁰. В дальнейшем были приняты конкретные нормативные акты, устанавливающие, в частности, процедуру восстановления прежних имен (нужно было подать заявление в местные административные или судебные органы) и др.

Однако названные декларации, политические и другие решения, призванные ввести "мусульманский вопрос" в нормальное, демократическое русло, вызвали и нежелательные, иногда весьма бурные общественные процессы. В конце декабря 1989 г. в стране начались волнения — митинги, манифестации, забастовки — против "антиболгарских" решений властей, чрезмерных "послаблений и уступок" туркам, во время которых выдвигались лозунги "Болгария — болгарам", "Турки — в Турцию" и

т.п.⁵¹ Подобных примеров, когда попытки с помощью нормативных актов, властных решений нормализовать национально-этнические проблемы, сталкивались с неадекватной реакцией значительной части населения, можно привести немало. Так, весьма острую негативную реакцию вызвало решение о введении факультативного изучения турецкого языка в общеобразовательных школах.

В настоящее время в Болгарии оформилась новая политическая ситуация, главная черта которой – отстранение от власти Болгарской социалистической партии (преемницы БКП). Турецкое национальное меньшинство, болгарские мусульмане обрели влиятельное общественно-политическое формирование – Движение за права и свободы (ДПС), представленное в парламенте, в местных органах власти. При нынешнем составе Народного собрания, где ни одна политическая сила не имеет абсолютного большинства (из общего количества 240 депутатов СДС принадлежит 110 мандатов, БСП – 106 и ДПС – 24) последнему нередко принадлежит решающая роль при принятии законодательных актов, определяющих пути дальнейшего развития страны. Это шокирует некоторые круги болгарской общественности, которые не могут примириться с фактом, что организация "турецкого меньшинства" выступает как своеобразный "арбитр" в высшем законодательном органе страны.

Лидер ДПС А.Доган отрицает стремление своей организации к созданию какой-то турецкой культурной или территориальной автономии внутри Болгарии, но своих симпатий к Турции, ее опыту экономического развития не скрывает, тем более, что она в этом отношении действительно достигла за последнее десятилетие впечатляющих результатов. Однако многими в Болгарии была с тревогой и озабоченностью воспринята интерпретация популярного в стране тезиса о "возвращении в Европу" А.Доганом. По его мнению, болгарский путь в Европу проходит "через Босфор и исламский мир"⁵².

Крушение в Болгарии тоталитарно-авторитарного режима не сняло полностью, несмотря на принятые практические меры и очевидные позитивные сдвиги, остроты национального вопро-

са, его "мусульманско-турецких" аспектов. Бесспорно, произошли заметные положительные перемены в отношениях с Турцией по линии межгосударственных, экономических и других отношений. Но и здесь сохраняются и проявляются, явно или подспудно, взаимное недоверие, настороженность и т.п.

Часть болгарской общественности по-прежнему расценивает как актуальные проблемы, связанные с экспансионистскими устремлениями "исламского фундаментализма", "пантюркизма". Так, в одной публикации газеты "Дума" говорилось, что масштабные перемены в ряде балканских стран, происходящие там политические и этнические столкновения, нестабильность внутреннего положения создают условия для возрождения и проявления этнорелигиозных сил, чьи претензии несовместимы с национальными интересами. От западной Фракии через Родопы, Пиринский край, Македонию, Косово и Метохию, Санджак, Боснию и Герцеговину - по всему этому "геополитическому полумесяцу" пронеслась стихия турецко-исламской волны". Где-то ее проявление было очень спокойным, где-то - бурным, но направленность ее одна - "права турецко-мусульманским общностям, культурная и политическая автономия, суверенные республики и, как конечная цель, - турецко-исламское государство"⁵³.

Различные точки зрения высказываются и по поводу решения национального вопроса непосредственно в Болгарии. Так, по мнению писателя Д.Фучеджиева, страна "обременена этническими проблемами", которые сегодня выглядят как "туннель без выхода" и являются объектом "противоречивых, крайних и эгоистичных мнений и взглядов"⁵⁴. Многие общественные и политические организации страны, авторитетные политики, общественеды выступают за разработку целостной концепции, стратегических подходов к национальному вопросу. С этой целью в апреле 1991 г. был создан Независимый общественный комитет по национальным проблемам, в который вошли представители различных партий, депутаты, ученые, общественные деятели. Комитет провел научно-теоретическую конференцию, на которой был особо подчеркнут комплексный характер националь-

ного вопроса, сочетание в нем внутренних и внешних, экономических, культурных и нравственных аспектов⁵⁵. Вполне очевидно, что сложность и особая специфика, "деликатность" национально-этнических проблем предполагают и длительность их решения, исключают возможность "кавалерийских атак", требуют мудрости и терпения и от политиков, и от всего общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: К а н и ц Ф. Дунайская Болгария и Балканский полуостров. Исторические, географические и этнографические путевые наблюдения 1860-1875. СПб., 1876. С.247; Д а н ц и г Б. Турция. М., 1949. С.14. (Он, в частности, пишет, что из двенадцати миллионов людей различных национальностей в европейских владениях Порты на Балканах только один миллион составляли турки).
2. См.: О в с я н и й Н. Болгария и болгары. СПб., 1900. С.123, 125.
3. Статистически годишник на Българското царство. 1915. С.46; 1933. С.27; 1937. С.25, 27; Балканские страны. М., 1946. С.301-302.
4. Цит. по реферату исследования: П о п о в и ч А. Турки в Болгарии, 1878-1985. Опыт развития национальностей в коммунистическом мире // Реферативный журнал "Зарубежная литература о мировой социалистической системе". М., 1987. № 4. С.39.
5. См.: М е м и ш е в Ю. Участие на българските турци в борбата против капитализма и фашизма. С., 1977. С.12-13.
6. П о п о в и ч А. Указ.соч. С.39-40.
7. М е м и ш е в Ю. Указ.соч. С.9, II.
8. Там же. С.164-214.
9. БСЭ. 1964. Т.5. С.404.
10. Турецкое меньшинство в Народной Республике Болгарии. С., 1951. С.12-13, 52-53.
11. Конституция на Народна Република България. С., 1968. С.23.
12. История на България. С., 1955. Т.П. С.396.
13. Балканские страны. М., 1946. С.301.
14. Кратка Българска енциклопедия. С., 1962. Т.1. С.62.
15. П о п о в и ч А. Указ.соч. С.42.
16. Статистически справочник на НР България 1958. С., 1959. С.19.
17. Работническо дело. 1982. 22.1.
18. Там же.
19. X съезд Болгарской коммунистической партии. М., 1972. С.238.
20. Народная Республика Болгария. Конституция и законодательные акты. М., 1981. С.37-38.
21. Болгария. Вопросы и ответы. С., 1977. С.54, 68.
22. Р а й ч е в В. Болгария: национальный вопрос // Московские новости, 1990. 21 янв.

23. Известия. 1990. I янв.; Московские новости, 1990. 2I янв.; Правда. 1990. 2I янв.; Литературен фронт. 1990. II.I.
24. Черноморски фронт (Бургас). 1985. I5.III.
25. Хасковска трибуна. 1985. 20.III.
26. Отечествен фронт. 1985. 29.III.
27. Отечествен фронт. 1986. 20.II.
28. За издигане на социалистическото патриотично съзнание. С., 1986. С.6. Цитируемое издание включает материалы совещания, проведенного отделом идеологической политики ЦК БКП в июне 1986 г. в гор. Кырджали. Опубликовано под грифом "Для служебного пользования".
29. Там же. С.7. IO.
30. Там же. С.10, I3, I7, 2I.
31. См.: Impact. London, 1985. № 7. P. 5-6.
32. Политика. 1985. 29.III.
33. Bulgarian turks: Turkey feels helps // Impact. 1985. № 8. P. 2-3.
34. Работническо дело. 1986. I6.XII.
35. M e a d G. State racism bulgarian style // New Statesman. 1985. Vol.109. № 2816. P. 20.
36. Труд (г.Разград). 1989. I6.YI.
37. БТА. Информационный бюллетень. 1990. № 3. С.4.
38. Там же.
39. Работническо дело. 1989. 30.Y.
40. БТА. Информационный бюллетень. 1990. № 3. С.4.
41. Правда. 1990. 2I янв.
42. Литературен фронт. 1990. II.I; Демокрация. 199I. I7.YI.
43. См.: Народная Республика Болгария. Справочник. М., 1984. С.6; Воеводин Л., Златопольски и Й. Д. Государственное право зарубежных социалистических стран. М., 1984. С.180; Экономическая география зарубежных социалистических стран. М., 1984. С.287.
44. Бару С. Затмения и озарения // Советский цирк. 1989. I7.YIII. С.7.
45. Le Monde. 1989. 19.I.
46. Daily Telegraph. 1989. 24.III.
47. Дума. 1989. 30.XII.
48. Там же.
49. Труд (София). 1990. 5.I.
50. БТА. Информационный бюллетень. 1990. № 4. С.1-2.
51. Правда. 1990. 7 янв., 18 янв.
52. Труд (София). 1990. 15.YI.
53. Николов Г. Един "призрак" броди по Балканите // Дума. 199I. I4.XI.
54. Фуче д ж и е в Д. Като си мисля... // Дума. 1990. I5.YIII.
55. Отечествен вестник. 199I. 5.Y.

ЮГОСЛАВИЯ: ОТ "БРАТСТВА И ЕДИНСТВА" К ВОЙНЕ И РАСПАДУ

В основе конфликта, принявшего с 1991 г. форму открытого вооруженного столкновения, лежит процесс самоопределения народов, населявших Югославию, прежде всего хорватов и сербов. Из-за того, что эти две этнические общности проживают в ряде районов Хорватии, а также Боснии и Герцеговины чересполосно или совместно, образование двух моноэтнических государств, к чему стремятся обе стороны, практически невозможно. Без, разумеется, насильственных мер – вынужденного массового переселения, депортации или вооруженного захвата спорных территорий.

Можно выделить несколько групп участников конфликта. Во-первых, безусловно, это межэтнический конфликт, имеющий свои глубокие исторические корни. То есть его субъектами являются этнические общности – сербы, хорваты, словенцы, македонцы; мусульмане, албанцы, венгры, более многочисленные этнические группы, проживающие на территории бывшей Югославии. Но основной конфликт – это столкновение между сербами и хорватами – двумя народами, проживающими частично и проживавшими в течение веков на одной территории, что объективно препятствовало их национальному политическому самоопределению. Этот процесс не завершился по сей день и вылился в открытую войну с этническими чистками населения на территориях совместного проживания – в зависимости от того, чьи войска занимают эти территории. Во-вторых, это гражданская война – война посткоммунистических режимов против народа. Война оправдывает отказ от давно назревших рыночных реформ. Как ни парадоксально, Югославия оказалась единственной страной бывшей социалистической Европы, в которой в конце 80 – начале 90-х годов не было революции; у власти остались коммунисты даже в отделившихся

республиках, люди тоталитарного мышления и политической культуры. Это война между посткоммунистическими государствами. Национальные противоречия помогают коммунистам удержаться у власти. На первом этапе — это война центра против республик, война армии против народа. Это кровавый распад коммунистического государства и в то же время распад искусственного многонационального образования — Югославии. Внутри республик либеральная, демократическая оппозиция находится в обороне, ее силы очень слабы. Именно отсутствие единой демократической оппозиции как в рамках Югославии, так и в каждой республике стало одной из причин трагедии и само по себе тоже является трагедией. Предпринимаются также попытки придать югославскому конфликту и межконфессиональный характер.

Говоря о характере конфликта, можно выделить несколько его компонентов: межэтнический конфликт, гражданская война в масштабах всей бывшей Югославии, гражданская война в масштабах отдельных народов и республик. В основе его лежат процессы самоопределения народов, с одной стороны, и децентралистские тенденции — с другой, т.е. борьба между демократическими и консервативными, а также тоталитарными силами. К сожалению, перевес пока на стороне последних. Элементы кризиса: это — крах коммунистической идеологии и тоталитарной политической системы; это — неспособность этнотерриториальной федерации с элементами автономий гарантировать политическое самоопределение этнических общностей, крах централизма; это — неспособность концепции югославизма на идеологическом и психологическом уровнях примирить народы, создать основу единого государства; это — крах административной и экономической систем распавшегося государства.

Было бы неправильно сводить конфликт лишь к сербско-хорватским противоречиям, равно как и утверждать, что к распаду Югославии привел не межэтнический конфликт, а борьба "демократической Хорватии" с "имперской коммунистической Сербией". Причины кризиса коренятся гораздо глубже. В данный исторический момент кризис югославизма — политической

концепции, лежавшей в основе создания и существования единого государства Югославии, сердцевиной которой были и остаются различные варианты представлений об этническом и политическом единстве сербов и хорватов, — совпал с тремя кризисами общего характера. Во-первых, с крахом коммунистической идеологии. Во-вторых, с крахом тоталитарной политической системы. В-третьих, с тем, что такая форма национально-государственного устройства, как этнотерриториальная федерация, исторически изжила себя. Все это, вместе взятое, тесно переплелось с нерешенными и имеющими давнюю традицию проблемами взаимоотношений между многими народами, государствами и конфессиональными общностями, занимающими территорию двух бывших империй — Австро-Венгерской и Османской, т.е. Центральную и Юго-Восточную Европу.

Концепция единства югославянских народов, прежде всего сербов и хорватов, получила относительно широкое распространение во второй половине XIX — начале XX в. В югославянских землях Австро-Венгрии — Хорватии, Словении, Далмации — ее разделяли представители разных политических партий и идейных течений, от либералов до социал-демократов. Предложение считать оба народа единой нацией зародилось как ответная реакция на политику австрийских и венгерских правящих кругов, на германскую политику на Юго-востоке Европы. В ее основе лежали идеи совместной борьбы за национальное самоопределение каждого народа, за общую демократизацию внутривнутриполитической жизни и системы государственного управления в Хорватии-Славонии и Далмации. С другой стороны, эта теория была попыткой смягчить противоречия между самими сербами и хорватами, чей этноним совпадал с названием автономного административно-политического образования в королевстве Венгрия. Югославизм в Хорватии и Далмации возник в противовес как крайнему хорватскому национализму, отрицавшему само существование сербов на территории Хорватии, так и сербскому национализму, восходившему к идее создания единого государства всех сербов.

Так, например, радикальные сторонники создания моноэт-

нического хорватского государства из Хорватской партии права во главе с Йосипом Франком записали в своей программе (1907 г.), что они выступают за присоединение к Хорватии "всех земель, на которых проживает хорватская нация и которые некогда составляли хорватское королевство" (имелась в виду средневековая Хорватия короля Томислава¹). При этом они отрицали требования сербов о предоставлении последним политического равноправия, ибо "государственная власть должна в наших землях принадлежать исключительно хорватской нации и никому иному". Признание же равноправия сербов, по мнению сторонников Й. Франка, вело к тому, что на территории Хорватии образовалось бы "государство в государстве". Еще в начале XX в. сталкивались два в принципе противоположных подхода к решению проблем национальной государственности. Хорватская и сербская стороны полагали, что только этническая общность может быть субъектом государственного права и собственником территории; обе они отдавали предпочтение правам этнической общности перед правами индивидуума. Эта традиция — результат несформированности гражданского общества — проходит в буквальном смысле слова "красной", кровавой, нитью через всю историю отношений между сербами и хорватами в XX веке.

В Австро-Венгрии у обоих народов имелись элементы национальной государственности. Хорватия по Венгерско-хорватскому соглашению 1868 г. обладала автономией, которая во многом основывалась на хорватском историческом государственном праве, восходившем к существовавшему в раннем средневековье независимому королевству Хорватия. Серб, проживавшие на территории Хорватии, Славонии, а также Бачки и Баната (Южной Венгрии — ныне Воеводина), имели так называемую национально-церковную автономию. Значительным политическим и психологическим фактором было существование на границе Австро-Венгрии собственного этнополитического образования сербов — независимого королевства Сербия².

Одной из наиболее политически значимых разновидностей югославизма был так называемый "новый курс" хорватов и сер-

бов Австро-Венгрии, зародившийся в 1903-1905 гг. Политические представители двух народов по-разному трактовали его положения. Хорватские деятели считали хорватов и сербов "одной нацией по крови и языку, неразделимо соединенных территорией, на которой проживают". Религию они при этом не считали признаком принадлежности к какой-либо национальности (большинство сербов - православные, а хорватов - католики)³. Загреб рассматривался ими как центр возможного политического образования, созданного югославянами. Но такая трактовка югославизма, даже в самом либеральном варианте, содержала в себе элемент отрицания этнической индивидуальности, права и возможности самоопределения других югославянских народов, прежде всего, конечно, сербов.

Сербские же политики, со своей стороны, делали упор на достижение политического и правового равноправия сербов с хорватами, на получение таких же прав и такого же статуса (официальное использование своего флага, герба, алфавита, не только латинского, но и кириллического), что привело бы к появлению в Хорватии-Славонии по сути дела еще одной "политической нации". При этом православная церковь рассматривалась сербами как своя национальная церковь.

Выступая на съезде Сербской национальной партии независимости в 1911 г., один из ее виднейших представителей Светозар Прибичевич решительно заявлял: "Мы выступаем за то, чтобы Хорватия была отечеством сербов, а не только хорватов", поскольку "сербы к Хорватии испытывают такую же любовь, что и хорваты"⁴. Св. Прибичевич высказывался против такой трактовки идеи "национального единства", что "раз хорваты и сербы - это одна нация, то не имеет значения, серб это или хорват". "Объективно мы обладаем чертами одной нации, но это не означает, что имя "серб" идентично имени "хорват", - подчеркивал он. Вот как он характеризовал сербско-хорватскую общность: "Мы обладаем одними и теми же отличительными чертами, у нас один и тот же язык, живем в одинаковых условиях, у нас часто одно и то же прошлое, общим у нас будет и будущее, у нас общая на-

родная душа и одинаковые - и это главное - интересы"⁵.

Таким образом, сербские политики, поддерживавшие "новый курс", вносили существенные коррективы в позицию своих хорватских партнеров-соперников по Хорватско-сербской коалиции - Хорватской национальной партии независимости, - которая в 1910 г. провозгласила: "В соответствии с принципами национального единства и самоопределения, а также согласно государственно-правовым договорам, законам и королевским присягам выступать за объединение всех тех земель Габсбургской монархии, на которых проживает нация хорватского и сербского наименования"⁶.

Дискуссии о взаимоотношениях и национальной идентичности хорватов и сербов велись в те годы в Хорватии очень широко. Один из известных хорватских политиков той поры, сторонник партии Й.Франка, Исо Кршняви, полагал, что сербов и хорватов один и тот же язык, но их разделяют глубокие культурные и политические отличия. По его мнению, они восходят к "тому культурному расколу Востока и Запада, который разделил Римскую империю и христианскую церковь" и к противостоянию государственной идеи Габсбургов, с одной стороны, и сербов - с другой". Существовала и иная точка зрения, которую, в частности, разделял и глава администрации Боснии и Герцеговины после ее аннексии Австро-Венгрией Мариан Варешанин. Он полагал, что "хорваты и сербы - это одна нация, у которой, к несчастью, два наименования". Религия же их не разделяет, поскольку, в конце концов "у нас у всех один Бог, и совершенно не важно, как мы ему молимся"⁷.

Совершенно иная трактовка югославянской идеи существовала в независимой Сербии. Крупнейший политический деятель Никола Пашич, один из основателей в 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев (так первоначально до 1929 г. называлась Югославия), рассматривал Сербию как собирательницу югославянских земель. Он твердо придерживался точки зрения, что "сербы, хорваты и словенцы являются единой нацией с тремя наименованиями, которую должно интегрально объединить"⁸.

Именно эта концепция "интегрального югославизма" и легла в основу добровольно созданного государства во главе с сербской династией Карагеоргиевичей. Но, как показали первые же годы его существования, централистская монархия не решала проблем национального самоопределения ни одного из вошедших в нее народов. Ибо основой этой монархии было сербское моноэтническое государство, не имевшее ни опыта, ни традиций, ни желания улаживать межэтнические конфликты.

В 1918 г., после поражения Австро-Венгрии в первой мировой войне и победы Сербии, выступавшей на стороне Антанты, сербы, хорваты и словенцы решили добровольно объединить свои территории в едином государстве и осуществить, как им казалось, давнюю мечту — устранить национальный гнет и решить проблемы создания собственной национальной государственности. Однако почти сразу же после объединения — вернее, присоединения к Сербии Хорватии, Далмации, Словении, Черногории, Боснии и Герцеговины части Южной Венгрии (Бачки, трети Баната, Бараньи), Вардарской Македонии — выяснилось, что надежды не оправдываются, а проблемы и противоречия не только не исчезают после "братского объединения", но, наоборот, все более обостряются, затягиваются в тугую узел. Исторических причин тому можно назвать несколько. Во-первых, двумя наиболее многочисленными народами в новом государстве были сербы и хорваты, отношения между которыми складывались в ХУП—ХІХ вв. отнюдь не безоблачно (на занимаемых ими совместно территориях). Для сербов создание Югославии означало возможность объединить в рамках одного государства свои этнические территории. Для хорватов же оно означало, помимо целостности территорий, утрату надежды на достижение давней цели хорватского национального движения — создание независимого государства. Загреб проиграл в споре с Белградом за роль центра объединения югославян.

Необходимо отметить историко-культурные и психологические корни трудной совместности двух народов в одном централизованном государстве — смена династии Габсбургов на ди-

настию Карагеоргиевичей практически ничего не изменила для хорватов, а во многом даже ухудшила их положение. Сербь и хорваты принадлежали к разным культурам, к разным политическим традициям: сербы - к православной, балканской, с сильным влиянием турецкого элемента и русской культуры, хорваты - к католической, центральноевропейской, с влиянием австрийской, немецкой, венгерской культуры и науки. Нельзя забывать и о том, что во время первой мировой войны сербы с хорватами находились по разные стороны линии фронта.

Таким образом, на наш взгляд, создание Югославии в ее тогдашнем виде было результатом, с одной стороны, югославистских иллюзий о братской любви и единстве югославянских народов; с другой - сложившейся после окончания войны внешнеполитической ситуации, зафиксированной в Версальском мирном договоре 1919 г. и в последовавшем за ним Трианонском договоре 1920 г. Исчезновение Германской империи и Австро-Венгрии не облегчило положение Сербии и других земель. Острые территориальные противоречия были у нового королевства СХС с Италией, Венгрией, Австрией, Болгарией. Новосозданное государство не имело ни межнационального мира внутри, ни стабильных внешних границ. Выяснилось, что югославизм - вынужденная историческими обстоятельствами идеология и психология борьбы за национальное самоопределение с внешними врагами - не может служить основой для создания общего многонационального государства. Это привело к тому, что на протяжении всей короткой истории межвоенной Югославии основной линией фронта в политической борьбе стало соперничество централистов-унитаристов Белграда с националистами-федералистами Загреба, Любляны, Сараево.

В 1921 г. была принята Видовдановская конституция, закреплявшая в государстве власть сербской династии во главе с Александром Карагеоргиевичем. На монарха возлагалось командование вооруженными силами, он же назначал премьер-министра и мог приостановить действие конституции (путем введения чрезвычайного положения). Страна в административном отношении делилась на 33 округа. Во главе их стояли назначенные

королем великие жупаны. В соответствии с официально провозглашенной теорией интегрального югославизма, т.е. этнической идентичности и единства сербов, хорватов и словенцев, эти округа имели чисто административный, но не этнический характер. Никаких особых прав несербским народам и национальным меньшинствам не предоставлялось. Критерием административного деления служил не национальный состав населения, а размер территории, экономические условия и численность населения⁹. Какие-либо органы местного самоуправления в несербских областях отсутствовали.

Национальные партии неполноправных народов Королевства СХС – прежде всего хорватские и словенские – выдвигали различные проекты федеративного переустройства государства в противовес централистскому, установленному в 1921 г. Одной из наиболее значительных и ярких фигур национального движения хорватов стал в 20-е годы лидер Хорватской крестьянской республиканской партии (ХРКП) Степан Радич. По его плану в состав федерации должны были войти на равных правах Хорватия-Славония-Далмация, а также Словения, Босния и Герцеговина, Сербия, Черногория и Македония. При этом предполагалось сохранение в общем государстве монархии, а в Хорватии – установление президентской республики. С.Радич пытался привлечь внимание других европейских государств к положению несербских народов в Королевстве СХС. С 1923 г. он посетил Париж и Лондон, но поддержки не получил. Лишь Россия на Генуэзской конференции в 1922 г. сделала специальное представление об угнетении хорватов, черногорцев и македонцев¹⁰. В 1924 г. ХРКП была временно запрещена как антигосударственная организация – проповедовать идеи федерации в тогдашней Югославии было так же опасно, как и идеи конфедерации в Югославии конца 80 – начала 90-х годов нашего века.

По мере развития событий все более очевидной становилась непригодность подобного устройства, которое лишь накапливало и обостряло межнациональные противоречия, не оставляя практически никакой возможности для реального поли-

тического диалога и поиска конструктивных решений. Власти в Белграде искали и нашли выход из положения: в 1929 г. фактически был произведен государственный переворот. Одним из его последствий было изменение названия страны - Королевство СХС стало называться Югославией. Это должно было символизировать не только государственное, но и этническое единство населявших его народов. Не заставили себя ждать и реформы в области внутреннего устройства. Округа ликвидировали. Вместо них в качестве основных более крупных административных единиц было создано 9 "бановин": Дравская (центр - Любляна), Савская (Загреб), Врбасская (Баня Лука), Приморская (Сплит), Дринская (Сараево), Зетская (Цетинье), Дунайская (Нови Сад), Моравская (Ниш) и Вардарская (Скопье). Белград, Земун и Панчево составили особый административный столичный округ. Установлением нового административного устройства страны устранялись старые исторические границы между Сербией, Хорватией, Словенией, другими территориями. В некоторых районах, примыкавших к Дунаю, Дрине, Мораве, Врбасу, искусственно создавалось сербское этническое большинство. Естественно, что подобные акции не могли не накалять в дальнейшем отношения между сербами и хорватами.

Одним из наиболее значительных проявлений оппозиционной деятельности было принятие в 1932 г. так называемых Загребских пунктуаций. В них их вдохновитель А. Трумбич, виднейший хорватский оппозиционный деятель Далмации и один из авторов "нового курса", провозглашал необходимость реорганизации государства на федеративной основе при гарантии интересов национальных меньшинств, но прежде всего - хорватов, сербов и словенцев. Он полагал, что национальный суверенитет является осью любой государственной организации, а сама нация - единственным и исключительным источником любого политического авторитета и всякой публичной власти. "Пунктуации" призывали вернуться к 1918 г. как к "исходной точке борьбы против гегемонии", указывали на существование территориальных проблем между хорватами и сербами в областях Савы, Дравы и Дуная¹¹.

Это деление с изменениями, внесенными в него в 1939 г., просуществовало вплоть до 1941 г., когда югославское независимое государство перестало существовать под ударами германских войск. Соглашением Д.Цветкович - В.Мачек (по фамилиям подписавших его представителя правительства в Белграде и руководителя Хорватской крестьянской партии) предусматривалось создание Хорватской бановины. В нее включались Савская и Приморская бановины, ряд территорий, входивших ранее в Дунайскую, Дринскую и Врбасскую и Зетскую бановины. Таким образом, вновь был осуществлен территориальный передел внутри Югославии¹².

Этот передел затрагивал территории, на которых проживало совместно хорватское и сербское население. Вместе с сохранившимися централистскими методами управления он не мог не обострить противоречия между народами, ибо не облегчал, а затруднял процесс национального политического самоопределения, создавал почву для территориальных споров. Это приводило и к радикализации национальных движений, к росту взаимной национальной нетерпимости, что было особенно важно в условиях международной обстановки конца 30-х годов. Белградское правительство и различные группировки в хорватском национальном движении соперничали между собой в поисках поддержки сил извне - прежде всего усилившихся Германии и Италии, претендовавшей на часть территории Югославии.

Власть в новом образовании принадлежала бану, назначавшемуся королем и несшим ответственность двойную - перед ним и перед Сабором Хорватии. Сам же Сабор должен был избираться путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Формально были учтены давнишние требования хорватского национального движения, еще с конца XIX в. добивавшегося всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании и ответственности исполнительной власти перед представительным национальным учреждением. На деле же, однако, это изменение, сопровождавшееся очередным изменением границ внутри страны, ничего кроме обострения межнациональных конфликтов, прежде всего между хорватами и сербами, и

дальнейшего ослабления государства не принесло. Попытка королевской Югославии пойти по пути монархии Габсбургов, сумевшей создать в XVIII–XX вв. тонкую систему увязок взаимных интересов разных народов и учета противоречий между ними, успеха не имела. Страна столкнулась с тем же противоречием, что и Австро–Венгрия, и спустя 50 лет новая Югославия: чем настойчивее централистская политика и попытки навязать этнический унитаризм, тем сильнее центробежные тенденции, тем больше в государстве растет взаимная национальная нетерпимость, тем меньше шансов сохранить это государство*. Это в конце концов привело к быстрому поражению в апреле 1941 г. и началу, по сути дела, трех войн: за освобождение от германских, итальянских, венгерских и болгарских оккупантов; между созданными оккупантами псевдонезависимыми моноэтническими национальными государствами – Сербией, Хорватией, Словенией; наконец, гражданской войны между коммунистами И.Б.Тито и антикоммунистами Д.Михайловича, отстаивавшими разные проекты восстановления Югославии.

Хорватская и словенская оппозиции выступали с предложениями о создании этнотерриториальной федерации (учитывая политические традиции своих народов в Габсбургской монархии). Но инициатива оппозиции была проигнорирована. В результате все народы, вошедшие в состав Югославии, каждый по-своему, страдали от подобной централистской государственной структуры, основанной на идее этнического унитаризма. Процессы национального самоопределения не получали своего выхода, наоборот, загонялись вглубь, что привело не только к молниеносному поражению Югославии в войне с Германией в апреле 1941 г., но и к невиданному ранее росту

---

* В результате переворота в марте 1941 г. к власти пришло правительство, которое не только обратилось к СССР с предложением о военно-политическом союзе "на любых условиях, которые предложит Советское правительство, вплоть до некоторых социальных изменений, осуществленных в СССР, которые могут и должны быть произведены во всех странах", но и аннулировало Соглашение Цветкович–Мачек 1939 г. Интересное совпадение — см.: Г и р е н к о Ю. С. Сталин–Тито. М., 1991. С.87.

межэтнических противоречий и конфликтов, вылившихся в специфических условиях германской и итальянской оккупации в кровавую междоусобную бойню. Югославянские народы оказались расколотыми и между собой, и в своем отношении к завоевателям. Коллаборационисты из созданных оккупантами государств взяли на вооружение и фашистские расовые теории, и традиции собственного крайнего национализма. Четники в Сербии, усташе в Хорватии, "белогвардейцы" в Словении непрерывно воевали между собой за создание независимых моноэтнических государств.

В условиях оккупации среди сербов, хорватов и словенцев нашлись силы, стремившиеся использовать ее, а также раздел страны для достижения не только национального самоопределения, но и создания этнически "чистых" государств на панэтнической и великодержавной основе.

Для мирного населения, независимо от национальности, вооруженная борьба различных военных формирований означала постоянную угрозу физического уничтожения по этническому признаку, политических репрессий, грабежа, и насильственной мобилизации. Эта угроза исходила и от оккупантов, и от четников, и от усташей, и от коммунистических партизан И.Б.Тито. Все они сотрудничали между собой друг против друга.

В идеологии четнического (великосербского) движения можно выделить два основных компонента: во-первых, создание сербского государства, которое охватывало бы большую часть территории Югославии — сербские этнические территории, за исключением относительно небольших районов, где проживало чисто хорватское и словенское население; во-вторых, возвращение монархии, а вместе с ней и довоенного политического и социального устройства.

Генерал Дража Михайлович, возглавивший сербское некоммунистическое сопротивление германской оккупации и тесно связанный с лондонским королевским правительством, стремился обрести в глазах западных союзников имидж политика, поддерживавшегося националистами и демократами прозападной ори-

ентации, который создаст "демократический строй в новой Югославии". "Не существует причин оспаривать наше право на самоопределение, выбрать наш собственный политический строй", - утверждал он. Но генерал считал сербов, хорватов и словенцев одной нацией, что противоречило его "демократическим" декларациям. Он мечтал о восстановлении довоенной Югославии, выступал за воссоздание существовавших до войны органов исполнительной власти и представительных учреждений. Он был противником планов И.Б.Тито создать федерацию по этнотерриториальному принципу, но со смешанным населением, обвиняя его в антисербских намерениях, поскольку осуществление этих планов привело бы к "разделу сербского народа на четыре федеральных образования".

Светосавский конгресс (25-28 января 1944 г.) провозгласил следующие цели и принципы движения Дражи Михайловича: "Югославия должна стать федеративным государством и конституционной монархией". В этом государстве этнические территории должны совпадать с границами федеральных образований. Прочность будущей Югославии будет гарантироваться путем создания сербского образования в рамках государственного сообщества, которое на принципах демократии объединит весь сербский народ на территориях его проживания. Это же произойдет и с хорватами, и словенцами. В этих государственных образованиях необходимо предоставить народу возможность удовлетворять свои особые региональные экономические, социальные и другие интересы путем широкого народного самоуправления¹³.

Усташское движение (начало создаваться еще в 1929 г.) стремилось к созданию этнически чистого и единого в конфессиональном отношении (православие было запрещено) хорватского независимого государства. Виноватыми в том положении, в каком оказалась Хорватия в межвоенной Югославии, усташа считали всех сербов. Поэтому в так называемом Независимом Хорватском государстве проводились депортации сербского населения, акции по его уничтожению¹⁴.

Анте Павелич, создатель и вождь Независимого хорватского государства (НДХ) упрощенно понимал национальное самоопределение и рассматривал независимое хорватское государство как моноэтническое. Он трактовал национальное самоопределение как "национальную свободу", что в его глазах означало "свободу от иностранного господства, право нации самой управлять в своем государстве и суверенитет народа в своем государстве". "Тот, кто не проникся мыслью, что единственный путь к спасению — это освобождение от иноземного господства и создание своего собственного независимого государства — тот не хорват", — писал будущий "поглавник" в 1939 г. Путем просвещения идут к свободе народы, уже обладающие своим государством, продолжал он, а внутренняя свобода и современный образ жизни зависят от уровня образования и культуры. Но только просвещением и миролюбием никто и никогда не изгонял из своей страны вражеские орудия, аргументировал он необходимость вооруженной борьбы против Югославии и против сербов. Он горевал, что во время первой мировой войны хорваты не воспользовались возможностью обрести независимость и что среди них нашлись люди, которые "впряглись в телегу так называемого югославизма"¹⁵. Нельзя не вспомнить и замечание И.Кршняви, сделанное еще в апреле 1908 г., о возможности обретения Хорватией независимости с опорой на Германию, поскольку этого не удалось добиться в XIX в. при помощи России и Франции¹⁶.

Поддерживаемый Москвой и Коминтерном И.Б.Тито имел собственный план восстановления Югославии. Он основывался на марксистской теории и большевистском опыте "решения национального вопроса" в СССР. В соответствии с этим планом, Югославия должна была превратиться в территориальную федерацию, названия единиц которой должны были совпадать с этнонимами основных народов Югославии. Их границы должны были частично совпадать с этническими, но многонациональный характер населения в каждой республике сохранялся. Таким образом, отвергался принцип Д.Михайловича "одна национальность — одна нация — одна территория — одно государство".

Югославия должна была стать централизованной федерацией республик, основанной на принципах "пролетарского интернационализма". Югославские коммунистические руководители стремились совместить марксистскую теорию, опыт СССР и предвоенной Югославии, воссоздать югославизм в новой форме. Они отвергали и "интегральный югославизм", и национализм отдельных югославянских народов. Они не рассматривали национальность как субъект государственного права и политических отношений, выступали против отождествления религиозной и национальной принадлежности в отличие от Д. Михайловича. Некоторые из приближенных Тито мечтали о присоединении Югославии к СССР¹⁷.

Коммунистическая партия Югославии во время войны резко изменила свое прежнее отрицательное отношение к идее югославянского государства и соединила в своей программе традиционную югославистскую идею с принципами пролетарского интернационализма. На этой основе и была создана после освобождения Федеративная Народная республика Югославия (с 1963 г. — СФРЮ). Унаследовав проблемы национальных отношений Австро-Венгрии и довоенной Югославии, учитывая опыт СССР, коммунистическое руководство нового государства пошло по пути создания этнотерриториальной федерации с автономными областями. Идеологической основой его стала известная формула "братство и единство всех народов и народностей (наций и национальностей)". Еще в 1943 г. на знаменитой П сессии Антифашистского Веча Народного Освобождения Югославии было провозглашено: "Чтобы осуществить принцип суверенности народов Югославии, чтобы Югославия превратилась в подлинное отечество для всех народов и не стала бы вотчиной каких бы то ни было господствующих клик, Югославия строится и будет построена на федеративной основе, которая обеспечит полное равноправие сербов, хорватов, словенцев, македонцев, черногорцев, народов Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины"¹⁸. Как свидетельствует М. Джилас, решение было принято без согласования со Сталиным и вызвало его неудовольствие. В Консти-

туции Федеративной Народной Республики Югославии 1946 г. были формально провозглашены принципы равноправия народов, закреплено федеративное устройство и, как тогда представлялось, окончательно обеспечено право всех народов и народностей на самоопределение.

Казалось, что причины для возникновения межэтнических конфликтов устранены, процесс политического самоопределения югославянских народов завершен. На вопрос о национальности граждане Югославии все чаще в 50-е годы отвечали с гордостью: "Я - югослав". Не последнюю роль в этом сыграла и психологическая обстановка в стране, необходимость сплотиться (с 1948 г.) в конфликте с могущественным Информбюро, руководимым ВКП(б).

Первое время из-за сложившейся исторически внутренней и внешнеполитической ситуации сочетание югославянской идеи, тоталитарного коммунистического режима и этнотерриториальной федерации оправдывало себя. Но постепенно напряженность в межнациональных отношениях начала нарастать. Рамки этнотерриториальной федерации становились все более узкими. Попытки различных конституционных реформ успеха не приносили. К этому добавились и растущие экономические трудности, увеличение разрыва в темпах развития и уровне жизни разных республик. Постепенно из союзного государства Югославия стала превращаться в союз государств, в котором все большую власть получает местная партократия, что стало одной из причин децентрализации¹⁹.

Вот что писал Милован Джилас об успехах и неудачах революции: "Никто не может оспорить самого факта, что она произошла и, тем самым, произвела некоторые перемены. А именно: признала одинаковые административные и культурные права за всеми национальностями, установила новые, "социалистические" общественные и собственностические отношения.

Национальный вопрос этим до конца решен не был - он и не может быть решен раз и навсегда, - потому что нации различны по своей структуре и своим устремлениям. Но вместе с этим начался и процесс развития новой национальной государ-

ственности в Югославии, как государственном объединении. /.../ Заслугой ... Тито и югославских коммунистов следует считать то, что они вопреки своим догмам выполнили: несмотря на то, что они стремились к идеологическому и эмоциональному слиянию югославов — любимый лозунг Тито "Братство и единство", они не тормозили государственное и культурное становление на национальной основе"²⁰.

Процесс самоопределения в 60-70-е годы затрагивал в основном этнокультурную и конфессиональную стороны сознания; в 80-90-е годы он приобрел политический характер, распространился на область экономики. И здесь мы подходим к вопросу, что сильнее и почему — логика национализма, толкающая к созданию собственных национальных государств, или логика экономического развития, требующая возможно более тесной интеграции. Специфика и трагедия тоталитарных коммунистических государств состоит в том, что административно-политические структуры (а в условиях этнотерриториальной федерации — и этнические!) совпадают с экономическими структурами. Это неизбежно порождает стремление не только к этнической обособленности, но и к политической и экономической автаркии. В условиях смены всего социального, политического и экономического строя хозяйственные связи, не основанные полностью на рыночных отношениях и конкуренции, рушатся. Это разрушение — неизбежный этап в распадающихся ныне многонациональных федеративных государствах — будь то Югославия; Советский Союз или Чехо-Словакия.

Внутриэтнические консолидационные процессы, подогреваемые чувствами неудовлетворенности положением своего этноса в многонациональном государстве, приобретают гипертрофированную форму, начинающую преобладать над консолидационными межэтническими процессами и связями, в основе которых лежало югославянское сознание. Эти внутриэтнические процессы соединились с центробежными тенденциями в политике республик. Центр ничего не смог противопоставить им, кроме усиления централистских мер и пропаганды югославянского унитаризма. Но чем сильнее были централистские тенденции, тем

больше оказывалось стремление к дезинтеграции и децентрализации государства, приведшее в конце концов к его развалу. Югославия в этом смысле не исключение. Опыт ее предшественницы – Австро-Венгрии доказал это со всей очевидностью еще почти семьдесят пять лет назад. Результат этого – резкое изменение и дестабилизация международной геополитической и геостратегической обстановки не только на Юго-Востоке, но и в Европе в целом.

Распад был неизбежен, ибо Югославия не представляла полиэтнического гражданского общества – единственной основы для целостности государства, в особенности многонационального. Страна на протяжении всей своей истории, как оказалось, строилась на противопоставлении, на конфликте этнических общностей между собой и на конфликте этноса и государства. Кроме того, идея многонационального государства оказалась дискредитированной в глазах населения ее связью с тоталитарным коммунистическим прошлым. Югославизм и коммунизм создавали видимость решения социальных и этнических проблем, на деле лишь загоняя их внутрь. В этих условиях историческое государственное право и национальный принцип выступают противовесом и заменяют в сознании нормальные имущественные права гражданского общества. Историко-географическое региональное сознание противопоставляется сознанию полиэтнической общности – недаром хорваты и словенцы подчеркивали принадлежность своих народов к центрально-европейскому региону, обосновывая неизбежность и необходимость выхода из состава Югославии. Сюда же добавлялось еще осознание принадлежности к разным конфессиональным общностям.

В вызвавшей после выхода в свет в начале 80-х годов широкий резонанс и жаркие споры книге "Югославянство сегодня" известный загребский литературный критик и публицист Предраг Матвеевич писал: "Югославянство – это не только позиция, принадлежность или символ, но и (реальное) положение вещей, взаимоотношения, формы совместной жизни в Югославии". Значение югославянства в нашей истории, продолжал он, изменялось с течением времени: от национальной идеи до государ-

ственной идеологии, от утопии до политической практики; от понятия национального единства до возникновения расхождения между ними. Каждый народ Югославии имел свои причины уклоняться от открытого обсуждения проблем югославянской общности — у хорватов это объяснялось особым отношением к унитаризму, сербы, наоборот, боялись обвинений в защите унитаристской концепции югославянства.

Другие народы Югославии также избегали обсуждать эти проблемы. Югославянство, подчеркивал автор, как государственная идеология и как принадлежность к одной национальной общности, могут и должны различаться. Народы Югославии связывает не столько этническое родство, сколько необходимость объединения для обеспечения своего собственного существования и улучшения своего положения²¹.

На встрече сербских и словенских писателей в 1987 г. многие говорили о том, что признать язык главной характеристикой национальной идентичности, значит сделать шаг назад в направлении, куда уже приводила однажды унитаристская концепция "трехименной нации".

Сербский писатель Добрица Чосич, будущий президент Югославии, заявил, что "многонациональную общность нигде и никогда не создавала космополитическая идея любви и братства между народами". Напротив, подчеркнул он, Югославию создала историческая необходимость, проистекавшая из братоубийственных войн и случаев геноцида. По мнению Чосича, в словенском и сербском национальном сознании существуют разные представления о югославянстве. Для словенцев это исключительно политическая, т.е. "государственная категория", а в сербском национальном сознании представление о югославянстве имеет примесь пьемонтизма и стихийного стремления к интеграции. В этом, считал Д.Чосич, — причина распространения среди сербов антисловенских настроений²².

Со своей стороны, большинство сербских писателей считает одной из причин углубляющейся пропасти между ними и их словенскими коллегами приверженность последних "Миттель-европе", т.е. тому, от чего словенцы прежде добровольно от-

казались, избрав государственные границы Югославии. Сл.Селенич указывал, что при этом словенцы выбрасывают из своей истории все негативное и унижительное, а подчеркивают только "добродетели монархии Габсбургов".

Словенский писатель Д.Янчар соглашался с тем, что сербы раньше словенцев создали государство, но не видел причин для продвижения Сербии на Балканах. Надо также иметь в виду, что словенцам необходимо поддерживать связи со своими западными соседями. М.Микелн заявил, что словенцы и сегодня лишены условий для свободного развития, поскольку им угрожает идея объединения всех югославянских народов в одну нацию. Еще резче высказался Ф.Бучар, полагавший, что Югославия как многонациональное государство есть неизбежно сербское государство, поскольку сербы самая многочисленная нация и являются "носителями всех тех особенностей системы, которые господствуют в этом государстве"²³.

В этих условиях распад государства становится практически неизбежным. Не случайно стороны, вовлеченные в конфликт, многократно прошли мимо возможных компромиссных вариантов урегулирования общего кризиса государства. Политическая автономия как форма политического и этнокультурного самоопределения этнических общностей, по-видимому, на данном этапе и не может более служить фактором сохранения полиэтнических государств. Тем более это относится к автономии национального меньшинства бывшей государствообразующей этнической общности. На это не соглашается ни одна из сторон — ни само меньшинство, ни власти обретшей независимость новой инациональной республики — Хорватии. Да и во внутренних делах Сербия еще несколько лет назад развернула наступление на автономии, ликвидировав автономные образования албанцев (Косово) и венгров и сербов, проживавших на территории венгерской части Австро-Венгрии (Воеводина).

Ныне и в Сербии, и в Хорватии к власти пришли силы, которые — несмотря на различную социально-политическую ориентацию — исходят из однотипных этнополитических концепций. Они признают лишь этническую общность субъектом государствен-

ного права. В Сербии преобладает тенденция рассматривать создание в 1918 г. общего югославянского государства как препятствие образованию моноэтнического сербского государства. При этом они исходят из принципа XIX века - "одна нация - одна территория - одно государство".

Вот что говорилось, например, в заявлении возглавляемого будущим первым президентом Хорватии Франьо Туджманом Хорватского демократического содружества (ХДС-HDZ) в сентябре 1989 г.: "По поводу великосербских атак на территориальную целостность и суверенитет хорватской нации, тезиса о геноцидности хорватов, а также проявившихся в последнее время попыток поставить под вопрос право словенской нации на самоопределение, ХДС... заявляет: 1) Право народов на самоопределение, которое подразумевает право на присоединение и на отделение, является основным правом человека, без осуществления которого невозможно реализовать права отдельной личности /.../ 2) В связи с этим ХДС заявляет, что хорватская нация, как и все нации Югославии, обладает неотъемлемым и всеобъемлющим правом на самоопределение. 3) Исходя из этого основополагающего права, хорватская нация имеет право в своих интересах распоряжаться собственными природными богатствами и источниками их /.../"²⁴.

Несколько позднее, в январе 1990 г., в выступлении на Европейском "Круглом столе" в Вене сам Ф.Туджман следующим образом обосновал исторически и политически позицию своей партии, ставшей ведущей силой в хорватском национальном движении: "Габсбургская монархия просуществовала столь длительное время благодаря тому, что представляла собой естественное хозяйственно-коммуникационное и культурное целое центральноевропейских, карпатско-дунайских земель и народов. А ее распад был прежде всего обусловлен стремлением ее народов к национальной самостоятельности.

По решениям Парижской мирной конференции хорватская нация оказалась в королевстве СХС (позднее - Югославии). В этом государстве в условиях сербского гегемонизма после попытки денационализации одна часть хорватов стала искать ре-

шения проблем своей национальной самостоятельности в период второй мировой войны в провозглашенно¹ независимой Хорватии, дозволенно² гитлеровским "новым порядком", а другая часть - в создании федерального государства Хорватия в соответствии с планом И.Б.Тито - создания социалистической федеративной Югославии, которая должна была превратиться в содружество полностью равноправных народов.

Кризис же Югославии начала 90-х годов, помимо банкротства однопартийного тоталитаризма, был обусловлен и межнациональными конфликтами. Сербь считали, что у федерации слишком много полномочий, а несербские народы, в особенности хорваты и словенцы, - что слишком мало. Наученные горьким опытом, ни те, ни другие не удовлетворились созданием конфедерации. Поборники преобладания сербов выступают за единую Югославию в рамках Европы так, как будто не существует никаких проблем внутреннего устройства. Хорватия и Словения видят для себя выход во включении в Европейское сообщество"²⁵.

Вхождение в состав побежденной Австро-Венгрии во время Первой мировой войны, пронацистская позиция А.Павелича и массовые убийства сербов и мусульман во время второй, дискредитировали идею национального хорватского государства в глазах победивших союзников. Дважды в этом столетии идея политического самоопределения хорватов сопрягалась с потерпевшей поражение Германией. В этой связи и кроется одна из главных причин трагедии хорватов - идея независимого хорватского государства увязывалась в европейском сознании с "теориями" А.Павелича и практикой НДХ. Между тем, это совершенно разные вещи. Не говоря уже о том, что политика белградских властей способствовала росту именно крайнего хорватского национализма и политического экстремизма - и в межвоенной, и в послевоенной Югославии. Хотя И.Б.Тито и хвалил Австро-Венгрию, правители Югославии не усвоили урок монархии Габсбургов - сохранение многонационального государства может быть обеспечено только возможно большей децентрализацией и демократизацией, что рано или поздно прин-

цип этнотерриториальной федерации или автономии, как форм национального политического самоопределения, себя изживает и что фундаментом государства может стать только развитое гражданское полиэтническое общество. Такое так и не оформилось в Югославии за восемьдесят лет ее существования. А чем сильнее централизаторские, унификаторские, тоталитарные и центростремительные тенденции в политике правящих кругов и в настроениях государствообразующей титульной нации, тем сильнее центробежные, децентрализаторские и анти-тоталитарные тенденции национальных движений. Экстремизм порождает экстремизм.

В 1989-1990 гг. большинство сербских политиков видело возможность осуществления интересов сербского национально-го движения лишь в границах Югославии при сохранении существовавшего централистского устройства. Но дальнейшие события в Словении и Хорватии показали, что попытка силой удержать эти республики в составе единого государства по ходу эскалации конфликта вели лишь ко все большей решительности последних полностью отделиться от Югославии. Поэтому в сербских политических кругах постепенно усиливалась и стала официальной линия на создание сербского моноэтнического государства, которое должно было бы охватить все этнические сербские территории, включая и территории со смешанным сербским и хорватским населением в Хорватии, и сербским, хорватским и мусульманским - в Боснии и Герцеговине.

Эта линия определялась в сербском обществе относительно долго. С одной стороны, началом практического ее осуществления можно в какой-то мере считать ликвидацию белградскими властями во главе со Слободаном Милошевичем автономных краев - Воеводины и Косово, и превращение таким образом Сербии в централизованное, унитаристское государство. Руководство Хорватии также отказывалось предоставить автономию сербам, проживающим в республике. С другой стороны, идейно-историческое обоснование создания независимого сербского государства вызревало и среди крайней националистической оппозиции. Широкий политический и общественный резонанс вызва-

ла опубликованная в сочельник 1990 г. программа "Сербское национальное обновление" партии Вука Драшковича, стоявшей на резко антикоммунистических позициях. В ней прямо говорилось, что целью партии является "создание демократического и многопартийного государства в его исторических и этнических границах". Под такими понимались границы Сербии, приобретенные ею в ходе "справедливых, освободительных и победоносных войн" (1-я и 2-я Балканские, первая мировая), восстановление тех границ, с которыми Сербия вошла в состав Югославии (в 1918 г. - С.Р.)²⁶. Кроме того, партия В. Драшковича выступала за присоединение к Сербии исторических и этнических областей "нашей нации в Боснии, Славонии, Герцеговине, Лике, Кордуне, Банье и Книнской Крайне". Мотивировалось это требование тем, что в послевоенной Югославии решения о проведении внутренних границ между республиками со смешанным населением принимали "коммунисты из Хорватии и Словении"; тем, что во время второй мировой войны сербы подверглись геноциду со стороны хорватских усташей и истреблению во время трагической гражданской войны, а после ее окончания оказались под властью "большевистско-титовской диктатуры меньшинства с ее стратегией разъединения и травмирования сербов". Все это привело к тому, что "крупнейшая нация на Балканах оказалась на грани нищеты и биологического истребления". В. Драшкович и его сторонники видели возможность сохранения Югославии лишь в виде конфедерации, в которой каждый из трех ее членов - Сербия, Хорватия и Словения - имел бы право самостоятельно определять свое внутреннее устройство и обладал бы правом свободного выхода²⁷.

В 1990 г. эта программа была запрещена. Но постепенно, по мере развития событий, правящие круги Сербии (коммунисты переименовали себя в Социалистическую партию, а ее гла-

* Впоследствии В. Драшкович проделал значительную эволюцию и, несмотря на противоречивость высказываний, отошел от позиций крайнего сербского национализма.

ва С.Милошевич стал президентом) увидели в подобном подходе единственный шанс удержаться у власти на волне националистического подъема и использования условий войны для сохранения социалистических командно-распределительных принципов экономического и социального регулирования и отказа от реформ. Эта программа пришлась по вкусу и командованию Югославской Народной Армии, ставшей к 1991-1992 гг. практически сербско-черногорской по составу (хорваты, словенцы, македонцы после провозглашения независимости своих республик ушли из нее). Таким образом, сплелись воедино застарелый межэтнический конфликт, т.е. взаимные обиды, нанесенные сербами и хорватами друг другу за долгое время их проживания на одной территории или же рядом друг с другом, и социально-политические противоречия. Однотипность принципиальных подходов - абсолютизация прав этнических общностей на создание государственных образований - в сочетании с тяжелым психологическим наследием тоталитаризма и идеологическим - коммунизма, укоренившимися в сознании многих политиков и простых людей с обеих сторон, делают этот многосторонний конфликт чрезвычайно трудно разрешимым.

Одной из причин югославской трагедии является практическое отсутствие - как в рамках бывшей федерации, так и в каждой республике в отдельности - сильной демократической оппозиции, которая могла бы предложить и осуществить программу либеральных экономических преобразований и межнационального мира. Не в последнюю очередь это - результат проводившейся И.Б.Тито политики подавления даже "лояльной оппозиции" внутри СКЮ. Существующие в Хорватии и Сербии оппозиционные группы и партии все же еще слабы, чтобы определять политический курс, придти к власти. Вот как характеризовала сложившуюся в стране ситуацию в 1989 г. Демократическая партия Сербии (ДПС), пытавшаяся объединить югославиистски настроенных демократов: "Югославянское общество стоит на грани распада... Последствия правления одной партии ужасающи. Это - отсутствие демократических институтов, правление политических олигархий, блокировка деятель-

ности государственных органов, разросшаяся бюрократия, низкое качество товаров и низкая производительность труда в промышленности, отсутствие какой-либо экономической политики, долговое рабство, безработица, падение уровня жизни ниже допустимых границ, правовая незащищенность и произвол властей, манипуляция религиозными и культурными различиями, драматические общественные противоречия, национальная нетерпимость и открытые межнациональные конфликты - все это привело к нашему внутреннему распаду"²⁸.

Тогда, в начале 1990 г. еще можно было объединиться "верой в возможность нашего содружества и превращения его в государство свободы, равенства, равноправия и демократии". Сероские демократы утверждали, что "вопрос о национальном суверенитете - главный вопрос государственного устройства - невозможно честно решить, если предварительно не решить вопроса об основных гражданских свободах". Корни межнациональной нетерпимости и конфликтов они видели в неуважении основных прав человека и его подчиненности властям, которые прибегают к инспирированию национальных конфликтов, чтобы вернуть пошатнувшуюся легитимность и выступить в роли защитника национальных интересов.

Возможность мирного решения назревавших противоречий и конфликтов Демократическая партия видела в принятии конституционных гарантий равноправия наций, которые в большинстве случаев не могут отождествляться со своими федеральными образованиями. Всем меньшинствам, проживающим за пределами "своей" республики, должно быть гарантировано право осуществления своей национальной и культурной индивидуальности. Это же должно относиться и ко всем остальным меньшинствам, где бы они ни проживали (т.е. не имеющим своей государственности)²⁹.

Очевидно, что югославизм ДПС (в нее вошли известные писатели Милан Данойлич, Гойко Джого и др.) не имел ничего общего с "югославизмом" белградского руководства и армейской верхушки, решившими любой ценой сохранить свою коммунистическую мини-империю. Однако массовой поддержки серб-

ских и черногорских демократов не получили и не могли получить – средства массовой информации, находившиеся в основном под контролем правительства, или замалчивали их, или подвергали травле людей, чьи взгляды расходились со взглядами правящих кругов. К сожалению, не произошло и соединения демократического движения интеллигенции со стихийным антивоенным движением, прежде всего жен и матерей сербских солдат и "добровольцев". Даже массовые демонстрации лета 1992 г. в Белграде свидетельствуют, что демократические силы еще не могут выступать в роли реальных соперников С.Милошевича и поддерживающих его шовинистов типа В.Шешеля и др. Националистическая волна по-прежнему очень сильна; она постоянно растет из-за ежедневных рассказов по ТВ и в газетах о зверствах – подлинных или мнимых – противной стороны в Боснии и Герцеговине, усиливается известиями о гибели родных и близких. Хотя, осознав невозможность сохранения бывшей Югославии, сербская демократическая оппозиция ищет пути создания в Сербии демократического государства.

Правящая ныне в Сербии Социалистическая партия (СПС) считает, что "права человека – это прежде всего права отдельных граждан". Представители же национальных меньшинств, наличие которых определяется не их численностью, а наличием вне границ Югославии их национальных государств, должны обладать такими же правами, что и представители нации, составляющей большинство.

Национальные меньшинства как общности должны обладать правом пользоваться родным языком, сохранять культурные традиции, беспрепятственно осуществлять деятельность в области культуры и образования. Таким образом, за ними признается право на культурную, но не на политическую автономию. Сербия, по мнению социалистов, должна быть централизованным государством. Вместе с тем, "национальным меньшинствам должно быть гарантировано право представительства в политической жизни, в особенности в органах власти и местного самоуправления", т.е. путем выборов и назначений

их представителей. В соответствии с международно признанными критериями, утверждает СПС, национальные меньшинства не обладают правом на самоопределение, включая возможность отделения. Этим правом обладают только "конституционные нации, объединенные в общее союзное государство — сербская и черногорская, а также нации, которые присоединятся к Югославии в будущем". Именно это отрицание права национальных меньшинств на политическую автономию, стремление ограничить их права и делает похожей Социалистическую партию Сербии на Хорватское демократическое содружество. Оно, вероятно, представляет собой неизбежный элемент национальных программ партий, пришедших к власти во вновь созданных национальных государствах после распада многонационального государства. Но это отрицание, недооценка стремления национальных меньшинств к политическому самоопределению в период дезинтеграции, как показывает трагический опыт, неизбежно ведет прежде всего к этнополитическому конфликту, охватывающему поначалу области права, идеологии и пропаганды, а в конце концов превращающемуся в кровопролитную войну. Идеологи СПС утверждают, что "Союзная Республика Югославия является свободной федеративной республикой"; что "сербская и черногорская нации свободно высказались за совместное проживание и точно так же свободно могут выйти из союза"³⁰.

Партия считает Косово и Метохию "неотделимой частью Сербии, которая по своим природным богатствам, памятникам культуры и истории имеет не только политическое, но и символическое значение для сербской нации". "Суть нашей политики в Косово — полное национальное равноправие", — утверждается в программе СПС. Права проживающих там албанцев должны быть гарантированы, в соответствии с международно признанными принципами, следующим образом: употреблением родного языка и преподаванием на нем в школах; сохранением культурных традиций, развития соответствующих учреждений, культурных организаций и издательств; свободой религиозных убеждений; созданием политических организаций и пропагандой их идей; участием в выборах народных представителей; участием

в работе Союзной и Республиканской скупщины. Говоря о равноправии, СДС "имеет в виду и все остальные этнические группы, проживающие в Косово и Метохии, которые были лишены своих прав в период, когда албанцы обладали носолютной властью в Косово и злоупотребляли ей".

В программе правящей партии - сербских социалистов - утверждается также, что "Воеводина со всеми своими особенностями является неотделимой частью Сербии". Права населяющих ее национальных меньшинств должны состоять в следующем: в праве на получение образования и информации на родном языке; в сохранении их культурного наследия; в равноправном участии в политической жизни Сербии; в сотрудничестве с народом, составляющим в Воеводине большинство населения (т.е. с сербами. - С.Р.), что способствует общему культурному развитию. Одновременно СДС признает наличие определенной специфики Воеводины, ее особого исторического опыта и особенностей ее экономики и считает, что все это необходимо учитывать при выработке общей политики Республики Сербия.

Вместе с тем, сербские социалисты убеждены, что "были нарушены принципы международного права, когда сербам в Хорватии, Боснии и Герцеговине, которые семь десятилетий прожили в одном государстве объединенными со своими братьями, воспрепятствовали, в соответствии с правом на самоопределение наций, остаться в общем государстве"³¹. Таким образом, четко прослеживается отказ от характерной для конца 80 - начала 90-х годов политики Сербии в отношении бывшей Югославии как единственного варианта политического объединения сербских этнических территорий и переход к созданию моноэтнического сербского государства на всех территориях, на которых сербы проживали, проживают или считают их "своими".

Нынешние события с особой остротой поставили вопросы, заданные тогда еще в сугубо теоретической дискуссии в конце 80-х годов академиками Ч.Поповым и М.Экмечичем. Достаточно ли было этнической и языковой близости югославянских народов для создания единого государства? Был ли этнический унитаризм

обманом или самообманом? Что представляло из себя югославянство в прошлом?³² Сегодня мы можем дать четкий ответ на эти вопросы. Хорваты и сербы не были никогда одной нацией, одной этнической общностью. Если вспомнить ставший с XIX в. классическим набор элементов, характеризующих нацию, то практически по всем позициям мы получаем отрицательный ответ. Кроме весьма туманного происхождения от общих предков и весьма спорного вопроса о единстве языка, по всем остальным характеристикам сербы и хорваты отличаются друг от друга — по религии, характеру, нравам и обычаям. Общность судьбы у них также весьма относительная, ибо, проживая в одних и тех же государствах, они находились в разном положении и по-разному воспринимали его. Это же относится и к общности законов. Что же касается территории, то, как показывает историческое развитие, общность территории не может считаться характеристикой, признаком этнической общности. Таким образом, югославизм оказался порожденной определенными историческими обстоятельствами красивой иллюзией, приведшей в конце концов к трагическим последствиям.

Полиэтнический национализм — а мы так бы охарактеризовали сущность югославизма, — как и любая иная пан-идеология и психология, не может служить альтернативой моноэтническому национализму. В качестве политической и правовой концепции югославизм, как и славянская идея в целом, исчерпал свой относительно прогрессивный потенциал, который был ему присущ в конце XIX — начале XX в., и патриотический заряд времен борьбы с фашистской оккупацией. Тогда он совпал с процессами национального самоопределения. Югославизм был оправдан лишь как пан-этническая политическая программа для противопоставления двум многонациональным империям — Австро-Венгерской и Османской, занимавшим большую часть территории соответственно Центральной и Юго-Восточной Европы.

Став инструментом государственной политики, югославизм неизбежно должен был совпасть с "политической идеей" государствообразующей этнической общности. Это и явилось одной из основных причин кризиса и кровавого краха югославянской

этнотерриториальной федерации. Следствием чего стали рост великодержавных настроений, с одной стороны, и усиление национальной нетерпимости — с другой. Югославянская идея в ее политико-правовой форме давала и дает превосходную этнопсихологическую основу политике централизма, унитаризма и денационализации, сохранению имперских структур.

Как показал опыт югославского государства, а также противоречия между славянскими государствами бывшего СССР и республиками в Чехо-Словакии, создание государства с этнически родственным составом населения не решает проблем национального самоопределения входящих в него народов. Наоборот, он создает на этом пути дополнительные препятствия. В современном мире полиэтническая (как и моноэтническая) общность не может быть субъектом государственного права, не может заменить гражданское общество. Груз политического югославизма в различных его вариантах не выдержали ни авторитарно-централистская монархия, основывавшаяся на этническом унитаризме, ни тоталитарная этнотерриториальная коммунистическая республиканская федерация. Совместное государство югославян в форме федерации ныне исторически себя исчерпало.

В течение XX в. хорваты и сербы использовали различные формы национального самоопределения. Хорваты обладали территориально-политической автономией и в монархии Габсбургов и в межвоенной Югославии, их территория была разделена на несколько административных регионов в той же королевской Югославии; у них было псевдонезависимое государство периода германской и итальянской оккупации в годы второй мировой войны; наконец, они в послевоенной Югославии обрели статус одной из республик в составе этнотерриториальной федерации. Со своей стороны, сербы обладали своим соотнесенным независимым государством, национально-церковной автономией в монархии Габсбургов, сербские земли были частью унитаристской и централизованной межвоенной Югославии, во время германской оккупации была создана "национальная" администрация; а после войны сербская республика стала обладать таким же

статусом, как и хорватская, и все остальные республики. Вместе с тем, значительная часть их этнических территорий оказалась либо в составе Хорватии, либо в Боснии и Герцеговине, где они проживали совместно с хорватами и мусульманами — смешанно или в отдельных изолированных районах.

Сербия и сербская государственность объективно были основой и межвоенного югославского государства, и послевоенной Югославии. Но сербское однопациональное государство не имело ни исторического опыта, ни желания, ни умения смягчать межнациональные противоречия. В этом также кроется одна из исторических причин краха югославского государства.

Югославизм не принес смягчения межнациональных и межгосударственных конфликтов. Внутри государства он в конце концов рассорил "братские" народы. Он же способствовал усилению напряженности между славянскими и неславянскими народами, проживающими на территории бывшей Югославии. Существует реальная опасность перерастания конфликта в этно-конфессиональный, что придаст ему глобальный характер столкновения православного мира с католическим и мусульманским, как и двух последних между собой.

Полемика между историками, теологами, журналистами Сербии и Хорватии об отношениях между народами и религиями началась очень давно и не завтра кончится. Накануне распада Югославского государства она достигла пика ожесточенности. Обвинения всего народа и всех представителей одной религии против представителей другой стали общим местом в ежедневной пропагандистской войне. Сербские средства массовой информации обвиняли хорватов в политике геноцида во время второй мировой войны, а католический клир — в организации и благословении этих преступлений, хотя документы свидетельствуют об обоюдных зверствах и преступлениях, как в 1941—1945 гг., так и сейчас. Хорватские газеты и телевидение в долгу не оставались, и говорили об агрессивных мечтаниях сербского коммунистического государства, которое хочет создать великую православную Сербию.

Корни этих взаимных обвинений и очень сложных отношений

между сербами и хорватами уходят в глубь веков. Религия стала одной из главных черт этнической самоидентификации. Споры о событиях и процессах далекого прошлого идут до сих пор, колеблясь между двумя очень схожими крайностями: сербы считают хорватов "окатоличенными" сербами, а хорваты сербов - православными хорватами. Существовала и существует совсем уж максималистская точка зрения, отрицающая само существование соответственно либо сербов, либо хорватов в ряде районов их совместного проживания. При этом сербы в большей степени отождествляли национальную и религиозную принадлежность, что подчеркивалось самим названием - Сербская Православная Церковь. Это вело к возникновению в национальном сознании жесткой привязки "одна территория - одна национальность - одна религия - одно государство". Постулат сербских крайних националистов о противоборстве православия с католичеством в общемировом масштабе, об исторической роли сербов в этой борьбе оказался в центре сербской государственной идеи. В сербском национальном сознании причудливым образом сочетается противопоставление себя "католической" Европе, с одной стороны, и стремление доказать свою принадлежность к европейской христианской культуре и цивилизации. "Сербия была европейской страной даже ранее, нежели Западная Европа. Она и сейчас привержена основным, самым глубоким христианским принципам Европы, свидетельством чего являются ее культура и духовность", - говорится в меморандуме сербского епископата, принятом в середине мая 1992 г.

С другой стороны, Запад постоянно обвиняется во вмешательстве во внутренние дела сербского народа, на него перекладывается ответственность за происходящее, поскольку он поддерживал коммунистический режим, чуждый православному сербскому народу. Ни словом, однако, не упоминается об ответственности СССР, благодаря поддержке которого этот режим не только был установлен, но и вообще возник. Неприятие Ватикана и Австро-Венгрии стало одной из основ сербской государственной и национальной идеологии.

В хорватском национальном сознании подобная жесткая привязка также имела место. Достаточно напомнить, что во время второй мировой войны в печально известном Независимом государстве Хорватия православие было запрещено. Но все же из хорватской среды вышли два известных поборника примирения церквей и хорватского русофильства — Юрай Крижанич в XVII в. и Йосип Юрай Штроссмайер в XIX в. Официальная Хорватия не рассматривает этот конфликт как конфессиональный, подчеркивая его политическую суть. Хотя и здесь одно из главных противостояний Запад—Восток. Относя Хорватию безусловно к Западной Европе, хорватская пропаганда использует мотив противостояния западной демократии сербским коммунистическим агрессорам.

Факт, однако, остается фактом: подавляющее большинство сербов — православные, а хорватов — католики. Что касается мусульман, то их этнический состав неоднороден: часть из них — потомки славянского населения, принявшего ислам во времена господства Османской империи, часть — пришельцы неславянского происхождения.

Югославизм XIX — начала XX в. в известной мере был, среди прочего, попыткой сгладить этно-конфессиональный аспект хорватско-сербских противоречий. Его деятели выступали против отождествления национальности с религиозной принадлежностью, что позволило тогда смягчить острые сербско-хорватские противоречия в Хорватии, Славонии и Далмации. Но, как показала история созданного в 1918 г. единого югославянского государства, все это имело лишь временный эффект, а сам югославизм, как идея национально-го единства сербов, хорватов и словенцев, оказался иллюзией, за которую эти народы дважды в нашем столетии заплатили кровавую цену — во время второй мировой войны и в наши дни. При президенте И.Б.Тито религия помимо прочего рассматривалась как неотъемлемая часть национализма. С ней боролись как из коммунистических атеистических убеждений, так и в рамках осуждения национализма и сепаратизма, могущих подорвать единое югославское государство.

На протяжении всей истории международных отношений в Боснии и Герцеговине три национальные общины — сербская, хорватская и мусульманская — соперничают между собой. Поочередно две стороны блокируются сугубо по политическим соображениям против третьей: то хорваты и сербы — против мусульман, то мусульмане с сербами против хорватов, то хорваты с мусульманами против сербов. Та же политическая игра происходит и в наши дни.

Положение самих церквей и в Сербии, и в Хорватии не простое. Сербская православная Церковь (СПЦ) еще в 1992 г. встала в оппозицию нынешним властям, в которых она видит преемников коммунистического режима. СПЦ укоряет власти сербии и Черногории за то, что они "не готовы допустить мысль о национальном примирении, залечить последствия гражданской и братоубийственной войны и подготовить предварительные условия для духовного возрождения и исцеления народа". Вместе с тем СПЦ "выступает за единство сербского народа и сербских земель, но она выступает также и за справедливое решение национальных прав и жизненных проблем всех народов, живущих с ним бок о бок и по соседству". В "Меморандуме" подчеркивается, что "на сербских землях церковь, руководствуясь своей природой, не может отождествлять себя с какой-либо границей".

Стремится внести успокоение в души хорватов и содействовать примирению, декларируя свою приверженность к справедливому решению международных проблем и уважению прав верующих разных конфессий, и католическая церковь. Она решительно осудила проявления нетерпимости и жестокости по отношению к православным в Хорватии. Обе церкви пытаются играть и посредническую роль в конфликте между Сербией и Хорватией, между хорватами и сербами: состоялось несколько встреч их представителей. Однако коренного улучшения это не принесло. Во-первых, потому что обе стороны разделяют в целом национальные устремления "своих" народов и государств, которые во многом противоположны друг другу. Во-вторых, потому что невероятно трудно переступить через множество уже

совершенных приверженцами обеих религий по отношению друг к другу зверств, разрушений и преследований.

Когда в апреле 1994 г. была отведена угроза бомбардировок Сараево и, кажется, забрезжила надежда на урегулирование в Боснии, пришло время подумать о его перспективах. Но не о том, в каких государственных формах оно будет осуществлено, а о том, кто и на каких принципах будет его реализовывать, поддерживать мир не только сегодня, но и завтра, чтобы не допустить новых трагедий. Ясно, что установление мира в истерзанной войной стране — вопрос не одного дня, это длительный процесс изменения психологии людей и официальной идеологии государств, принимавших участие в конфликте.

Поэтому особенно важно, что будет делать молодое поколение политиков. Ибо очевидно, что первые коммунистические руководители посткоммунистических государств исчерпали свои идеи и скомпрометировали себя, приведя "свои" народы к истребительной и самоистребительной войне. Какие люди и какая идеология придут им на смену? Окажут ли решающее воздействие на новых политиков устаревшие идеи национализма XIX в., коммунистического интернационализма и их собственный жизненный опыт, приобретенный в военные 90-е, или же они сумеют сбросить груз прошлых обид, заблуждений и преступлений и проникнуться идеалами демократии и гуманизма?

Одним из результатов и одновременно причиной кровавого конфликта стала неизбежная слабость и разобщенность подлинно демократических сил — и в масштабах всей Югославии, и в отдельной республике, и у каждого народа. Беда национальных движений послевоенной Югославии заключалась в том, что борьба за демократию неизбежно увязывалась с национальными требованиями, борьба за национальную свободу воспринималась как борьба за демократию, но велась она в рамках прежней тоталитарной политической культуры и системы. Демократическая оппозиция не смогла идейно и психологически противостоять официальной национально-государственной пропаганде посткоммунистических режимов, ибо сама во многом не могла преодолеть

наследия прошлого – представления "одна национальность – одна территория – одно государство". Она не смогла ничего противопоставить ни этнополитическим иллюзиям национальной исключительности и традициям великодержавной национальной идеологии, ни иллюзиям югославизма. Слабость демократических сил – наследие не только коммунистической, но и межвоенной Югославии, королевства Сербия и Австро-Венгрии.

Репрессии режима Тито не могли, конечно, не оставить глубоких ран в душе каждого народа Югославии. Да и нынешние новые власти, унаследовав старую психологию и политическую культуру, нередко действуют хорошо знакомыми методами подавления. Этим не в последнюю очередь объясняется слабость демократической оппозиции.

Кроме того, ей крайне затруднен доступ на радио и ТВ. Как утверждают специалисты, в Сербии оппозиция пользуется большей свободой, чем в Хорватии. Достаточно назвать независимую теле-"Студию Б", общенациональную газету "Борба" и журнал "Време". В Хорватии ничего подобного нет. Журнал "Данас", газета "Слободна Далмация" под давлением властей занимают все более официальные позиции. А официальные представители каждого государства утверждают, что именно их государство – соответственно Сербия или Хорватия – является одним из самых демократических в мире. Причем обе стороны отрицают факты преследований по этническому или религиозному признаку в своей стране и обвиняют в этом своих противников.

Результат – интеллектуальное истощение демократической оппозиции, отсутствие демократического менталитета, отсутствие реальных политических сил, способных выдвинуть альтернативу и конфликтному распаду Югославии, и не менее конфликтному ее сохранению. В начале 90-х годов существовало довольно активное антивоенное движение в Сербии. Формы активного и пассивного сопротивления были самые разные: уклонение от призыва на военную службу, побеги из военных лагерей, где проходили подготовку "добровольцы", дезертирство с линии фронта или после возвращения из плена. Многие

молодые люди уезжали из страны. Существовало и довольно активное женское движение, протестовали против войны и деятели культуры. Но эти выступления в тот период носили все же разрозненный характер и не были поддержаны демократической оппозицией, тогда еще крайне слабой в политическом плане.

Многие по-прежнему считают этническую общность субъектом государственного права при отсутствии гражданского общества, прав и свобод личности, часто неосознанно отождествляют понятия "нация" и "национальность". Не видят, что любое государство и развитое гражданское общество — будь то Югославия или независимые государства, возникшие после ее распада, — сильно именно своей многонациональностью, которая и обеспечивает ему внутреннюю стабильность и жизнеспособность.

Распад не привел ни к усилению демократических сил, ни к установлению демократических политических систем, ни к укоренению демократических принципов. В новых, малых, государствах господствует ныне иной тип тоталитаризма — этнический, вместо классового. А гражданского общества так и не создано. Демократическая интеллигенция оказалась еще более расколотой и изолированной. Не только национальные и государственные границы, но и внутренний раскол — многие стали обслуживать нынешние режимы: пригодились старые привычки и навыки. Критика системы, даже отдельных ее недостатков воспринимается властями, как в "добрые старые времена", враждебно. Контакты с демократами других национальностей и государств невозможны из-за обвинений в государственной и национальной измене. Распад — хотя исторически он был совершенно неизбежен — ослабил, а не усилил демократию. В этом — исторический парадокс и трагедия демократической оппозиции: выяснилось, что демократия не имеет национального лица, что государство невозможно построить на принципах этнического единства или близости. Распад Югославии — это поражение не только коммунизма, югославизма и централизма, но также демократии и национальной свободы. В стра-

нах бывшей Югославии не оказалось ни единой антинационалистической и антивоенной программы, ни сильного демократического движения, способного сгладить неизбежные различия между партиями.

Сейчас одна из наиболее болезненных проблем — установление контактов и взаимопонимания между демократами Сербии и Хорватии. Демократы Хорватии утверждают, что не могут вступать в контакт с людьми, которые не признают нынешних границ между югославянскими государствами (т.е. границ между бывшими республиками СФРЮ. Речь идет о Сербской Крайне и о Боснии). Но все же многие люди твердых демократических убеждений в Сербии, как считает хорватский историк Иво Банац, "успешно сдали этот экзамен, поскольку знают, где проходят границы Сербии". Со своей стороны, сербские демократы отрицают возможность контактов с теми в Хорватии, кто ведет и поддерживает антисербскую политику. Хорватская оппозиция и не может контактировать с сербской, поскольку политика Хорватии направлена против Сербии. Ни хорватские, ни сербские демократы пока не могут публично и открыто — что объясняется состоянием войны — отделить интересы народа, населения от интересов нынешних государств и правящих в них сил, дистанцироваться от "общенациональных" лозунгов правящих партий.

Демократическое движение по своей сути может быть только антивоенным и антинационалистическим так же, как и антивоенное и антинационалистические движения не могут не быть демократическими по своим конечным целям. Ибо только демократия и глубокие социальные, экономические, политические реформы могут устранить причины, порождающие войну и крайний национализм. Трагедия бывшей Югославии свидетельствует, что нет ничего более опасного для общества и государства, чем объяснение возникших трудностей составом крови, цветом волос или религией соседа. Это — прямой путь к гибели государства и национальной катастрофе, к гибели как раз той национальности, в верности величию которой клянутся те, кто проповедует ненависть.

В последнее время демократические силы и в Сербии, и в Хорватии, несмотря на свою разрозненность, сумели добиться некоторого политического влияния. Об этом говорят хотя бы итоги декабрьских выборов в Сербии. Социалистическая партия президента С. Милошевича завоевала 123 из 250 мест. 118 принадлежат четырем оппозиционным партиям - Сербскому движению обновления В. Драшковица, Демократической партии Джинджича, Демократической партии Сербии В. Коштуницы и Радикальной партии В. Шешеля. Но последнюю невозможно отнести к демократической оппозиции из-за ее великодержавной и ультра-националистической позиции.

В Хорватии же стабильное большинство в саборе принадлежит Хорватскому демократическому содружеству президента Ф. Туджмана. Среди наиболее крупных оппозиционных партий демократического направления можно назвать Хорватскую социально-либеральную партию Будиши (около 1/5 мест), Хорватскую национальную партию С. Дапчевич-Кучар и Христианско-демократическую партию. В Хорватии также существуют и крайние националисты - партия Д. Параги, например. Несмотря на значительное превосходство партии Ф. Туджмана, эксперты утверждают: если бы выборы проходили весной 1994 г., результаты были бы более благоприятны для оппозиции.

Но победа разрозненных оппозиционных партий с весьма разноречивыми программами, в которых преобладает критика нынешних режимов, а не планы конструктивной деятельности, вовсе не будет означать победы демократии. Многопартийность в Сербии и Хорватии еще находится в стадии становления. На политической арене появилось множество новых лиц, но почти никто из них не может сравниться по силе с нынешними президентами - и из-за непоследовательности и противоречивости их позиций, и из-за организационной слабости и малочисленности их партий и, в конечном счете, из-за слабой социальной и политической структурированности общества. У оппозиции нет пока сильных политиков, способных стать общенациональными лидерами под лозунгами демократических реформ.

Мировое сообщество, в немалой степени способствовавшее

своими поспешными и неумелыми действиями, отягощенными старыми представлениями и предрассудками разрастанию конфликта, сейчас, кажется, нащупывает путь к прекращению или хотя бы к приостановлению межэтнического конфликта и гражданской войны на территории бывшей Югославии. России и США удалось найти взаимоприемлемые формы урегулирования, поощрить стороны к переговорам, заставить их договориться. Но для наших стран "югославский вопрос" останется первостепенной проблемой и в XXI веке. Поддержание мира, восстановление разрушенного и, самое главное, создание обновленного общества и стабильных государств будет требовать все новых и новых согласованных усилий, политики, в которой возобладает дух партнерства, а не соперничества. И демократические силы в самих югославянских государствах — единственный партнер и адресат такой политики. но, как ни парадоксально, мировое сообщество не спешит установить с ними прочные связи и оказать поддержку политическую, материальную, духовную. Однако, в конечном счете, только усилиями самих югославянских народов может быть установлен прочный мир.

Конечно, политические контакты с нынешними властями в новых югославянских государствах необходимы и неизбежны, но нельзя не заметить, что всем ветвям власти, а особенно — демократической оппозиции и правозащитникам — необходимо устанавливать самые прочные контакты с демократами Сербии, Хорватии и всех других государств на территории бывшей Югославии, оказывать им посильную помощь и поддержку, главное — помочь преодолеть раскол и отчужденность. Только эти силы способны преодолеть мифы, предрассудки и вражду прошлого и добиться долговременного урегулирования этого межэтнического конфликта. Контакты с иными славянами не должны становиться привилегией только национал-патриотического и коммунистического течения в российской политике. Именно контакты с демократами и способствовали он посредническим и миротворческим усилиям, а в долгосрочной перспективе — сохранению позиций демократической России на Балканах как гаранта мира, стабильности и демократии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Starođevićeva hrvatska stranka prava. Zagreb, 1907. S. 4, 34.
2. См.: Историја српског народа. Београд, 1983. Т. I. Књ. I; Формирование независимых национальных государств на Балканах. М., 1986. С. 242-251, 265-267; S i d a k J., C r o s s M., K a r a m a n I., S e p i ć D. Povijest hrvatskog naroda: 1860-1914. Zagreb, 1989.
3. I b l e r J. Hrvatska politika. 1902-1912. Drugi dio. 1904-1906. Zagreb, 1914/1917. S. 358. См. также: Р о м а н е н к о С. А. Проблема национальной государственности в программах политических партий Хорватии-Славонии и Воеводины в конце XIX - начале XX в. // Балканы в конце XIX - начале XX в. М., 1991. С. 117-154.
4. Србобран (Загреб). 1911. 30 апр. (13 мая).
5. Там же.
6. Hrvatska ujedinjena samostalna stranka. Zagreb, 1911. S. 5.
7. K r a n j a v i I. Zapisci. Zagreb, 1986. Т. II. S. 504, 581-583.
8. См.: Ракић Л. Јаша Томич. Нови Сад, 1986. С. 284.
9. История Югославии. М., 1962. Т. II. С. 67. Об истории возникновения и первых лет существования Югославии см., напр.: В а н а о I. The national question in Jugoslavia. Origins. History. Politice. Ifaca & London, 1984.
10. История Югославии. Т. II С. 75-76.
11. Enciklopedija Jugoslavije. Sv. 5. S. 126.
12. История Югославии. Т. II. С. 171.
13. Говори и изјава генерала Драже Микајловића. Чикаго, 1966. С. 61-62, 79-80.
14. См.: Enciklopedija Jugoslavije. Sv. 2. S. 512-587; Sv. 8. S. 428-444.
15. P a v e l i ć A. Oslobodenje // Croatian Almanac - Godišnjak-kalendar hrvatskog domobrana. 1940. Pittsburgh-Buenos Aires. [S. a.]. P. 17-27.
16. K r a n j a v i I. Zapisci. Т. II. S. 525.
17. Подробнее об этом см., напр.: Г и р е н к о Ю. С. Сталин и Тито. М., 1991; К н е ж е в и h Р. и Ж. Слобода или смрт. Сијатл, 1984; О м р ĉ а n i n I. Military History of Croatia. Bryn Mawr, Pennsylvania, 1984.
18. Цит. по: История Югославии. Т. II. С. 226. О планах создания югослав-болгарской федерации, а также о федерации балканских и придунайских государств см.: Г и б и а н с - к и й Л. Я. Советский Союз и Новая Югославия 1941-1947. М., 1987; Г и р е н к о Ю. С. Сталин и Тито. С. 222-299; А в т о р х а н о в - А. Загадка смерти Сталина. Frankfurt/Main, 1979.
19. Социалистическая Федеративная Республика Югославия. М., 1985. С. 50-58.
20. Д ж и л а с М. Тито, мой друг и мой враг. Париж (LEV) 1982. С. 202.
21. M a t v e j e v i ć P. Jugoslavenstvo danas. Beograd, 1982. S. 11-22.

22. K r u š e l j Ž. Leš koji raste // Danas (Zagreb), 1987. 1 pros. G. 6. Br. 202. S. 28-29.
23. Ibidem.
24. Što jest i što hoće HDZ. Zagreb, 1990. S. 46.
25. Ibid. S. 72-73. Об истории национального движения хорватов в послевоенной Югославии см., напр.: C u v a l o A. The Croatian National Movement, 1966-1972. Columbia University Press, 1990.
26. Предлог програма странке "Српска народна обнова". Нова Павова, 1990. С.2.
27. Там же. С.3-4.
28. Demokratska partija. Deklaracija. Naort. Program. Statut. Titograd, 1989. S. 7.
29. Ibid. S. 26. Текст программ некоторых других хорватских, словенских и сербских оппозиционных партий см. В кн.: L e t i c a S. Četvrta Jugoslavija. Zagreb, 1989. См. также: P a v l o w i t c h S.A. The Improbable Survivor. Columbia, 1988; R a m e t S.P. Nationalism and Federalism in Yugoslavia. 1962-1991. Bloomington & Indianapolis, 1992. 2nd ed.; R u s i n o w D. The Avoidable Catastrophe (В рукописи); H a y d e n R.M. Constitutional Nationalism in the Formerly Yugoslav Republic // Slavic Review. 1992. № 4. P. 654-672.
30. Основе програма Социјалистичке партије Србије. Београд, 1992. С. 26-27.
31. Там же. С. 76, 81-85.
32. Jugoslavenski istorijski časopis. Sedemdeset godina Jugoslavije. Tematska sveska. 1984. № 1-4. S. 8-9.

x

x x

Автор выражает сердечную благодарность за дружеское содействие в поиске материалов своим коллегам М.Хрибар, М. Кузмановичу, Р.Ловренчичу, Д.Ковачевичу, И.Банцу, Д.Гуду, Р.Рудольфу.

В статье, написанной при поддержке IREX и московского отделения РНФ, использованы материалы Матицы Сербской (Нови Сад), Национальной и Университетской библиотеки (Загреб), Государственного архива Хорватии (Дубровник), Центра исследований иммиграции (Университет штата Миннесота), библиотеки Йельского университета).

Неоценимую помощь оказал автору, к глубокому сожалению, ныне покойный проф. Лазар Ракич (Нови Сад).

БАЛКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ: 90-е ГОДЫ XX ВЕКА

Противоречия, конфликты, кризис, столкновения, войны – основные этапы югославской трагедии начала 90-х годов. Сегодня исследователи – историки, политологи, юристы, демографы и т.д. – еще не сказали своего слова в анализе истоков и последствий случившегося на территории Югославии. Трудно говорить беспристрастно, когда ты являешься свидетелем событий, однако уже сегодня возможен сбор документов, первоначальный анализ и обобщение, установление закономерностей, выявление причин и истоков. Сейчас становится очевидным, что балканский кризис – это комплекс проблем, каждая из которых может стать предметом особого исследования. Перечислим только некоторые из них: исторические корни югославского кризиса; противоречия развития самоуправляющегося общества и истоки кризиса; трансформация политической системы: от политического плюрализма к многопартийной системе; распад многонациональной федерации: этапы и основное содержание процесса; становление независимых государств на территории бывшей СФРЮ – закономерности и особенности; путь Словении к независимости; война в Хорватии и борьба за государственность; Босния и Герцеговина – трагедия многонациональной республики; самостоятельность Македонии и борьба за международный статус; создание третьей Югославии: от изоляции к признанию. Кроме того, распад федерации, войны в Хорватии, Боснии и Герцеговине, участие в разрешении конфликтов международных организаций поставили целый ряд совершенно новых и теоретических, и практических проблем, таких как: право нации на самоопределение, обретение государственности теми народами, которые ее не имели, международное право по вопросам сепарации и сукцессии, миграционные потоки и проблемы беженцев, пересмотр внутриреспубликанских границ, теория и практика применения санкций и ряд других.

В короткой статье нет возможности рассмотреть все проблемы, связанные с распадом югославской Федерации. На основе имеющихся фактов, материалов и документов обозначим лишь некоторые из них.

Кризис федерации, попытка ее сохранения

Как и в других странах Восточной Европы, всесторонний кризис югославской Федерации явился следствием экономических, политических, идейных и национальных противоречий в развитии югославского общества, отчетливо проявившихся в 80-е годы. Желание трансформировать югославскую Федерацию привело к реформе политической системы, характеризовавшейся развитием политического плюрализма, углублением самостоятельности всех субъектов Федерации — Сербии, Черногории, Словении, Хорватии, Македонии, Боснии и Герцеговины, республик, созданных в социалистической Югославии после 1945 г. Одним из важных этапов реформы явился переход в 1990 г. к многопартийной системе, что должно было стать шагом к утверждению в Югославии парламентаризма европейского образца.

Уже в сентябре 1990 г. официально было зарегистрировано 119 политических партий и организаций, подавляющее большинство которых ограничивалось рамками одной республики. Выборы в новые парламенты Сербии, Черногории, Македонии, Боснии и Герцеговины состоялись в ноябре-декабре 1990 г., что позволило сформировать во всех шести республиках новые органы власти, политическая окраска которых представляла собой разноликий спектр новых политических движений: коалиционные, левые, центристские и правые. В двух республиках (Сербия и Черногория) реформированные коммунисты победили на выборах, а в других большинство голосов получили оппозиционные партии. При этом коалиционные правительства были созданы в Боснии и Герцеговине, Македонии, Словении, а в Хорватии на смену коммунистической партии вновь пришла однопартийная власть — на этот раз националистического, правого толка. Опыт Югославии и Советского Союза показывает, что на развалинах унитарных социалистических федераций от-

нодь не всегда появляются демократические государства. На приглушенное лозунгами о приоритете интернационализма национальное самосознание легко оказывали влияние национализм и шовинизм, что в свою очередь порождало новые формы диктатуры.

После прихода к власти новых политических сил, стремление к невыразившемуся самоопределению, самостоятельности и независимости под влиянием, главным образом, национализма привело республики к осознанию необходимости объединения на иной, чем прежде, основе, к поиску новой формы сотрудничества равноправных республик. При этом стремление в одночасье стать самостоятельными заглушало чувство опасности перед неумолимым распадом страны, причем, отнюдь не цивилизованным способом. Желание решительно трансформировать югославскую федерацию сопровождалось долгим и мучительным процессом переговоров, согласований, рассмотрения многочисленных проектов новых содружеств.

С конца 1990 г. развернулась настоящая политическая битва вокруг будущего устройства страны. Шла борьба между сторонниками, главным образом, двух концепций: конфедерации, или союза суверенных государств (ее отстаивали Словения и Хорватия); и федерации — единого государства с многоступенчатой внутренней структурой и с широкими полномочиями центра (за нее выступали Сербия и Черногория). Постепенно противоречия договаривающихся сторон перерастали в конфронтацию: Словения и Хорватия в одностороннем порядке провозгласили СФРЮ несуществующей и свое отделение от нее, а Сербия и Черногория продолжали отстаивать законность Югославии. Уже в июне 1991 г. из Союзной скупщины (парламента) были отозваны все делегаты Словении и Хорватии.

Путь к независимости югославских республик не был прост и однозначен. Из-за отсутствия договоренностей и поспешности заявления о самостоятельности, как правило, носили односторонний характер, а сам выход из СФРЮ осуществлялся не на правовой основе, без урегулирования пограничных вопросов, имущественного наследования, распределения долгов, при пол-

ном и немедленном разрыве всех годами складывавшихся экономических, военных, научных, культурных и других связей, игнорировании требований Президиума СФРЮ о соблюдении законности и конституционности. Словения и Хорватия полагали, что они вправе провозгласить независимость, если за нее высказалось большинство населения республики. Вслед за Хорватией такого же права потребовали для себя сербы, проживающие в Хорватии. В свою очередь Сербия и Черногория из формулы объединения попытались вывести формулу разъединения: кто присоединился в свое время (в 1918 г.) к Сербии, может уходить, Сербия и Черногория при этом сохраняют право преемственности югославского государства.

Отделение Словении и Хорватии. "Малая" и "большая" войны

Словения провозгласила суверенитет и объявила о своем выходе из Югославии 25 июня 1991 г., ссылаясь на Декларацию республики о независимости от 2 июля 1990 г. и результаты плебисцита 23 декабря 1990 г., на котором 88,5% населения высказалось за отделение от Югославии. Правительство СФРЮ попыталось защитить целостность страны, выдвинув на границы расположенные в Словении подразделения Югославской народной армии (при этом солдатам не выдавались патроны). Защищать независимую Словению "от агрессора" стали словенские добровольцы. Это неминуемо привело к столкновениям. Война в Словении, которую теперь уже считают "малой" (потери Югославской народной армии — 35 убитых и 152 раненых, Словении — 3 убитых и 66 раненых), длилась около трех недель, с 27 июня по 18 июля и закончилась выводом ЮНА с ее территории. В январе 1992 г. Словения была признана многими странами как самостоятельное государство.

Хорватии же не удалось легко, как Словении, решить свои проблемы создания независимого государства. Трагические события в Хорватии, переросшие в войну, уже унесли тысячи человеческих жизней, большей частью мирного населения. Хорватия считает агрессором Сербию, Сербия пытается защитить в

Хорватии сербское население. Кто прав? Как все начиналось?

В Хорватии на проведенном в конце мая 1991 г. референдуме более 94% принявших участие в голосовании граждан высказались за суверенное, самостоятельное хорватское государство. Выражая свой протест, не голосовали сербы, компактно проживающие в ряде районов Хорватии. Тем не менее 25 июня в одностороннем порядке была провозглашена независимость Хорватии. Однако процесс политического приобретения независимости для этой республики оказался сложным из-за неурегулированного статуса сербов, которые не желали становиться национальным меньшинством и поставили вопрос о предоставлении им культурной автономии, но получили отказ.

Сербское движение за автономию в Хорватии явилось следствием развернувшейся в республике националистической пропаганды и широких антисербских настроений. Вновь ожил страх перед геноцидом мирного сербского населения и зверствами усташей времен второй мировой войны. Опасения, к сожалению, имели под собой реальную почву. Правящую партию в Хорватии (Хорватское демократическое содружество во главе с Франьо Туджманом) отличала дискриминация граждан другой национальности, веры и политических убеждений, разжигание националистических настроений, антисербская и антиеврейская пропаганда. Фактически были реабилитированы усташские традиции: все сербы проверялись на лояльность, в республике была создана атмосфера нетерпимости по отношению к сербам. Сербов часто лишали работы из-за национальной принадлежности. Например, в хорватском городе Дарувар в виде отдельной книги был опубликован список всех сербских семей, согласно которому производились увольнения, а на дверях ряда учреждений висели таблички: "Запрещен вход военнослужащим ЮНА, сербам и собакам".

Сербов в Хорватии в конце июля 1990 г. сформировали Сербское национальное вече, провели референдум, который показал их нежелание оставаться в самостоятельной Хорватии. Это еще больше углубило разногласия в республике. В декабре 1990 г., после принятия хорватской конституции, объявлявшей Хорватию государством лишь хорватского народа,

была провозглашена Республика Сербская Краина (РСК), рассчитывавшая приобрести международное признание, независимость и право самим определять, в каком государстве жить. Скупщина Краины приняла постановление о том, что на территории РСК будет действовать Конституция Югославии. Естественно, такое поведение сербов вызвало крайне негативную реакцию официальных хорватских властей.

После столкновений с хорватской полицией, а позже с регулярной хорватской армией летом 1991 г. борьба между защитниками непризнанной автономии и сторонниками целостности республики переросла в кровопролитную войну, недолгая история которой полна фактов чудовищных зверств, геноцида, жестокости и человеческих страданий.

Понять истоки конфликта в Хорватии трудно, так как они имеют и историческую подоплеку, и вполне реальные современные причины. Но, пожалуй, одним из самых серьезных факторов стал неразрешенный вопрос о праве нации на самоопределение: кто имеет право на отделение – государство или народ? Если государство, то республики лишь уточняют свои границы и определяют условия сепарации. Если отдельный народ в рамках многонациональной республики – то каков статус внутренних границ и каким образом их изменять? И кто при этом является правопреемником федерации? Поэтому война в Хорватии не была войной между Сербией и Хорватией, как иногда ошибочно утверждалось. Это была война хорватов, отстаивавших свое право на отделение от СФРЮ в существующих республиканских границах, и сербов в Хорватии, не желавших жить с хорватами в едином государстве.

В ноябре 1991 г. общая численность хорватских вооруженных формирований достигла 110 тыс. человек (по другим данным – 200 тыс.) или 2,3% населения республики. По неофициальным данным в боях на территории Хорватии погибли более 30 тыс. человек, а беженцев насчитывалось около полумиллиона. Хорватское руководство стремилось достичь своей цели силой оружия: уничтожались сербские села, население выгонялось из родных мест. Хорватские вооруженные формирова-

ния, пополнявшиеся и из наемников, и из хорватов из Боснии, и из усташей из Латинской Америки, Австралии, отличались особой жестокостью. Людей расчленили, сажали на кол, детей убивали на глазах матерей, а жен мучили на глазах мужей...

Сербия, как могла, помогала Сербской Краине — деньгами, продовольствием, медикаментами, оружием. Однако под давлением международных организаций она была вынуждена эту помощь свести до минимума.

Приход голубых касок на многострадальную землю Краины во многом завершил долгий и мучительный процесс военного противоборства, политического бескомпромиссного противостояния в Хорватии, но не решил основных проблем, среди которых главные — конституирование демократического государства, достижение межнационального равновесия, экономической и социальной стабильности, определение границ между РСК, Сербией и Хорватией и взаимоотношение РСК с Хорватией. Подтверждение тому — начатое в январе 1993 г. наступление хорватских войск на Сербскую Краину на участке расположения французского батальона (который, не задумываясь, отступил). Только предупреждение ООН остановило хорватские войска, готовые в любой момент продолжить наступление. Хорватия считает эти территории своими и обязуется перед мировым сообществом предоставить их жителям определенные права. РСК в свою очередь встала на путь достижения национально-государственной самостоятельности и решительно высказалась против вхождения этих земель в Хорватию. На референдуме в июле 1993 г. сербы Краины, а также Боснии и Герцеговины высказались за создание единого государства. Югославия полагает, что в условиях войны эти вопросы решить не удастся и необходим мораторий и на эти земли, и на эти проблемы.

Создание мусульманского государства :
война в Боснии и Герцеговине

В Боснии и Герцеговине картина совсем иная, нежели в Хорватии. В республике живут три основных народа: мусульмане славянского происхождения (39,25% по переписи 1981 г.),

сербы (32,03%) и хорваты (18,38%). Кроме того, многие жители республики самоопределились в известное время как "югославы", большинство из которых – сербы или дети из смешанных браков. На этой славянской земле мирно уживались три церкви: православие, ислам и католицизм. В этнотерриториальном составе БиГ сербы занимали ведущее место. Они представляли абсолютное большинство населения на 53,3% территории республики.

Выход Боснии и Герцеговины из состава СФРЮ (без согласия сербского народа) был актом антиконституционным, так как, согласно боснийской республиканской конституции, для такого шага требовался консенсус трех его народов. Поспешное международное признание Боснии и Герцеговины весной 1992 г. лишь усилило внутренние национальные противоречия. Основной причиной военных столкновений на этой земле стала невозможность договориться о будущем устройстве Боснии и Герцеговины. Сербы предлагали обсудить конфедеративный вариант существования трех народов. Идея территориального разграничения БиГ между мусульманской, сербской и хорватской общинами на основах кантонизации была поддержана лидером Хорватии Ф.Туджманом. Однако мусульманская сторона и президент А.Изетбегович, получивший поддержку Запада в виде ускоренного признания независимости республики, отстаивали концепцию унитарного мусульманского государства, единой и неделимой республики. Разграничение, фактический раздел территории между тремя народами, началось военными средствами. Общая численность вооруженных национальных формирований в этой горной республике насчитывала в начале 1993 г. 150 тыс. человек. Одновременно в республике существовали сербско-мусульманские, хорватско-сербские и хорватско-мусульманские фронты. В БиГ воевали 40 тысяч солдат регулярной армии Хорватии, до 10 тысяч моджахедов из исламских стран в рядах официальной армии Боснии, добровольцы из Сербии и России. С мая 1992 г. на территории республики нет ни одного военнослужащего из Югославии.

Размежевание проходило не только военным, но и полити-

ческим путем. Сербский народ в январе 1992 г. создал Сербскую Республику Боснию и Герцеговину, сформировал республиканские органы – Скупшину, правительство, Президиум и республиканскую армию. 3 июля 1992 г. в БиГ было провозглашено Хорватское государство Герцег-Босния.

После вооруженных столкновений, военных операций, направленных на овладение территориями, процессов этнических чисток, миграции населения по национальному признаку становится вполне очевидным, что урегулирование конфликта возможно только путем разделения республики на три части. Нельзя не сказать, что вмешательство в конфликт международных организаций во многом усугубило ситуацию на Балканах, в частности, в Боснии и Герцеговине. По их вине появился еще один узел страданий: осудив исключительно Сербию и Черногорию, СБ ООН наложил на непризнанную правопреемницу бывшей СФРЮ 30 мая 1992 г. жесточайшие санкции.

Югославия в опале

Оказавшись почти в полной международной изоляции, Сербия и Черногория активно отстаивали свое право "не выходить" из Югославии. 27 апреля 1992 г. на торжественном заседании Скупщины СФРЮ, Народной Скупщины Республики Сербии и Скупщины Республики Черногории в полном соответствии с волеизъявлением граждан остаться в едином государстве и строго придерживаться мирного решения югославского кризиса народные представители этих двух республик провозгласили продолжение государственного, международного, правового и политического статуса СФРЮ в новом государстве – Союзной Республике Югославии (СРЮ). Так вновь возникла, теперь уже третья, Югославия, состоящая из двух республик, со столицей в Белграде и государственным сербским языком.

Вследствие введения 30 мая 1992 г. санкций, которые содержат полное торговое эмбарго, остановку всех финансовых операций, всех авиаперевозок, приостановку научного и технического сотрудничества, исключение спортсменов СРЮ из международных соревнований и т.д., экономическая и полити-

ческая ситуация в Сербии и Черногории характеризовалась усилением напряженности. По официальной оценке югославского МИД и многих зарубежных экспертов режим санкций, ужесточенный 17 апреля 1993 г., является самым тяжелым за всю историю ООН. Следует учитывать также, что в декабре 1991 г. Сербия и Черногория уже испытали на себе экономические санкции, которые были объявлены против всей Югославии, но не применялись против Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины, Македонии. В десятиmillionной Югославии ощущается нехватка топлива, газа, сырья для предприятий, некоторых видов продовольствия. Прямой эффект от санкций за год оценивается в Белграде в 10 млрд долларов. С января 1993 г. инфляция составляет свыше 200% в месяц. Растет вынужденная безработица. Снижаются темпы производства, уменьшается объем внутренних перевозок, катастрофически не хватает лекарств, медицинских препаратов и перевязочных материалов. Перестала поступать медицинская помощь из Сербии в Боснию и Герцеговину, сербские области Хорватии. Огромной проблемой стали беженцы. В Черногории только по официальным данным в августе 1992 г. их было 52,5 тысяч, а в Сербии — около полумиллиона. Причем, не только сербов, но и хорватов, евреев, мусульман.

Введение санкций мировое сообщество связывало с ответственностью Сербии за агрессию в Боснии и Герцеговине. Однако по прошествии определенного времени большинство европейских государств признало, что в Боснии и Герцеговине речь идет о гражданской и национально-религиозной войне, что ставило под сомнение вину Югославии в войне в БиГ. Сегодня уже отчетливо видно, что меры ООН, предпринятые против Югославии, не достигли своей цели — война в Боснии и Герцеговине продолжается. И санкции продолжали действовать. Более того, они ужесточаются, обрекая народы Югославии на дальнейшие страдания. Сербия и Черногория уже давно выполнили все условия мирового сообщества, необходимые для снятия санкций, но это никак не влияет на изменение позиции Европы и Америки.

С самого начала вооруженного столкновения в Хорватии европейские международные организации взяли на себя функцию разрешения югославского кризиса, однако их усилия были малоэффективны. Среди причин — перегруппировка сил в Европе и создание новых центров власти, процесс незавершенности или организационной перестройки многих международных организаций, отсутствие должного опыта в разрешении конфликтов подобного рода, а также различные интересы ведущих европейских стран на Балканах и, следовательно, различная оценка истоков конфликта и ответственности сторон. Поэтому отчетливо было видно неадекватное отношение к основным субъектам конфликта. Сербия, отстаивавшая концепцию сохранения Югославии, уважения международного права и законов еще существующего государства, постоянно ощущала на себе давление, видела себя неравноправной в переговорном процессе.

Ответственность за раздувание югославского пожара в определенной степени лежит и на Европейском сообществе. Торопливое признание независимости трех республик Югославии (Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины) свидетельствует о том, что в данном случае политические мотивы преобладали над правовыми. Еще 17 декабря 1991 г. в Брюсселе был принят документ, в котором делалась попытка утвердить условия признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе. Среди них — преобладание права и демократии, гарантия прав национальных меньшинств, мирное решение споров и ряд других. Тем не менее поспешно признана Хорватия, нарушившая по крайней мере четыре из пяти условий, но затянута признание Македонии, не нарушившей ни одного. Кроме того, поддержана независимость Республики Босния и Герцеговина с нестабильным внутренним положением, с неопределенным политическим устройством, невыясненными отношениями между живущими в ней народами и охваченная войной. Любопытно признание лорда Каррингтона, британского министра иностранных дел, посредника от ЕС в переговорах о югославском урегулировании, сделанное в ин-

тервью газете "Фигаро": "Я согласился на роль, предложенную мне 12 странами, на некоторых условиях. Одно из этих условий предполагало, что не будет международного признания той или другой из шести югославских республик до тех пор, пока они не скрепят свои различия глобальным соглашением. Но через некоторое время после сессии Европейского совета в Маастрихте министры иностранных дел стран-членов Сообщества предложили признать Хорватию и Словению". "Я предостерегал европейских руководителей против такого решения, которое срывало все мирные решения", - подчеркивал лорд Каррингтон. Но его не услышали. Предложение о признании Хорватии и Словении было внесено немецким правительством.

Европейское сообщество, взяв на себя роль арбитра в разгорающемся национальном пожаре, изначально исходило из свершившегося факта распада югославской федерации. Из процесса разрешения югославского кризиса было исключено союзное руководство: представители федеральных властей не были приглашены для участия в переговорах на Мирной конференции по Югославии. Кроме того, были приняты экономические санкции только против Сербии и Черногории, не участвовавших в военных столкновениях. Средства массовой информации большинства западных стран долго внушали, что единственным виновником конфликта являются Сербия и Югославская народная армия. Долгие месяцы замалчивались факты массового убийства мирных сербских жителей на территории Хорватии, не сравнимые по своей жестокости даже с геноцидом времен второй мировой войны, военной и финансовой помощи Хорватии со стороны объединенной Германии.

Мировое сообщество потратило много сил, энергии и финансовых средств, чтобы остановить войну в Боснии и Герцеговине - признанием ее независимости, введением 30 мая 1992 г. экономических и политических санкций против соседней Сербии и Черногории, путем ужесточения этих санкций, организации ряда международных конференций и даже разработки специального плана (Ванса - Оуэна), который изначально был нереаль-

ным. Однако война, не подвластная логике мирового сообщества, продолжается.

Позиция России. Интересы страны и интересы великих держав

На протяжении веков Балканы часто становились местом столкновения интересов великих держав. Борьбу сербов с турками с начала XIX в., а затем с австрийцами всегда поддерживала Россия. В истории отношений России, Сербии и Черногории чаще всего преобладали взаимопонимание, поддержка, бескорыстие и дружба. В Сербии и Черногории из поколения в поколение с молоком матери передавалась любовь и преданность России. Русский народ пытается помнить и хранить свою историю. Недавно один черногорский профессор рассказывал любопытную историю, что уже в наши дни в Ростове встретил мальчишек, играющих в войну между... черногорцами и турками.

Позиция, занятая Россией в югославском кризисе, была полной неожиданностью для Сербии и Черногории. "Она не учитывала исторических традиций России, настроений большинства россиян и национальных интересов нашего государства". Так считали одни. "Она означает переход на другую, цивилизованную, демократическую сторону баррикад", - считали другие и, исходя из этой концепции, разрабатывали стратегию и тактику внешней политики страны.

Обострение политической обстановки в Югославии в начале 1991 г. не вызвало особого беспокойства у российского руководства, которое исходило из того, что решение возникших в СФРЮ проблем должно происходить без какого-либо вмешательства извне. В тот период Советский Союз последовательно выступал за сохранение территориальной целостности СФРЮ, неприкосновенность границ и единство югославского государства. Признание отделения Словении и Хорватии, по мнению Советского правительства, не только затянуло, но и усугубило бы общенациональную трагедию. В целом позиция России по югославскому кризису в этот период не отличалась большой

активностью, несмотря на призывы югославской стороны выступить посредником в урегулировании конфликта.

К середине февраля 1992 г. позиция России по вопросу целостности Югославии претерпела существенные изменения. МИД РФ заявил о том, что Россия уважает выбор как тех народов, которые приняли решение о самоопределении, так и тех, которые желают остаться в составе Югославии. Исходя из этого Москва пожелала юридически оформить признание Россией Словении и Хорватии. В апреле, несмотря на констатацию драматического развития событий в Боснии и Герцеговине, представляющего реальную угрозу странам региона, международному миру и безопасности, правительство РФ признало государственную независимость этой республики, "исходя из права народов на самоопределение как одного из основных принципов международного права" вслед за США и другими государствами Европы.

Таким образом, международные организации и великие державы достаточно быстро решили вопрос признания отделившихся республик бывшей СФРЮ. Однако право Союзной Республики Югославии в составе Сербии и Черногории (СРЮ провозглашена 27 апреля 1992 г.) занимать место бывшей СФРЮ постоянно дискутировалось в СБСЕ, ЕС, ряде других международных организаций. Россия, желая быть последовательной в своей позиции по отношению к вновь возникшим государствам, была склонна признать и СРЮ. Во всяком случае заместитель министра иностранных дел РФ Б.Колоколов отмечал, что "с чисто правовой точки зрения Сербия и Черногория из Югославии не выходили — они ею остались". Поэтому на вопрос, признана ли Россией новая Югославия, он ответил: "Очевиден положительный ответ".

В мае Югославия с огромным нетерпением ждала министра иностранных дел России А.В.Козырева. Черногорская "Победа" писала, что "приехал с миссией мира Русский брат... поэтому брата надо встретить по-братски". Народы Югославии надеялись, что посредническая миссия России позволит Западу по-иному взглянуть на происходящие события и выработать объективный подход ко всем участникам конфликта. А.Козырев про-

вел переговоры с руководителями СРЮ, Сербии, Черногория, побывал в Сараеве, Скопле. В Любляне и Загребе были подписаны протоколы об установлении дипломатических отношений России со Словенией и Хорватией. Министр подчеркивал, что Россия будет использовать все свои возможности, чтобы побудить стороны на деле выполнить решения СБСЕ и ООН по урегулированию югославского кризиса, призвал политических лидеров принять незамедлительные шаги в этом направлении.

Однако после поездки в высказываниях министра постоянно звучала горечь обиды, что официальный Белград не прислушался к советам Москвы, не внял "голосу разума". Именно в это время А.В.Козырев всю вину за конфликт возложил на сербских национал-коммунистов. Пущенный таким образом в средства массовой информации "ярлык" надолго стал основным аргументом тех, кто защищал позицию нашего МИДа. Однако уже в тот момент было ясно, что ситуация на Балканах слишком серьезна. Речь шла о принципах и критериях решения национальных конфликтов, новых подходах мирового сообщества к проблеме распада многонациональных государств. В условиях несовершенства международного права по этим вопросам любая ошибка или поспешность в принятии решения могли привести, да и вели лишь к ухудшению ситуации. К сожалению, Россия с мая по декабрь 1992 г. определение своей позиции ставила полностью в зависимость от того, какое руководство находится у власти в Сербии. "Попустительство лишь поощряло бы национал-коммунистов в Белграде и югославской армии", - писал министр в июне 1992 г. Именно поэтому вину за происходящее он полностью возложил на Сербию и Черногорию, согласившись с необходимостью применять к ним более жесткие меры.

Поездка А.В.Козырева была оценена правительством России как "беспрецедентные шаги, предпринятые Россией в последнее время". Но в связи с тем, что "Белград не прислушался к добрым советам и предостережениям, не выполнил требования международного сообщества" Россия с легким сердцем присоединилась к санкциям ООН в отношении СРЮ 30 мая 1992 г.

Присоединение России к санкциям вызвало в стране волну

протеста. Ученые, писатели, деятели культуры, науки, журналисты обращались к правительству и парламенту с настойчивой просьбой сделать все возможное, чтобы исправить положение, а к Сербии и Черногории – со словами поддержки. По мнению МИДа, некоторые общественные и политические круги расценили позицию министерства как антипатриотическую и предательскую в отношении Сербии, что выглядело как попытка поставить под сомнение компетентность его действий в отношении республик бывшей Югославии.

Общественный интерес к данному вопросу вынудил МИД и лично А.В.Козырева неоднократно разъяснять причины, заставившие Россию поставить подпись под Резолюцией № 757 СБ ООН. Выступая в средствах массовой информации, А.В.Козырев подчеркивал, что присоединение России к санкциям позволило ей попасть "впервые в истории в беспрецедентно благоприятное международное окружение в период тяжелейших внутренних испытаний". Была сделана даже неловкая попытка доказать, что резолюция СБ ООН по санкциям "...касается всех сторон, которые несут ответственность за урегулирование кризиса в Боснии и Герцеговине, в том числе и Хорватии". Твердое российское "да" вызывает, по его словам, большее уважение к великой державе и со стороны ее новых союзников, и со стороны бывших "идеологических друзей". А критика нынешнего курса исходит от "национал-большевиков", "национал-демократов", "национал-патриотов", которых характеризует "односторонность, национал-патриотизм с квасным, славянско-православным, как, впрочем, и тюркско-мусульманским, духом". К сожалению, в официальных кругах не прозвучало серьезного анализа ситуации на Балканах, в каждой из бывших республик СФРЮ, не были определены приоритеты внешней политики России. Именно поэтому аргументы министра и его кабинета звучали в тот период так неубедительно. Позже, в декабре, директор Департамента информации и печати С.Ястржембский сказал на брифинге, что в случае неприсоединения к санкциям, Россия не могла бы рассчитывать ни на кредитную поддержку Запада (в 1991–1992 гг. около 15 млрд. долларов), ни на отсрочки

платежей по российскому долгу (18 млрд. долларов), ни тем более на долгосрочную реконструкцию долгов.

Совсем иную позицию занял Верховный Совет РФ. С момента присоединения России к санкциям, которое было сделано без ведома или одобрения ВС, его действия выглядели как противовес политике МИДа, как попытка внести коррективы во внешнеполитический курс страны. 26 июня начались дебаты в Верховном Совете РФ по югославскому вопросу. Позиция А.В.Козырева подверглась серьезной критике со стороны народных депутатов. После острой дискуссии Верховный Совет принял Постановление, в котором рекомендовалось МИД придерживаться сбалансированного подхода ко всем сторонам конфликта и изучить вопрос о сокращении объема санкций.

МИД усмотрел в Постановлении противопоставление воле международного сообщества и прямое нарушение Устава ООН. Несмотря на четко изложенную позицию парламента, Президент России подписал 14 июля распоряжение о "замораживании" отношений с Сюзной Республикой Югославией, что связывалось с выполнением Резолюции № 757 СБ ООН от 30 мая 1992 г. Этот документ приостанавливал экспорт в Россию товаров из СРЮ и обратно, научно-техническое сотрудничество, культурные обмены, официальные визиты, накладывал запрет на перечисление финансовых средств в СРЮ, понижал уровень персонала Посольства СРЮ в Москве. Таким образом, уже в этот период отчетливо проявилось противоречие между исполнительной и представительной властями и в сфере внешней политики.

В августе наметились определенные пути сближения позиций МИДа и ВС РФ. На Лондонской конференции, где Россию представляли министр иностранных дел А.В.Козырев и председатель Комитета ВС РФ по международным делам и внешнеэкономическим связям Е.А.Амбарцумов, удалось убедить организаторов конференции, что в Лондоне должны быть представлены руководители всех республик бывшей СФРЮ, включая и представителей СРЮ, а также что следует избежать принятия документа о применении силы для решения проблем Боснии и Герцеговины. Москва четко

заявила, что она выступает за нерушимость внешних и мораторий на изменение межреспубликанских границ бывшей Югославии, а также против территориального передела с помощью силы. По мнению МИД, кантонизация Боснии и Герцеговины могла бы только затруднить решение этой проблемы.

После принятия СБ санкций против Югославии началась волна исключения этого государства из международных организаций. 23 сентября народный депутат О.Г.Румянцев, ответственный секретарь Конституционной комиссии, сделал заявление для прессы, в котором расценил участие министра иностранных дел А.В.Козырева в голосовании в Совете Безопасности за исключение Югославии из ООН как предательство интересов России. Тем самым, по его мнению, МИД еще раз продемонстрировал, что внешняя политика России полностью утратила свою самостоятельность. Все это, заявил депутат, заставляет его поставить вопрос о политике МИД на сессии Верховного Совета.

Верховный Совет РФ занял активную позицию по югославскому вопросу. В парламенте эта проблема обсуждалась и в депутатских группах, и в комитетах, и комиссиях. Выступая в Страсбурге на 44-й сессии парламентской ассамблеи Совета Европы, Е.А.Амбарцумов подчеркивал: "Нужно преодолеть перекос в мировом общественном мнении в отношении якобы односторонней ответственности сербов за эти конфликты... Надо учитывать, что немалая часть ответственности ложится и на другие воюющие стороны... Было бы предпочтительным способствовать дальнейшей демократической эволюции в Югославии, вместо того, чтобы загнать ее в гетто". 17 декабря Верховный Совет РФ принял Постановление, в котором внешнеполитическому ведомству рекомендовано "принять меры для предотвращения военного вмешательства и дальнейшей эскалации конфликта на территории бывшей СФРЮ", поставить в СБ вопрос о применении одинаковых санкций в отношении всех сторон, ответственных за продолжение конфликта и кровопролития, не допустить снятия эмбарго на военные поставки. Хотя попытка Верховного Совета РФ скорректировать внешнеполитический курс в отношении Югославии не имела желаемого резуль-

тата, тем не менее заметно усиление активности российской дипломатии на балканском направлении уже в декабре 1992 г. Как заявил С. Ястржембский, югославская тематика является "сверхприоритетной" для российской дипломатии. Эта задача выражалась в максимальном содействии сопредседателю жневской конференции в рамках второго раунда прямых консультаций между вовлеченными в конфликт сторонами, в ряде заявлений и обращений, в переговорах с сербскими руководителями и т.п.

В январе 1993 г., после нападения хорватских вооруженных сил на районы, контролируемые "голубыми касками" в Сербской Краине, и Заявления МИД, осуждающего за это Хорватию, появилась надежда на объективный подход руководства России ко всем сторонам конфликта. Россия стала инициатором обсуждения вопроса о нападении хорватов на Сербскую Краину в Совете Безопасности 25 января 1993 г., выдвинула ряд инициатив по урегулированию кризиса. Это позволило президенту Б. Ельцину, прежде воздерживавшемуся откровенно высказываться по проблемам Югославии, заявить, что Россия имеет свою точку зрения на югославские события. Правда, наблюдатели выдвигали предположение, что шаги, предпринятые российской дипломатией, связаны прежде всего с активизацией балканской политики США и отмеченной президентом РФ "тенденцией со стороны США диктовать свои условия". Тем не менее большинство полагало, что Россия перешла в дипломатическое наступление на балканском направлении, отказавшись от пассивного следования западной линии, напомнила о существовании своих собственных интересов в этом регионе.

Однако все последующие события показали, что у России и США почти нет расхождений во взглядах. Диалог с американской администрацией на разных уровнях был достаточно активным. Как отмечал госсекретарь США Уоррен Кристофер, "у России и Соединенных Штатов очень много общего в их позиции относительно Сербии. Это касается также позиции господина Козырева и моей позиции". Россия полностью поддержала план Оуэна-Вэнса по урегулированию кризиса в Югосла-

вии, поспешила объявить вслед за США об участии русских самолетов в доставке гуманитарной помощи Боснии и Герцеговине с воздуха. Россия поддерживала все резолюции и предложения международных организаций, даже если видела их односторонность. Характерный пример. Заместитель руководителя российской делегации на 49-й сессии Комиссии ООН по правам человека в Женеве В.Бахмин отмечал, что ряд принятых сессией резолюций недостаточно сбалансирован и носит антисербский характер. И хотя российская делегация знала это и критиковала отдельные положения резолюций, она "решила не нарушать консенсус, учитывая сложность югославского кризиса".

Скупщина Сербии не раз обращалась к парламенту России с просьбой о помощи и, надо сказать, всегда находила взаимопонимание. Так, в февральских решениях ВС РФ подчеркивалась неэффективность мер по урегулированию конфликта, связанных с односторонней и необъективной оценкой событий в Югославии со стороны некоторых стран. Поэтому ВС считал целесообразным постановку правительством РФ в СБ ООН предложения о введении санкций против Хорватии и о смягчении таковых в отношении СРЮ и о последующей их отмене.

В этот период, который совпадает с правительственным кризисом в России, А.В.Козырев пытался сформулировать принципы балканской политики нашего государства: принцип равной ответственности сторон в конфликте при отказе от "презумции виновности" исключительно сербов, смягчение санкций против СРЮ вследствие жестов доброй воли Белграда, введение санкций против Хорватии в случае продолжения ею наступательных военных действий в Сербской Краине. Россия выступила также с планом конкретных предложений по урегулированию югославского кризиса из 8 пунктов. Но этот план не был достаточно конструктивным: упор был сделан на обязательном принятии плана Оуэна-Вэнса и на создании многонациональных сил ООН для его реализации. И хотя позиция МИД была далека от объективности, ее представители постоянно боялись, что ее могут интерпретировать как "просербскую" или "антимусульманскую".

Повышение активности российской дипломатии наблюдалось весной 1993 г. Заместитель министра иностранных дел РФ В.И.Чуркин провел серию переговоров в Вашингтоне, Нью-Йорке с представителями госдепартамента, с сопредседателями переговорного процесса в бывшей Югославии, в Белграде и других городах, с руководством Югославии, Сербии, а также боснийских сербов с целью поиска путей преодоления боснийского кризиса несиловыми методами. При этом, как писали белградские газеты, В.И.Чуркин проявлял понимание проблем сербов в Боснии и Герцеговине, однако воздерживался от выражения каких-либо надежд на помощь России в отражении политического натиска Запада.

В апреле СБ готовился к принятию резолюции об усилении санкций против СРЮ. По настоянию России было отсрочено до 26 апреля рассмотрение в СБ ООН резолюции о новых санкциях против Белграда. Москва мотивировала свою позицию, с одной стороны, желанием дать сторонам конфликта еще одну возможность договориться между собой, а с другой, боязнью дополнительных проблем для президента накануне референдума.

14 апреля на Балканы вылетела делегация российского парламента, намечавшая встречи с руководством Хорватии, Сербии, СРЮ, воюющих сторон БиГ. Депутаты стремились не допустить принятия еще одного несправедливого одностороннего решения Совета Безопасности, пытались содействовать переговорному процессу. Однако по настоянию Франции голосование в СБ ООН по Резолюции № 820 об ужесточении санкций против Югославии состоялось поспешно в ночь с 17 на 18 апреля. Россия воздержалась при голосовании, однако это не повлияло на принятие резолюции. В Заявлении членов парламентской делегации отмечалось, что подобное решение может спровоцировать эскалацию югославского кризиса и стать прологом к крупномасштабному военному столкновению. Депутаты осудили двусмысленную позицию представителей РФ в СБ ООН, не применивших права вето. А председатель Комитета по международным делам и внешнеэкономическим связям ВС РФ Е.А.Амбарцумов выступил с предложением объявить мораторий на введение санк-

ций против Сербии и продлить переговоры с участниками всех противоборствующих сил.

Следует, однако, подчеркнуть, что у МД в отношении Югославии не было четкой и последовательной линии. Одни высказывания дипломатов, с особой страстью разбиравшиеся в Белграде, давали некоторую надежду, другие одновременно ее полностью отбирали. По мнению В.И.Чуркина, например, успешность действий мирового сообщества не способствует политическому урегулированию конфликта. Его беспокоила "определенная милитаризация мышления в подходе к югославским делам, когда даже крупные дипломаты делают указания для нанесения тех или иных ударов в Восточной Боснии. Международному сообществу следует определиться, куда оно хочет вести дело: хочет ли оно повоевать на Балканах или все же основной упор должен быть сделан на политическое решение". А министр А.В. Козырев при этом заявлял, что Россия выполнит все резолюции Совета Безопасности, и не будет покровительствовать тем, кто противопоставляет себя мировому сообществу. Несмотря на решение Верховного Совета РФ от 29 апреля о необходимости МД "руководствоваться в своих действиях в Совете Безопасности ООН решениями Верховного Совета" вплоть до использования права вето при голосовании о возможном военном вмешательстве международных сил в югославский кризис, министр заявил, что победа Б.Ельцина на референдуме должна развеять любые надежды на то, что Россия примет сторону сербов. Запад был благодарен России за такую позицию. По мнению лорда Оуэна, "Россия сыграла весьма конструктивную роль в дипломатическом процессе. Она не воспользовалась своим правом вето, хотя Ельцин испытывает сильный нажим со стороны правых националистов".

Международная практика урегулирования югославского кризиса показала неэффективность мер международных организаций, в частности, политики силового давления, запугивания, применения силы против одной из сторон конфликта. Особенно пагубными для дальнейшего развития человечества является не-объективный подход ко всем субъектам конфликта, а также пре-

вращение международных организаций, призванных содействовать урегулированию столкновений мирными средствами, в мирового жандарма. Российский МИД занял самостоятельную позицию в балканском кризисе. При этом постепенно утрачивались собственно российские интересы в угоду интересам других государств.

Следует особо подчеркнуть, что такая позиция Российского МИД и президента не находила поддержки у народа Российской Федерации. Обращения ученых, интеллигенции, ветеранов и рабочих в поддержку Сербии и Черногории, мнения ученых-югославистов, большинства журналистов говорят о недовольстве внешней политикой России в югославском кризисе.

В мае российская дипломатия, выполняя поручение Б.Н. Ельцина вести дело к тушению войны в Боснии и Герцеговине, предприняла ряд энергичных шагов, направленных на урегулирование боснийского конфликта. В этой связи министр заявил, что этот регион представляет зону особой ответственности и исторических связей России. А.В.Козырев провел серию переговоров в Германии, Италии, Хорватии, Сербии, США, выступив с инициативой поэтапного выполнения плана Венса-Оуэна. Ее смысл заключался в том, чтобы, не дожидаясь подписания этого плана всеми сторонами, начать воплощать его в жизнь в одной или нескольких провинциях Боснии: создать местную администрацию, опробовать механизм международного контроля за соблюдением прав национальных меньшинств, попытаться организовать на федеральном уровне работу координационного органа, в который бы входили представители всех трех этнических групп. Однако эта инициатива министра не встретила поддержки его западных коллег, как впрочем и предыдущая — об организации выездного заседания СБ в Боснии.

Результатом переговоров А.В.Козырева с министрами иностранных дел ведущих стран стала программа совместных действий по прекращению войны в Боснии, принятая 22 мая Россией, США, Англией, Францией и Испанией. Наряду с традиционными положениями о продолжении оказания гуманитарной помощи, продолжении санкций против Сербии и Черногории, сохранении

зон, закрытых для полетов, план предусматривал и новые моменты — готовность к размещению военных наблюдателей вдоль границы Боснии и Сербии, создание дополнительных зон безопасности и готовность направить в Югославию новые военные контингенты, усиление международного контроля в Косове и Македонии.

Российская инициатива получила неоднозначную оценку. "Возвращение России", — так расценила швейцарская газета "Трибюн де Женев" активность российской дипломатии на Балканах. "Балансированием на грани интервенции" назвала этот план лондонская "Таймс". Однако и этот план ожидали трудности на пути его осуществления. Он подвергся острой критике мусульманской и хорватской сторонами, многие государства, в том числе и Россия, отказались посылать свои войска в Боснию и Герцеговину.

Первые широкомаштабные инициативы России требуют и последующих не менее энергичных шагов с тем, чтобы Россия могла сыграть ключевую роль в миротворческом процессе на Балканах. Так всегда было в истории. Этого ждут от нее народы Югославии.

"ЗАМИНИРОВАННОЕ НАСЛЕДСТВО" ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Одним из парадоксов конца уходящего века является тот факт, что, в то время как страны Западной Европы и Северной Америки наводят мосты политической и экономической унификации, Восточная Европа после крушения коммунистических режимов оказалась как бы "ящиком Пандоры", откуда вырвались на волю духи исторически накопившейся ненависти и раздоров. Развал огромного государства на одной шестой части суши — СССР, распад Югославии, вызвавший неутраченную гражданскую войну на отдельных ее территориях, развод Чехии со Словакией, потушенный, но политически неурегулированный конфликт в Приднестровье, опаленные войной районы Закавказья, периодически обостряющиеся межэтнические противоречия в пограничных регионах стран Центральной Европы — эти и другие очаги напряженности в "восточноевропейском доме" характеризуют обстановку, политическая атмосфера которой как бы пропитана духом агрессивного национализма.

Еще в конце 1990 г. с тревогой отмечали нарастание этого разрушительного процесса в прежних конфликтных зонах Центральной и Восточной Европы участники первого в своем роде за весь послевоенный период Конгресса национальных меньшинств, который состоялся в австрийском городке Филлах в Каринтии. Собравшиеся на нем представители 18 стран сошлись во мнении, что тесное переплетение социально-политических и национально-этнических проблем в условиях, когда распрямились народы, подавляемые коммунистической системой, когда они почувствовали потребность свою самобытность защитить истинно независимой государственностью, создало такую взрывоопасную обстановку, которая чревата развязыванием конфликтов в отношениях между странами региона и в особенности внутри многонациональных государств. Конгресс призвал тогда

европейское сообщество не допустить, чтобы "проблемы национальных меньшинств превратились в проблемы пересмотра границ" в Центральной и Восточной Европе. Это было как бы предупреждение политикам о том, с каким горячим материалом приходится иметь дело сегодня, сталкиваясь с национальными проблемами в регионе, где минувшая история во многом определяет текущую политику, а права наций, национальные и религиозные свободы, право на создание национального государства отстаивались на протяжении веков в бесчисленных войнах и восстаниях.

Впервые национальный принцип нашел выражение в польской конституции 1791 г., в которой провозглашалось, что "власть в обществе наделяется волей нации". Годом позже, в период австро-русско-турецкой войны, канцелярия господаря Валахии выпустила манифест, заявляя о намерении создать национальную армию, поскольку княжество "не должно быть ни пашалыком, ни санджаком, а территорией валашской нации". В 1804 г. сербское восстание под руководством легендарного Карагеоргиевича провозгласило национальные идеалы в борьбе за освобождение и независимость Сербии, в основе которых лежал принцип этнической общности и идея национально-государственного объединения. Так начали проявляться ростки национальной идеологии и стержнем ее у народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX в. являлся интегральный аспект с упором на этническую общность, создание собственного национального государства.

Первым межгосударственным соглашением, касающимся национального фактора, в том числе и применительно к территории рассматриваемого региона, был принятый в 1815 г. Генеральный акт Венского конгресса, торжественно провозгласивший равенство в политических и гражданских правах лиц, принадлежавших к национальным меньшинствам. И хотя подписавшие этот протокол великие державы были далеки от выполнения своих обязательств, документ впервые зафиксировал международные нормы, регулирующие национальные права. Этот факт приобретает особо важное значение применительно к народам, прожи-

вавшим на территориях, расчлененных между четырьмя империями – Россией, Австро-Венгрией, Германией и Турцией. С 1815 г. Габсбурги контролировали территорию, которая ныне составляет такие страны, как Австрия, Венгрия, Чехия и Словакия, южная Польша, южная Германия, часть Италии, западная часть недавней Югославии – Хорватия и Словения, часть Румынии, относящаяся к Трансильвании. Остальная ее территория находилась под управлением Османской империи наряду с такими землями, которые в настоящее время относятся к Турции, Албании, Болгарии, Греции и Югославии. Польша была разделена также между Германией и Россией. В 1812 г. по условиям Бухарестского мирного договора между Турцией и Россией к последней отошла Бессарабия.

Именно иностранное господство и территориальная зажатость малых народов региона между великими империями обеспечили здесь национальному принципу исключительную жизненность, породили в этносах самоохрнительный тип национализма с его новой политической концепцией национальности как нации, непременно обладающей своей собственной государственностью.

К тому времени, как первая мировая война привела к распаду империй, право наций на самоопределение стало международно признанным принципом. Сначала балканские государства обеспечили свою независимость в условиях ослабления османского господства в ходе русско-турецких войн XIX в. Тогда же в период первой Балканской войны в 1912 г. утвердилось независимое албанское государство.

В регионе Центральной Европы решающим моментом для национального самоопределения народов стал 1918-й год: тогда этим правом смогли воспользоваться Польша, Чехословакия, Венгрия, Австрия, провозгласившие государственный суверенитет на развалинах Габсбургской монархии; произошло и объединение югославянских земель в единое унитарное Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС), осуществилась вожделенная мечта нескольких поколений румынских политиков – с присоединением Бессарабии и объединением с Трансильванией образовалась "Великая Румыния".

Но 1918 г. стал не только символом осуществления вековой национальной идеи народов Центральной и Юго-Восточной Европы, а и рубежом первого территориального передела Европы в XX в. Проведенное западными державами мирное урегулирование в рамках Версальского договора после первой мировой войны породило кардинальное изменение геостратегического положения региона в целом и государств, его составляющих. Во-первых, державы Антанты, согласившись на реализацию принципа о праве наций на самоопределение в интерпретации президента США В. Вильсона, добились и собственных целей: наказали побежденные страны Четверного союза; расчленили Австро-Венгрию, сошедшую с европейской арены в качестве самостоятельной военно-политической силы, а из малых государств региона создали "санитарный кордон" против большевистской России. Во-вторых, Версальская система, закрепившая и для потерпевших поражение, и для стран-победительниц равно оспариваемые ими границы, травмировала их народы в политическом и психологическом контексте национального самосознания на весь XX в. Жестко ориентируясь на борьбу лишь за свои национальные интересы и этнически обусловленные границы, восточноевропейские государства оказались в обстановке угрожаемости со всех сторон и при этом все они имели претензии к соседям. Таким образом, проблемы национального самоопределения и положение национальных меньшинств осложнились территориальными противоречиями. Так, уже заранее программировались внутри- и межгосударственные осложнения на национальной и этнической основе.

Период между двумя мировыми войнами дает немало примеров таких конфликтов, скрыто или явно прорывавшихся из-под гнета репрессивной политики авторитарных режимов, установившихся тогда в большинстве стран Восточной Европы. Некоторые из них, связанные с особо жестоким попранием национальных меньшинств, попадали порой в поле зрения международных организаций и конференций (как, например, дело венгерских опантов из Трансильвании, к которому было привлечено внимание Лиги Наций в 1927 г., или вопрос об изгнании

национальных меньшинств в ходе греко-турецкой войны и урегулировании его на Лозаннской конференции в 1922-1923 гг.).

Хотя ни одно из государств рассматриваемого региона в этот период не было этнически однородным, напротив, национальные меньшинства составляли значительную часть населения даже в наиболее мононациональной Венгрии, особенно в ее пограничных землях, в конституциях большинства из них не признавалось наличие национальных меньшинств. Все проживающие в них (за исключением Югославий Чехословакии) народы относились к "титульной нации". В этом смысле национальное государственное образование, понимаемое, само собой разумеется, как государство одной нации, проводило политику защиты приоритетов именно этой "титульной нации" или "нации большинства". При таком государственном устройстве политика ассимиляции, вытеснения или ущемления прав других национальностей представляется справедливой и даже обязательной, ибо только с ее помощью может быть достигнута однородность нации.

В этом плане во всех восточноевропейских государствах весьма распространенной была практика принятия законов "о защите национального труда", которые обеспечивали вытеснение представителей национальных меньшинств из экономической сферы, системы образования, из государственной службы, даже из армии и правоохранительных органов. Характерно, что с установлением диктаторских режимов, в годы кризисов и со второй половины 30-х годов спектр действия этих законов значительно расширялся, будучи направленным, во-первых, против труда и капиталов, как правило, лиц еврейской национальности, во-вторых, против тех меньшинств, с которыми отождествлялось государство, находившееся не в лучших отношениях с их страной. Так, традиционно ограничения по национальному признаку в Польше и Чехословакии скорее всего касались немцев, в Румынии - бессарабцев и лишь затем венгров, в Болгарии - турок и в целом мусульман. В межвоенной Югославии доминирующей над всеми иными нацией являлись сербы. Они чувствовали себя народом - объединителем, королевская династия Карагеоргиевичей была сербской, и население Югославии вос-

принимало страну не иначе как "Великую Сербию".

Вторая мировая война принесла с собой особо жестокое и нередко позорное решение отдельных вопросов из всего комплекса национальных проблем данного региона. Уничтожение нацистами более 6 млн евреев и полумиллиона цыган привело к удалению значительной части этих меньшинств из Центральной Европы. Большинство евреев, выживших в тот период, переселилось после войны в Израиль и другие страны; новая волна их эмиграции пришлась уже на 80-е годы и таким образом для ряда стран "еврейский вопрос" можно считать искусственно или насильственно решенным.

Антигерманские настроения после войны привели к выселению немецкого меньшинства: так, из Судетской области Чехословакии, например, было выселено почти 3 млн, из возвращенных Польше западных земель изгнаны все немцы. Эта политика основывалась на решении Потсдамской конференции об очищении Восточной Европы от немцев: около 10 млн из них были насильственно переселены, бежали или подверглись другим формам этнической чистки¹.

Так начался второй передел карты Центральной и Юго-Восточной Европы. Державы-победительницы должны были наказать Германию, поделить сферы влияния и путем перемещения населения, очищения его от инородцев гарантировать закрепление границ, решение национальных проблем и исключение появления почвы для межгосударственных, межнациональных конфликтов.

Великое переселение народов началось с конца второй мировой войны, когда в освобожденных районах восточноевропейских государств по директиве советского руководства органами НКВД проводились массовые чистки с депортацией так называемого подозрительного населения в основном в районы Сибири, Казахстана и на Север, а соплеменников — на территорию исторической родины. Шел процесс и обмена населением. Например до 500 тыс. украинцев было выселено из Польши на советскую Украину: поляки вынуждены были уехать из Галиции и Волыни, украинцы покидали Хелмский край и Бещады.

Чехословацкое правительство в 1945 г. выселило около

30 тыс. венгров, а на основе заключенного в 1946 г. соглашения с Венгрией состоялся обмен 31 тыс. венгров на 33 тыс. словаков.

Венгрия потеряла большинство проживавших в ней меньшинств вместе с рядом территорий, отданных в пользу соседних стран. Примерно 5 млн мадьяр проживает за пределами Венгрии при том, что население самой страны составляет 10,5 млн человек. Самая крупная группа из национальных меньшинств в Европе — именно венгерское меньшинство в Трансильвании (Румыния), где проживает около 2 млн мадьяр, составляющих в ряде уездов большинство населения.

Таким образом, к концу 40-х годов государства Центральной Европы из всего восточноевропейского региона стали наиболее однородными по национальному составу населения, поэтому в условиях тоталитарного режима могли менее болезненно и не порождая национальной оппозиции проводить политику национального большинства. (Специфичным было положение ЧССР, см. об этом в ст. "Алгоритм распада").

Иное дело — Юго-Восточная Европа, Балканы, где процесс оказался более травмирующим и напряженным. После войны Румыния лишилась Бессарабии, но во всех международных договорах окончательно закрепила право на Трансильванию, получив тем самым самый сложный узел межнациональных проблем, отягощенных к тому же открыто заявляемым Будапештом стремлением защищать всех венгров, независимо от места их проживания. Весь послевоенный период отношений между Румынией и Венгрией был ослеплен националистическими настроениями той и другой стороны, курсом румынских политиков на насильственную и ускоренную ассимиляцию трансильванских венгров, что особенно остро проявилось в 80-е годы. Из-за этого пункт о признании существующих границ не включается до сих пор в текст договора, который предполагается заключить между Румынией и Венгрией. Данный факт рассматривается нынешним румынским руководством как потенциальная угроза территориальной целостности страны.

Найти решение проблемы национальных меньшинств путем перекройки современной карты Восточной Европы невозможно.

Наглядный пример тому – Югославия в огне гражданской войны. Два года весь мир наблюдает за югославской трагедией, а ужасающие сцены насилия у европейцев, которые думали, что с окончанием "холодной войны" опасность военных конфликтов на их континенте миновала, вызывают страшные воспоминания.

Объединяя югославянские земли после первой мировой войны, "отцы-основатели" первой Югославии верили в панславянскую идею, в преодоление этнических и конфессиональных различий, в возможность совместного сожительства и сотрудничества близких по истории, культуре и языку народов. Но к чему привело создание в 1918 г. единого югославского государства? Страна жестко управлялась из центра, столицей Югославии стал Белград – сербский столичный город, сепаратистские устремления подавлялись, автономные образования имели минимальные права, сербы занимали все командные посты в системе власти и армии, хорватам навязывали кириллицу, ограничивалось употребление других языков кроме сербохорватского... Как повторяется эта схема сегодня, начиная с гонения на языки!

В межвоенный период стремление хорватов отстаивать свои права на автономию превратилось в борьбу против сербской политики "старшего брата". В 1929 г. зародилось движение хорватских усташей, использовавших террор против сербов – носителей идеи единого государства. Независимость Хорватии принесла война, после того как Югославия в 1941 г. была оккупирована немецкими войсками и вождь усташского националистического движения Анте Павелич с санкции Гитлера и Муссолини провозгласил создание хорватского государства.

Во второй мировой войне Югославия потеряла 1 млн 700 тыс. человек. Из них в Хорватии было убито около 800 тысяч, в Боснии погибло почти 600 тыс. человек. В период правления Тито и существования после войны СФРЮ упорно замалчивался тот факт, что почти три четверти погибших были жертвами не фашизма и не внешнего врага, а гражданской войны в стране, когда усташы убивали четников-сербов, а сербы сквитались с ними на исходе войны в 1945 г. Тогда, в мае, партизаны Тито вошли в Загреб и получили от англичан плененную хорватскую

армию. Как писал сербский писатель и недавний президент новой Югославии Добрица Чосич, "на резню и яд мы ответили резней и ядом"².

Память сербов, хорватов и боснийцев, отравленная ненавистью времен второй мировой войны, не изжила ее в годы коммунистического режима. Напротив, фальсифицированная версия событий об успехе и победах народно-освободительной армии в борьбе против фашизма способствовала накоплению недоверия, нагнетанию агрессивности и насилия в югославском обществе.

Большая доля вины за нынешнюю трагедию лежит на вождях послевоенной Югославии, которые внедрили в своей стране модель национального устройства СССР: та же формальная федерация, те же союзные республики, та же система автономий для национальных меньшинств (например, Воеводина с венграми и Косово с албанцами в составе Сербии). В обоих государствах была доминирующая нация, вокруг которой объединялись все остальные и язык которой являлся официальным государственным языком: в СССР это были русские, в Югославии — сербы. Союзные республики в них, в свою очередь, были тоже многонациональными, и границы между ними сложились весьма произвольно, неоднократно перекраивались по административному принципу. Аналогии просматриваются и в том, что после распада и Советского Союза, и СФРЮ началась между бывшими республиками "война исторических карт", которая в Югославии превратилась в настоящую гражданскую войну.

Конечно, большая часть этих карт, положенных в основе претензий воюющих сторон, имеет определенную историческую подоплеку и аргументы в толще прошлых веков балканских народов. В общем котле балканской истории в различные ее эпохи "спорные" территории завоевывались, присоединялись, передавались от одного государства к другому. В результате на Балканах, как и в Восточной Европе в целом, нет этнически чистых государств, как и не может быть такого однозначного решения, которое бы удовлетворило амбиции националистических сил всех вовлеченных в конфликты сторон.

Умерить национальную вражду представляется возможным,

если старые карты территориальных раздоров найдут свое место, наконец, в архивах истории, а границы перестанут быть шрамами на лице Восточной Европы. Громадный и во многом исключительный вклад в дело восстановления мирных и добрососедских отношений в этом регионе могут и должны внести международные организации европейского и мирового сообщества. Только общими усилиями могут быть обеспечены и защищены права национальных меньшинств, потушены горящие очаги конфликтов в "общеевропейском доме".

Пока же эти проблемы являются популярной темой для дискуссий на международных форумах, но ни одно из национальных меньшинств не чувствует себя вполне безопасно под защитой общеевропейских гарантий.

Поддержание мира и защита прав человека являются основными задачами Организации Объединенных Наций, таким образом и защита меньшинств относится к сфере деятельности ООН. Ее основополагающий документ в этой области - Международный пакт о гражданских и политических правах. Более 100 государств присоединились к пакту или его ратифицировали. Существует и Комиссия ООН по правам человека, в чьей компетенции находится контроль за соблюдением этого пакта и за мерами, принимаемыми государствами для защиты меньшинств. Однако до сих пор ни одной международной и европейской организацией не выработано само определение термина "национальное меньшинство". И последняя по времени Венская конференция Совета Европы, состоявшаяся в октябре 1993 г., тоже не дала ответа на принципиальный вопрос: кого считать национальным меньшинством? Эксперты и политики в разных странах не смогли добиться сближения взглядов даже по проблемам, относящимся к позиции старых европейских демократий по вопросу меньшинств. Например, Франция не признает национальных меньшинств на своей территории (ст.2 ее Конституции провозглашает "равенство всех французов"). Схожее представление о единой государственной нации в Турции и Греции, что, однако, не помешало греческим представителям на той же Венской конференции обвинить власти Албании в систематическом

нарушении "прав греческого меньшинства". Албанский делегат в ответ вернул Афинам это обвинение, отметив, что Греция вообще не признает за национальными меньшинствами никаких прав, даже права называться национальным меньшинством и сохранять собственную национальность.

Решением Венской встречи Комитету министров иностранных дел Совета Европы было поручено к маю 1994 г. разработать рамочную конвенцию по защите прав национальных меньшинств. Эта конвенция должна содержать минимальный стандарт требований в этой области, предъявляемых как к членам Совета, так и к странам, которые стремятся в него вступить. Было также признано, что европейское сообщество направит усилия на поддержание появившихся региональных проектов сотрудничества на пути построения "Новой Европы". Так, применительно к рассматриваемому региону можно отметить зародившуюся в 1991 г. "Вишеградскую группу", включающую Польшу, Чехию, Словакию и Венгрию, как региональное объединение в Центральной Европе. В феврале 1993 г. министры иностранных дел Украины, Венгрии и Польши подписали в венгерском городе Дебрецене совместную декларацию "О сотрудничестве наций и народностей", проживающих в Карпатском регионе. В качестве наблюдателей при этом были представители Словакии и Румынии. Присутствовавшая на встрече в Дебрецене секретарь Совета Европы Катрин Лалюмьер, подчеркивая важность создания первого еврорегиона в Восточной Европе, заявила, что границы не должны служить разделяющим фактором, а объединять народы и служить хорошим примером для народов соседней Югославии, где не удается погасить военные очаги межнациональных конфликтов³.

Чем станут эти региональные объединения – связующим звеном между западной и восточной частями континента либо барьером, разделяющим их, а точнее – отрезающим от Европы Россию? Примеры создания в прошлом такого восточноевропейского барьера в виде "санитарного кордона" против СССР еще не забыты. А после войны уже и руководство Советского Союза рассматривало эти прикарпатские страны как элемент пресло-

вугото "железного занавеса". Теперь ситуация иная, но старые стереотипы живучи в памяти народов.

Вряд ли нужно подчеркивать, сколь опасен был бы такой подход для идеи карпатского сотрудничества, заявил один из участников разработки проекта Карпатского региона, директор Нью-Йоркского Института по вопросам отношений Восток - Запад Дж.Э.Мроз. "После 1989 г. посткоммунистические страны отвернулись друг от друга, сосредоточив свое внимание на Западе. Но они испытали разочарование в отношении ожидаемого быстрого принятия их в ЕС, которое оказалось нереальным. Формирование Карпатского региона станет для Запада сигналом... Даже такой смешанный в национальном и религиозном отношении край способен продемонстрировать пример успешного сотрудничества и стабильности"⁴.

Именно в таком качестве вписывается концепция "Европы регионов" в формирование нового облика всего континента. Она реально воплотилась на Западе и теперь распространяется на Восток и в случае успеха могла бы стать примером для таких районов, как Черноморский, Балканский и др. Это помогло бы, с одной стороны, разрядить зреющие национальные и территориальные конфликты, а с другой - обеспечить глубинное пространство европейского дома, которое трудно представить себе без участия в нем новой России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Здесь и далее цифры см.: Новое время. 1993. № 36. С.38-41.
2. Новое время. 1993. № 12. С.34.
3. Независимая газета. 1993. 17 февр.
4. Деловой мир. 1993. 17 февр.

СОДЕРЖАНИЕ

Т.М.Исламов.	
Национализм как реальность и научная проблема	
XX века (Вместо введения)	3
В.Н.Виноградов.	
Бессарабия – камень преткновения в российско-румынских отношениях	II
Т.М.Исламов, Т.А.Покривайлова.	
Трансильвания – яблоко раздора между Венгрией и Румынией	54
Э.Г.Задорожнюк, Г.Ю.Харциева.	
Алгоритм распада	137
Б.Н.Билунов.	
К истории македонского вопроса	162
Л.И.Жила.	
Проблемы бывшей югославской республики Македонии	171
С.П.Цехмистренко.	
Греция и македонский вопрос	194
Ю.Ф.Зудинов.	
"Мусульманский фактор" в жизни болгарского общества	215
С.А.Романенко.	
Югославия : от "братства и единства" к войне и распаду	248
Е.Ю.Гуськова, А.В.Карасев.	
Балканская трагедия:90-е годы XX века	292
М.Д.Ерещенко.	
"Заминированное наследство Восточной Европы	316

ОЧАГИ ТРЕВОГИ
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
(Драма национальных противоречий)

Сборник статей

Сборник и оригинал-макет подготовлены к печати в
Редакционно-издательском отделе ИСБ РАН

Л.Р. № 090063 от 15 окт. 1993 г.

Подписано в печать 13.10.94. Формат бумаги 60x90 1/16.

Усл. печ. л. 17,0. Тираж 200 экз. Заказ № 46

Цена договорная

Отпечатано на ротапринтере НИИИстатинформа Госком-
стата РФ

